

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА**

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

**ЯЗЫК
СОЗНАНИЕ
КОММУНИКАЦИЯ**

Выпуск 20

**Москва
2001**

ББК 81
Я410

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова*

Рецензенты:
д.п.н., проф. *Ю.Е. Прохоров*
д.ф.н., проф. *Ю.А. Сорокин*

Электронные версии (.pdf) всех опубликованных выпусков доступны на
http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_index.html

Представляя рукопись в редколлегию, авторы тем самым выражают согласие с её безгонорарным опубликованием в сборнике "Язык, сознание, коммуникация" в печатном и/или электронном виде, включая размещение в Интернете

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред.
Я410 В. В. Красных, А. И. Изотов. — М.: МАКС Пресс, 2001. —
Вып. 20. — 140 с.

ISBN 5-317-00377-6

Сборник содержит статьи, рассматривающие различные проблемы коммуникации как в свете лингвокогнитивного подхода, так и в сопоставительном аспекте, а также наиболее актуальные проблемы лингводидактики. Особое внимание уделяется национальной специфике общения, проявляющейся в особенностях ассоциативных рядов, коннотативного потенциала и восприятия художественных текстов.

Сборник предназначен для филологов – студентов, преподавателей, научных сотрудников.

Выпуски 1 и 2 опубликованы в 1997 г., выпуски 3, 4, 5, 6 – в 1998 г., выпуски 7, 8, 9, 10 – в 1999 г., выпуски 11, 12, 13, 14, 15 – в 2000 г., выпуски 16, 17, 18, 19 – в 2001 г.

ББК 81
Я410

ISBN 5-317-00377-6

© Авторы статей, 2001

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

<i>Каверина В. В.</i> Нерешенные вопросы современного русского правописания в связи с проектом «Свода правил русского правописания».....	5
<i>Клобуков Е. В., Гудилова С. В.</i> Языковая специфика непроизводных сложных слов (квазикомпозитов)	12
<i>Хо Сон Тэ (Республика Корея).</i> Языковое сознание русского народа (на материале фразеологизмов, возглавляемых именами ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ).....	26
<i>Лютикова Е. В.</i> Суггестивный дискурс: к гипотетической реконструкции оптимальной аудитории (опыт поискового семиосоциопсихологического исследования на материале историографических текстов)	35
<i>Фесенко Т. А.</i> Лингвоментальная модель процесса перевода	58
<i>Нистратова С. Л. (Италия).</i> Контактостанавливающая функция языка и сферы ее проявления	63
<i>Зевахина Т. С.</i> Функционально-грамматическая параметризация прилагательного (по данным полевого исследования дунганского языка)	69
<i>Ильинская Н. Г.</i> Лексико-семантическая группа «Глаголы звучания» в архангельских говорах	87
<i>Виноградова Е. Н.</i> Актуализационная парадигма сложных предложений, выражающих причинно-следственные отношения	99
<i>Митева Н.В.</i> О синтаксических стилистических приемах.....	108
<i>Рассошенко Ж.В.</i> Парентеза как часть когнитивного изучения языка	111

ЛИНГВОДИДАКТИКА

Караванов А. А. Некоторые проблемы преподавания видов глагола
иностранным учащимся 115

Федотова С. В. (Италия). К описанию некоторых свойств
русских глаголов, обозначающих положение тела в
пространстве (концепт пространства в лингвистике
и некоторые специфические особенности его реализации в
русском языке) 119

РЕЦЕНЗИИ

Кузьменкова В. А. Слово и фразеологизм в русском литературном
языке и народных говорах 131

ЛИНГВИСТИКА

Нерешенные вопросы современного русского правописания в связи с проектом «Свода правил русского правописания»¹

© кандидат филологических наук В. В. Каверина, 2001

Вопросы русского правописания привлекают сегодня внимание не только специалистов, но и всего общества. На пороге третьего тысячелетия возникла острая необходимость в серьезной корректировке, обновлении правил, регламентирующих русское письмо. Ныне действующие «Правила русской орфографии и пунктуации» датируются 1956 годом, и практика письма в ходе закономерного языкового развития все больше отстает от этих норм. Следует отметить неполноту действующего свода правил, которая, с одной стороны, объясняется целью их авторов регламентировать лишь трудные случаи написания, а с другой – является следствием изменений в самом языке, происходящих под влиянием различных факторов – как лингвистического, так и экстралингвистического характера. Очевидно, что устранение этой неполноты и создание свода правил, отражающих современное состояние языка, необходимо.

Говоря о процессе нормирования, следует отграничить понятие объективной нормы как явления внутриязыкового от явлений, связанных с кодификацией, то есть в определенном смысле внешних по отношению к языку. В отличие от нормы, кодификация является результатом научного познания закономерностей проявления нормы на определенном этапе развития языка. Известно, насколько велика роль объективной нормы в становлении русского письма: на протяжении всей его истории формирование правописного узуса предшествовало закреплению того или иного правила в грамматических сочинениях. Современная эпоха, несмотря на высокий авторитет, даже императивный характер кодифицированных норм, не является исключением. Закономерные языковые изменения (например, пополнение лексического и морфемного состава новыми единицами, обновление синтаксической и ритмико-стилистической структуры письменного текста) требуют регламентации их отражения на письме.

---

¹ Свод правил русского правописания. Орфография. Пунктуация. – М.: Азбуковник, 2000.

Попытка решить актуальные проблемы нормирования современного письма сделана в проекте «Свода правил русского правописания. Орфография. Пунктуация», направления работы над которым, по словам авторов, «определялись установками на полноту, на учет современной практики письма, современного состояния русского языка и науки о нем»². Сами авторы характеризуют проект как «новую редакцию правил правописания (хотя весь текст их и написан заново)»³. В проекте представлен свод правил, дополненный рекомендациями, не зафиксированными в издании 1956 года (о правописании безударных гласных в корне, употреблении буквы **й** и др.), а также регламентировано написание новых языковых единиц. Важной частью свода является обобщенное изложение орфографических изменений, сопровождающееся комментариями. Вместе с тем хотелось бы, чтобы и раздел, посвященный пунктуации, был снабжен подобным обобщающим материалом, значительно облегчающим восприятие изменений в правилах.

Существенные и необходимые добавления внесены в **состав** правил. Так, в разделе «Употребление букв и небуквенных знаков» впервые регламентируется употребление пар **а-я, у-ю, о-ё, ы-и, э-е**, а также букв **й, ъ, ь** и небуквенных знаков (дефис, косая черта, апостроф, знак ударения). Полезны рекомендации по взаимосвязанному употреблению буквы **ё** и знака ударения в текстах особого назначения (где они обязательны) и в обычных текстах, где они пишутся факультативно. Важным представляется введение особого подраздела «Безударные беглые гласные», где впервые в общем виде формулируются правила выбора буквы **о, е** или **и** на месте безударного беглого гласного в именных основах и в корнях глаголов.

Нужным правилом пополнился перечень рекомендаций по правописанию глагольных форм. Это правило письменной передачи безударных конечных гласных инфинитивной основы глагола в зависимости от усекаемости / неусекаемости глагольной основы, впервые предложенное А. А. Зализняком. Однако данное правило довольно трудно для восприятия, а тем более для применения, особенно неподготовленному читателю.

Еще одно новшество – представленное в рамках правил переноса «правило-минимум», в котором сформулированы только основные строгие запреты. Отметим, кстати, факультативное правило переноса слов, пишущихся дефисно, предлагающее (по желанию) для сохранения различий слитного и дефисного написания при переносе повторить дефис в начале следующей строки перед второй частью слова.

---

² Свод правил русского правописания. Орфография. Пунктуация. М., Азбуковник, 2000, с. 13.

³ Там же.

Актуальными представляются введенные в раздел «Пунктуация» правила, не представленные в действующем своде и основанные на «свежем» синтаксическом материале. В первую очередь это конструкции экспрессивного синтаксиса, которые активизировались в печати и обычно вызывают разнобой в оформлении, в частности именительный темы, конструкции с плеонастическим местоимением или с вопросом во второй части. Практической необходимостью обусловлено введение таких отсутствовавших в своде 1956 года понятий, как наложение и поглощение знаков, и закономерностей, с ними связанных, а также правил рубрицирования и оформления перечней.

Отметим также сделанные в проекте **уточнения формулировок ряда правил** и важные терминологические уточнения, связанные с ошибочным или непоследовательным употреблением ряда терминов в издании 1956 года, где встречаются «однородные и неоднородные прилагательные», «повелительные предложения» и т. п.

Хороший справочный материал предоставляют «перечни основных слов», подчиняющихся тому или иному правилу или являющихся исключениями из правила. Такими перечнями сопровождаются рекомендации, касающиеся узкого круга слов, которые могут быть почти в полном составе приведены на страницах свода правил.

Большое внимание привлекают предлагаемые в проекте **орфографические изменения**.

На наш взгляд, допустимо расширить употребление разделительного **ъ** перед буквами **е, ё, ю, я**, а именно распространить написание с **ъ** на все сложные слова без соединительных гласных и сложносокращенные слова, что приведет к такому написание в соответствии с основным принципом русского письма – слоговым, устранив затруднения в чтении и опознавании слов.

Актуально изменение правила о написании **н** и **ни** в полных формах страдательных причастий прошедшего времени и соотносительных с ними прилагательных. Следует отметить, что данная орфограмма на протяжении всей истории русского письма являлась одним из самых нестабильных участков орфографической системы. Действующее ныне правило было сформулировано после многочисленных трехвековых попыток упорядочить правописание **н** и **ни** в указанных группах слов лишь в 1885 году Я. К. Гротом. Заметим, что предлагаемое авторами нового проекта правило, регламентирующее употребление **н** или **ни** в зависимости от вида глагола, впервые появилось в «Российской грамматике» Академии наук 1802 года и опиралось на существовавшую уже в то время узуальную норму.

Обращаясь к двум частным правилам, уточняющим основное правило о сохранении двойных согласных на конце производящей основы

перед суффиксами, следует отметить, что первое из них – правило об употреблении одной согласной буквы перед суффиксом *-к(а)* в уменьшительных и фамильярных формах личных имен типа *Алка* (от *Алла*) – хоть и отсутствовало в своде 1956 года, но давно уже предписывалось многочисленными орфографическими справочниками. Так что введение его в свод правил является лишь формальным узаконением уже существующей нормы. Второе правило – писать одну букву *н* в любых существительных с суффиксом *-к(а)* также не вызывает серьезных возражений, так как позволит сократить число исключений из общего правила.

Наиболее значительные изменения коснулись раздела о слитных, дефисных и раздельных написаниях. По мнению авторов, все они направлены на упорядочение, а следовательно, и упрощение правописания сложных слов, что может только приветствоваться. Особо следует отметить новое правило орфографии сложных прилагательных (писать через дефис сложные прилагательные, имеющие в первом компоненте основу относительного прилагательного с суффиксом), введение которого позволит заменить существующий сегодня семантико-синтаксический принцип их написания более удобным формально-грамматическим и устранить непоследовательность орфографии многих слов данной группы.

Своевременным представляется упорядочение употребления прописных букв в официальных названиях должностей и титулов, органов власти, учреждений и др., а также стремление подвести под общее правило правописание ряда слов-исключений, таких как *ветренный* (новое написание *ветренный*), *розыскной* (новое написание *разыскной*) и др.

Хотелось бы высказать некоторые конкретные замечания по тексту проекта.

1. В правилах об употреблении *й* в заимствованных словах типа *конвейер* и слитном-раздельном написании наречий представляется необоснованным выбор слов, написания которых предлагается изменить. На наш взгляд, слово *фойе* не менее употребительно, чем, к примеру, упомянутое *конвейер*, а раздельное написание таких образований, как *под мышкой*, в современном русском языке мотивировано не более, чем предлагаемое для слитного написания *на весу* (при этом слова *на бегу*, *на лету*, *на ходу* не включены в список изменений).

2. Спорным представляется закрепление существующего, по мнению авторов, узального употребления *-е* в окончаниях существительных на *-ий* и *-ия*, в результате чего предполагается обеспечить единообразие орфографии флексий существительных соответствующих типов склонения. Во-первых, вызывает сомнение устойчивость данного узуса, а кроме того, непонятно, почему в эту группу не включены существи-

тельные на *-ие*, пишущиеся в настоящее время в соответствии с тем же правилом, что и слова на *-ий* и *-ия*.

3. Считаем нецелесообразным введение обязательного написания заглавной буквы в словах, связанных с религией. В нашей стране церковь отделена от государства и вопросы веры являются частным делом каждого гражданина. Думается, что в данном пункте правила следует устранить императивность и допустить употребление указанных слов с начальной прописной или строчной буквой в зависимости от желания пишущего.

4. Непонятен критерий, которым должен руководствоваться пользователь при выборе прописной или строчной буквы во втором слове географических названий типа Чистые П/пруды (название одного пруда и станции метро).

5. Требуется уточнения правило о правописании названий «технических изделий», в частности замечание о том, что они пишутся со строчной буквы (кроме названий, совпадающих с собственными именами – личными и географическими). В качестве примера ошибочно приведено написание «мерседес» (марка машины была названа в честь дочери хозяина фирмы Мерседес, и поэтому название должно начинаться прописной буквой, а кроме того, в Уругвае есть город Мерседес), что подчеркивает крайне неудачный выбор правописного критерия. Действительно, неискушенный в технике или географии человек может не знать, совпадает с именем собственным название изделия или нет, особенно если слово иностранное.

6. Непонятно, чем объясняется различие написаний *четы́я минея* (с. 159) и *Четьи-Минеи* (с. 223). Если данное различие мотивировано, то необходим комментарий.

7. Некорректным представляется объяснение орфографии слова *полатыни* при помощи образования «*по-латински*», отсутствующего в русском языке.

8. Хотя иллюстрирование правил преимущественно современными литературными источниками и относится к достоинствам работы, следует предостеречь авторов от приведения примеров, в которых использованы на очень субъективных основаниях авторские знаки препинания, никак не мотивируемые данным сводом правил. Так, на странице 261 приведено такое предложение: *В них [лавочках] найдешь и коленкор для саванов и деготь, и леденцы и буру для истребления тараканов, – но не отыщешь ничего свежего, горячего, ничего здорового!* Спорным здесь является объединение в пару словоформ *леденцы* и *буру*, особенно с распространителем *для истребления тараканов*. Постановка же тире перед союзом *но* абсолютно необъяснима. В предложении *Через их глаза Кирилл видел их души в тоске и в лохмотьях, – изорванные, изно-*

шенные души много страдавших людей (с. 287) запятая перед тире ничем не мотивирована. Непонятна постановка запятой между определениями *острой, седой* (бородкой), *красном, хрящеватом* (носу) и особенно *в белом, длинном* (переднике) (с. 281). Ненормативными являются знаки препинания при прямой речи в следующем случае: ... *Зоценко вдруг сказал мне с раздражением: – Нельзя лезть в литературу, толкаясь локтями* (с. 267). Можно привести много подобных примеров, безусловно встречающихся в литературных и особенно публицистических текстах. Однако появление их на страницах свода правил, призванного демонстрировать эталонную пунктуацию, нежелательно.

9. На наш взгляд, в примечании 2 к § 82 некорректно употреблено слово *самостоятельно* при объяснении правописания оборота с предлогом *вместо*: данный оборот «может употребляться либо самостоятельно, либо будучи зависимым от глагола-сказуемого». Здесь происходит смешение грамматического и семантического критериев, поскольку грамматически конструкция с указанным предлогом не может быть самостоятельной никогда.

10. К сожалению, в довольно обширном разделе о пунктуации в цитатах не сформулированы правила цитирования стихотворных текстов, в частности при пропусках слов в начале строки и целых строк.

11. Хотелось бы, чтобы в разделе о знаках препинания при вводных словах были приведены более пространственные списки вводных слов с разными значениями и слов, не являющихся вводными (например, никак не охарактеризовано неоднозначно трактуемое образование *тем не менее*).

12. Своду правил необходим подробный указатель (о чем пишут сами авторы), поскольку оглавление не дает возможности быстро найти необходимое правило (например, вызвал затруднения поиск правила об орфографии приставок на <з>).

В заключение хотелось бы остановиться на вопросе о степени императивности свода правил орфографии и пунктуации. Так, по мнению Е. И. Бреусовой, «нежелательна чрезмерная гибкость формулировок правил, которую так горячо приветствуют авторы новой редакции»⁴. С этим утверждением трудно не согласиться, читая отдельные положения проекта. Не совсем понятно, что авторы подразумевают под «возможностью выбора», о которой говорят на страницах проекта⁵, замечая, что «такая возможность ни в коей мере не отменяет общего принципа обязательности правил и единообразия письма»⁶. В связи с этим возникает

---

⁴ Бреусова Е. И. Работа над усовершенствованием русского правописания в послеоктябрьский период и вопросы общей теории орфографических реформ. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2000, с. 14.

⁵ Свод... с. 14-15.

⁶ Там же.

вопрос о степени императивности некоторых правил свода. К примеру, к § 171 дается примечание о допущении написаний с прописной буквы прилагательных на *-ский*, образованных от собственных имен, если такие прилагательные имеют значение индивидуальной принадлежности. Думается, что данное правило следует сформулировать более определенно, то есть запретить такие написания или сделать их обязательными, поскольку в данной «возможности выбора» нет никакого смысла. Непонятно также «право обоснованного выбора» между раздельным и дефисным написанием сочетаний наречия с прилагательным или причастием, причем «обоснование» выбора раздельного или дефисного написания в случаях типа *кричаще(яркий)* или *детски(беспомощный)* очень сомнительно: если пишущий «считает такое сочетание соединением наречия с последующим словом, то пишет его раздельно, если же видит в нем сложное слово, то пишет через дефис» (примечание к § 137). Столь же субъективным критерием предлагается руководствоваться при выборе слитного или раздельного написания *не* (примечание 1 к §§ 153-154). Вероятно, в этих и подобных случаях следовало бы подчеркнуть различие в написании разных языковых образований, а не говорить о «возможности выбора» вариативного написания.

В связи с вопросом об императивном характере свода правил следует отметить неуместность формулировки примечания 2 к § 132, в котором сообщается, что «наметилась тенденция к вытеснению двоеточия знаком тире в художественной литературе, в публицистике», при этом никаких комментариев не дается. Полагаем, что данные сведения без соответствующих рекомендаций по употреблению тире вместо двоеточия (хотя бы о допустимости такой замены) являются бесполезными и не соответствуют целям свода правил – регламентировать письмо.

Таким образом, многие актуальные вопросы современного русского правописания, к сожалению, в новом проекте так и остаются нерешенными.

Языковая специфика непроеизводных сложных слов (квазикомпозитов)

© доктор филологических наук Е. В. Клобуков, С. В. Гудилова, 2001

Сложное слово, или к о м п о з и т¹, – одно из наиболее интересных явлений в системе русского словообразования. Композиты неоднократно служили объектом специального изучения². Дальнейшее исследование системы композитов представляет особый интерес с разных точек зрения: не секрет, что многие постулаты русской дериватологии сформулированы с учетом лишь аффиксальных производных, без должного внимания к дериватам, образованным неаффиксальными способами. Сложное слово как результат деривационного объединения нескольких маркированных семантических категорий, в которых познающий субъект осуществляет концептуализацию действительности, исключительно интересно с позиций когнитивистики³. Наконец, изучение динамики развития системы композитов на фоне развития иных деривационных подсистем помогает понять как некоторые важные особенности развития русского литературного языка, так и специфические черты организации современной речевой деятельности⁴.

Композит чаще всего понимается как дериват, словообразовательная структура которых предполагает несколько – две или более – производящих (мотивирующих) основ⁵. Под такое определение подходят производные слова типа *лесостепь* (← *лес, степь*), *Новгород* (← *новый, город*) и многие другие. Все подобные дериваты – неотъемлемая часть словообразовательной системы языка. В отличие от дериватов, являющихся результатом применения аффиксальных способов словообразования (*лесистый, безлесье, городок, пригород*), при образовании композитов участвуют структурно однородные компоненты, каждый из которых или равен корню (*лес-о-степь*), или же включает корень наряду с одним или несколькими аффиксами (*лес-о-торговля*). Именно такие компоненты являются объектами сложения как одного из неаффиксальных (операционных) способов словообразования.

¹ Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. С. 202; Немченко В. Н. Основные понятия словообразования в терминах. Красноярск, 1985. С. 44-45.

² Василевская Е. А. Словосложение в русском языке. М., 1962; Русская грамматика / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. Т. I. М., 1980. С. 242-246.

³ См., в частности, исследования Е. С. Кубряковой.

⁴ См. подробнее: Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М., 1992.

⁵ Улуханов И. С. Сложное слово // Русский язык. Энциклопедия. 2-е изд. / Гл. ред. Караулов Ю. Н. М., 1997. С. 514.

Однако далеко не все слова, по традиции рассматриваемые в словообразовательных исследованиях как композиты, соответствуют приведенному выше определению. С разветвленной, лексически очень широко представленной деривационной подсистемой композитов – производных слов вполне определенного типа, на наш взгляд, не сливается принципиально иная группа сложных слов, которые в дальнейшем мы будем называть *к в а з и к о м п о з и т а м и*. Это слова типа *макромир, блицтурнир, текстология, фильмотека* и т. п. Словообразовательной характеристике подобных слов и посвящена данная статья.

I. Композиты и квазикомпозиты: сходства и различия

Существенное сходство композитов и квазикомпозитов заключается в том, что основы и тех и других являются *ч л е н и м ы м и*, включают корневые морфы, повторяющиеся в других словах. Ср. два ряда однокоренных слов для слова *макромир*: *макробиблиотека, макрогенератор, макрокинетика, макрокристаллический, макромолекула* и т. п.; *мир, мирок, мировой, миропорядок* и т. п. Еще проще подобрать такие ряды слов для композитов типа *миропорядок*, оба составных компонента которых сводимы к самостоятельным лексемам.

Итак, общим для основ композитов (*миропорядок, фильмокопия*) и квазикомпозитов (*макромир, фильмотека*) является вычленение в морфемной структуре их основы как минимум двух структурно однородных компонентов, содержащих *к о р е н ь* (или, в частном случае, равных корню).

В то же время очевидно, что слова типа *макромир* не во всех отношениях тождественны собственно композитам типа *миропорядок*. Есть основания говорить о целом ряде существенных отличий между собственно композитами и квазикомпозитами: в отличие от «обычных» сложных слов, квазикомпозиты характеризуются 1) связанностью составных компонентов своей основы, 2) особенностями морфемного членения и, что самое главное, 3) неприродностью основы.

Рассмотрим подробнее каждый из отмеченных признаков квазикомпозитов.

1. Связанность составных компонентов в структуре основы квазикомпозита

В отличие от «обычных» композитов, основа слова-квазикомпозита включает как минимум одну из корневых морфем, которая обладает следующими признаками: а) она является по своему происхождению заимствованной и обычно включается в общий для современных европейских языков фонд интернациональных морфем (ср. русские слова *библиотека, дискотека, фильмотека* и соответствующие слова совре-

менных европейских языков); б) такая корневая морфема не употребляется в свободном виде, вне сочетания с другими корнями.

Феномен квазикомпозитов возвращает нас к новым, ранее всесторонне не исследовавшимся аспектам проблемы связанных основ, поставленной в свое время Г. О. Винокуром⁶. До сих пор активно обсуждался вопрос связанности корней, сочетающихся с различными аффиксальными морфемами (*одеть, низвергнуть; буженина, малина*). Из свойства связанности корня в аффиксальных образованиях подобного рода делались заключения о словообразовательной непроизводности подобных лексем.

В связи с рассмотрением корпуса русских квазикомпозитов возможно уточнение самого понятия «связанный корень» (или, по Винокуру, «связанная основа»). Связанный корень, или радикалоид, может быть синтагматически фиксирован не только сочетаемостью с определенными аффиксами (*поднять, отнять, снять; обуть, разуть; агитация, агитировать; туризм, турист* и под.), но и сочетаемостью с другими корнями, без которых такой корень не существует (*аэровизуальный, гелиобиология, кардиобригада, адаптоген, гипнопедия, пневмограмма, полимапан, филология* и под.).

Слова типа *аэровизуальный*, безусловно, являются сложными: в их составе два корня, каждый из которых несет свое значение. Несомненно и то, что подобные сложные слова членимы (связанность корня не служит основанием для исключения слова из разряда членимых).

В. В. Лопатин и И. С. Улуханов, анализируя сложные слова типа *блицтурнир, гелиотерапия, макроклимат, текстолог, лексикограф, гидроплан, психогенный, наукообразный*, различают связанные компоненты типа *блиц-, гелио-, макро-* (такие начальные компоненты квазикомпозитов всегда интернациональны) и «опорные» связанные компоненты типа *-лог, -граф, -план, -генный, -образный* и под. (эти компоненты, занимающие ф и н а л ь н у ю позицию в основе квазикомпозита, по происхождению также обычно интернациональны, но в морфемном отношении оформлены по законам русского языка)⁷.

С учетом того, что свободные и связанные элементы в составе квазикомпозитов могут сочетаться в различных комбинациях, представляется целесообразным выделить три основные модели строения квазикомпозитов:

1. Квазикомпозиты, состоящие из начального свободного и конечного связанного элементов (формула: Своб.₁ + Связ.₂: *адаптоген, биолакт, кинограмма* и др.).

⁶ Винокур Г. О. Заметки по русскому словообразованию // Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959.

⁷ Русская грамматика, т. I. С. 245, 321-322.

2. Квазикомпозиты, состоящие из начального связанного и конечного свободного элементов (формула: Связ.₁ + Своб.₂: *автокомментарий, блицвизит, мнемосхема* и др.).

3. Квазикомпозиты, состоящие из двух связанных элементов (формула: Связ.₁ + Связ.₂: *аквамобиль, батискаф, полимаран* и др.). Квазикомпозиты такого типа, между прочим, вовсе не редки в словарном запасе современного русского языка; ср. данные Грамматики 1980, где перечислены сложные слова с целым рядом начальных связанных элементов: *акванавт, аквамобиль; антрополог, антропометр; библиофил, библиотека; графолог, графоман; кардиолог, кардиограмма; типография; троллейбус, троллейкар; фонотека, фонолог; хронограф, хронометр* и некоторые другие, более редкие и узкоспециальные⁸.

Каков же состав радикасоидов, участвующих в образовании квазикомпозитов?

А. В качестве *начальных* связанных компонентов интернационального характера в Академической грамматике 1980 отмечаются, кроме перечисленных только что, следующие элементы: *авто*₃- (синонимичный компоненту *само*-): *автобиография; авто*₄- (со знач. «самходный, самодвижущийся»): *автовагон; астро*₂- «относящийся к звездам»: *астроориентация; аэро*₁- (синонимичный *авиа*-): *аэровокзал; аэро*₂- «относящийся к воздуху»: *аэродинамика; баро*- «относящийся к атмосферному давлению»: *барокамера; блиц*- «очень краткий»: *блицтурнир; био*₂- «относящийся к жизни, живым организмам»: *биозащита; видео*- «относящийся к передаче изображения на расстоянии»: *видеозапись; дендро*- «относящийся к деревьям и кустарникам»: *дендрохронология; гелио*- «относящийся к Солнцу»: *гелиофизика; гео*- «относящийся к Земле»: *геохимия; гидро*- «относящийся к воде»: *гидродинамика; изо*₂- «относящийся к равным, одинаковым показателям какой-либо величины»: *изолиния; квази*- «мнимый, ложный»: *квизизвезда; лейт*- «главный»: *лейтмотив; макро*- (противоположный *микро*-): *макроклимат; макси*- (противоположный *мини*-): *макси-юбка; микро*₁- «очень малый или связанный с изучением очень малых предметов, величин»: *микроорганизмы; мини*- «маленький, осуществляемый в малых размерах», «очень короткий»: *мини-юбка; моно*- «одиначный»: *монокультура; нео*- «новый»: *неореализм; невро*- и *нейро*-: «относящийся к нервной системе»: *невропатология, нейроанатомия; нитро*- «относящийся к азоту»: *нитролак; поли*- «состоящий из многих частей»: *полиvitамин; псевдо*- «то же, что *квази*-»: *псевдонаука; теле*₂- «осуществляемый на расстоянии»: *телеуправление; фото*₂- «относящийся к свету, световой энергии»: *фотохимия; хромо*- «относящийся к цвету»: *хромолитография*.

Эти связанные компоненты квазикомпозитов могут быть разбиты

⁸ Там же. С. 244-245.

по тематическим группам. Так, отдельную группу составляют повторяющиеся инициальные компоненты сложных слов, используемые в номенклатуре мер и обозначающие увеличение и уменьшение базисного значения меры в определенное число раз: *кило-* (*километр, килограмм*); *деци-* (*дециметр, децилитр*); *сантиметр-* (*сантиметр, сантиграмм*); *милли-* (*миллиметр, миллиграмм*); *микро-* «уменьшение в миллион раз»: *микровольт, микро рентген; мега-* (*мегатонна, мегагерц*)⁹.

Б. В числе связанных о п о р н ы х (конечных) компонентов сложных существительных рассматриваемого типа в Грамматике 1980 названы следующие: *-лог* в названиях лиц по профессиональному занятию, связанному с определенной отраслью знания: *текстолог, психолог*; *-граф* в названиях: а) лиц по профессиональному занятию, связанному с определенной или записью (чего-нибудь или каким-нибудь образом): *библиограф, лексикограф*; б) орудий, механизмов, приборов, записывающих что-нибудь: *фонограф, барограф*; *-грамм(а)* в названиях результатов записи (чего-нибудь или каким-нибудь образом): *телеграмма, фонограмма*; *-метр* в названиях измерительных приборов: *рентгенометр, таксометр*; *-ман* в названии лиц, пристрастных к тому, что названо первой основой: *балетоман, меломан*; *-фил* в названии лиц, любящих что-нибудь, расположенных к чему-нибудь (*библиофил, славянофил*) и живых существ, любящих то, что является условием их существования (*термофил, гидрофил*); *-фоб* в названиях, антонимичных словам с компонентом *-фил*: *женофоб, германофоб*; *-скоп* в названии оптических и других приборов и инструментов, связанных с наблюдением над чем-нибудь: *телескоп, микроскоп*; *-фон* в названии приборов, связанных с воспроизведением или передачей звука: *телефон, видеофон*; *-навт* в названии лиц, путешествующих на летательных или подводных аппаратах: *астронавт, аэронавт*; *-дром* в названии площадок, приспособленных для различных соревнований машин, взлета и посадки летательных аппаратов: *мотодром, аэродром*; *-план* в названии летательных аппаратов: *аэроплан, гидроплан*; *-стат* в названиях неподвижных или передвигающихся лишь под внешним воздействием аппаратов и приспособлений: *аэростат, стратостат*; *-бус* в названии видов общественного транспорта: *автобус, троллейбус*; *-мобиль* в названии средств передвижения: *автомобиль, электромобиль*; *-кар* в названии небольших по размеру приспособлений для перевозки чего-нибудь: *автокар, электрокар*; *-тек(а)* в названии собраний чего-нибудь и помещений для хранения этих собраний: *библиотека, картотека*; *-роб* в названии лиц, занятых в какой-нибудь отрасли сельского хозяйства: *хлебороб, хлопкороб*; *-стан* в названии стран, территорий, населенных преимущественно какой-нибудь национальностью: *Узбекистан, Тад-*

⁹ Там же. С. 244-246.

жикистан; *-рам(а)* в названии видов зрелищ, охватывающих широкое пространство: *кругорама, стереорама*; *-бол* в названии спортивных игр с мячом: *велобол, мотобол*; *-мер* в названии химических веществ по характеру их строения: *полимер, изомер*; *-лиз* в названии процессов разложения химических веществ: *электролиз, гидролиз*; *-локация* в названии технических способов обнаружения чего-нибудь: *радиолокация, гидролокация*; *-трон* в названии установок, помещений для научных опытов: *микротрон, биотрон*; *-гамия* в названии видов брака: *моногамия, полигамия*; *-пат* в названии лица с заболеванием чего-нибудь: *психопат, невропат*¹⁰.

В качестве связанных опорных компонентов квазикомпозитов-прилагательных в Грамматике 1980 названы следующие: *-образный* «подобный тому, что названо первым компонентом»: *зигзагообразный, человекообразный*; *-валентный* «способный соединиться с атомами другого элемента в пропорции, названной в первой основе»: *одновалентный, поливалентный*; *-геничный* «обладающий внешними данными, благоприятными для воспроизведения с помощью средства, названного в первой основе»: *фотогеничный, телегеничный*; *-генный* «происходящий от того, что названо в первой основе»: *вулканогенный, радиогенный*¹¹.

Единственный зафиксированный в Грамматике 1980 глагольный связанный опорный компонент *-фицировать* имеет значение «оборудовать или снабдить тем, что названо мотивирующим существительным» или «наделять признаком, названным мотивирующим прилагательным»: *радиофицировать, русифицировать*¹².

Нужно отметить, что среди связанных компонентов в рамках квазикомпозитов выделяются как радикалоиды – связанные корни, сочетающиеся с несколькими свободными или связанными корнями (*акваланг*, ср. *аквапарк*), так и унирадикалоиды¹³, характеризующиеся уникальной сочетаемостью – унивалентностью (*акваланг*).

2. Особенности членимости квазикомпозитов

Членимость и производность являются важнейшими свойствами основ. Благодаря связанности одного или даже всех составных компонентов квазикомпозитов эти слова требуют специального рассмотрения, поскольку соотношение признаков членимости и производности основ у сложных слов такого рода является (на фоне основной массы сложных

¹⁰ Там же. С. 245-246.

¹¹ Там же. С. 321-322.

¹² Там же. С. 391.

¹³ Земская Е. А. Словообразование // Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. 3-е изд. М., 1997. С. 316.

слов) нестандартным.

Вообще говоря, можно выделить четыре типа основ по характеру соотношения их членимости и производности¹⁴.

1. Основы членимые и производные: *нов-еньк(ий)* ← *нов(ый)*.
2. Основы членимые и непроизводные: *о-де(ть)*.
3. Основы нечленимые и производные: *маг* ← *магнитофон*¹⁵.
4. Основы нечленимые и непроизводные: *пе(ть)*.

Если опираться на эту классификацию основ, то собственно композиты типа *лесостепь* и пр. должны быть отнесены к первой группе, так как их основа является одновременно членимой и производной. Членимость подобной основы, т. е. выделимость в ее составе двух свободных корней, связанных интерфиксом, подтверждается наличием двух рядов однокоренных слов: *лес, лесник, лесной, лесистый, лесовод; степь, степной, степняк*. Что касается производности такой основы, то каждой из корневых морфем, входящих в состав основы, соответствует производящее (*лесостепь* ← *лес, степь*), т. е. соблюдается критерий производности слова, сформулированный в свое время Г.О.Винокуром: «...о п р о з в о д н о й основе можно говорить лишь тогда и лишь до тех пор, пока есть соотношенная с ней основа н е п р о и з в о д н а я»¹⁶, выступающая в качестве производящей.

Аналогами квазикомпозитов среди аффиксальных дериватов являются производные слова типа *столик, летчик, прибежать* и т. п., входящие в два ряда соответствий – по корню и аффиксу (т. е. в словообразовательный квадрат).

Однако М. В. Панов писал о шкале членимости аффиксальных дериватов: «Критерий Винокура помогает понять, что границы между морфемами в слове имеют разную резкость, разную определенность. Есть слова хорошо, ясно членившиеся на морфемы, например *летчик*. Есть слова, совсем не членившиеся на морфемы, например *кенгуру*. И есть промежуточные случаи»¹⁷. Об этом же писали Н. А. Янко-Триницкая¹⁸, В. В. Лопатин, И. С. Улуханов, Е. А. Земская и другие ученые. Так, авторы словообразовательного раздела Академической

¹⁴ Клобуков Е. В. Морфемика. Словообразование // Краткий справочник по современному русскому языку / Под ред. П. А. Леканта. 2-е изд. М., 1995. С. 163-164.

¹⁵ Иногда существование такого типа основ отрицается. Так, Е. А. Земская пишет: «... Каждая производная основа членима...» (*Земская Е. А. Словообразование. С.320*). Как кажется, это утверждение опровергается многочисленными случаями образования разговорных нечленимых дериватов типа *зав, спец, универ* и т. п.

¹⁶ Винокур Г. О. Указ. соч. С. 425.

¹⁷ Панов М. В. Позиционная морфология русского языка. М., 1999. С. 88.

¹⁸ Янко-Триницкая Н. А. Членимость основы русского слова // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1968. Вып. 6.

грамматики 1980 указывают, что производные слова «членятся на морфемы с разной степенью отчетливости». Хорошо членятся слова, морфемы которых повторяются в других словах в свободном виде или в сочетании с другими морфемами. Слова же типа *почтальон*, *брусника* и под., имеющие уникальные отрезки *-альон*, *бруси'*-, принадлежат к словам с «ослабленной членимостью»¹⁹.

Таким образом, проблема степеней членимости основ рассматривалась до сих пор на примере аффиксальных слов, т. е. слов с основами, строящимися по моделям типа «корень + суффикс», «префикс + корень» и т. п.. Мы считаем возможным и необходимым рассмотреть проблему степеней членимости основ на материале квазикомпозитов, т. е. слов, основы которых строятся по модели «корень + корень»²⁰, причем как минимум один из корней будет связанным, или радикасоидом.

Собственно композиты (*лесостепь*, *миропорядок*) характеризуются свободной членимостью основ – по шкале М. В. Панова, это первая степень членимости²¹.

Как следует из всего сказанного ранее, членимость квазикомпозитов не может быть признана во всех случаях одинаковой уже хотя бы потому, что данные слова в своем составе имеют связанные компоненты, не представленные в языке вне сочетаний с другими свободными или связанными компонентами.

Принимая во внимание результаты исследований М. В. Панова, Н. Янко-Триницкой и Е. А. Земской, мы можем установить следующие степени членимости квазикомпозитов (подчеркнем, что шкала членимости основ квазикомпозитов не будет совпадать со шкалой членимости аффиксальных дериватов).

П е р в а я степень членимости: один из составных компонентов квазикомпозита – свободный, а другой – связанный, в принципе сочетающийся с разными свободными компонентами (т. е. радикасоид, при котором могут быть и аффиксы: *вирусология* ← *вирус* + *o* + ...*лог/ия* ср. *витаминология*, *косметология*, *культурология*, *марксология*).

В т о р а я степень членимости: при свободном компоненте – связанный, не сочетающийся с другими свободными компонентами (унирадикасоид): *биоэкоc* ← *био...* (биологический) + греч. *oikos* (дом, родина), ср. *биотрон*, *биолакт*, *биогенный*, *биоцид*; *лыжероллеры* ← *лыжи* + *e* + англ. *roller* (ролики), ср. *спортроллер*.

Т р е т ь я степень членимости: в рамках квазикомпозита объеди-

¹⁹ Русская грамматика. М., 1980. С. 130.

²⁰ Возможны и модификации этой модели, так как опорный связанный корень может сочетаться со словообразовательными аффиксами.

²¹ Русский язык советское общество. Словообразование современного русского литературного языка. М., 1968.

нены два связанных компонента – два радикаоида, сочетающиеся в других сложных словах как со свободными, так и со связанными компонентами: *аквамобиль* ← *аква...* (водный) + *...мобиль* (самодвижущееся транспортное средство), ср. *акванавт*, *акваланг*, *аквапарк*; *автомобиль*, *луномобиль*, *реанимобиль*.

Ч е т в е р т а я степень членимости: сочетаются один радикаоид и один унирадикаоид (с другими основами в корпусе сложных слов он не сочетается): *астроблема* ← *астро...* (космический) + греч. *blema* (рана), ср. *астрология*, *астрофизика*; *акупунктура* ← лат. *acus* (игла) + *punctura* (укол).

Слова, которые являются членимыми лишь в этимологическом плане, располагают синхронно нечленимыми основами: *дзюдо* (*дзю-до*), *скейтборд*, *фристайл* и др. Такие слова невозможно признать для современного русского языка сложными словами, даже квазикомпозиатами. Иными словами, объединение двух унирадикаоидов невозможно.

3. Непроизводность квазикомпозитов

Главное отличие между собственно композитами и квазикомпозиатами заключается в том, что квазикомпозиты не п р о и з в о д н ы .

Напомним суть критерия производности основ, сформулированного Винокуром: производной является только такая основа, к которой можно подобрать основу производящую. Этот принцип, безусловно, должен приниматься во внимание и тогда, когда речь идет о производности сложных слов.

Сложное слово является производным тогда, когда к а ж д а я из входящих в его основу корневых морфем соотносится с производящим, т. е. замыкает на себе определенную словообразовательную цепочку. Например, слово *миропорядок* является производным, так как оба составных компонента композита соотносятся с производящим (соответственно *мир*, *порядок*). Так же должен решаться вопрос о словообразовательной производности /непроизводности квазикомпозитов. Если вторая часть основы сложного слова *макромир* соотносится с производящей основой *мир*, то первая часть – *макро-* – не имеет соответствий среди производящих основ, характерных для современного состояния современного русского языка. Из этого следует: данное слово (тем более такое слово, как *акваланг*, с двумя связанными компонентами) находится за пределами группы словообразовательно производных слов.

Такое решение расходится с обычной практикой трактовки слов типа *акваланг* в числе производных слов (см. соответствующие параграфы Академической грамматики 1980). Но если вспомнить, как строго подходит современное словообразование к отграничению производных аффиксальных слов от непроизводных, придется признать практику

трактовки квазикомпозитов типа *макромир*, *акваланг* некорректной. Напомним, что в той же Грамматике 1980 аффиксальные основы с унификсами типа *брусника*, *добавить*, для которых невозможно найти производящее, трактуются как непроизводные (немотивированные)²². Как кажется, этот подход является единственно возможным и при решении вопроса о производности сложных слов. Если не является префиксальным дериватом формально членимый глагол *добавить* (в основе которого выделяется не имеющий здесь деривационной функции префикс *до-*), то не должно считаться и результатом сложения существительное *макромир* (тем более *антрополог*) как не удовлетворяющее главному требованию, предъявляемому к дериватам-композирам: необходимо, чтобы в д а н н о м языке реально существовало ровно столько производящих, сколько корневых морфем включает основа композита.

Если же включать квазикомпозиты в число дериватов, то тогда придется считать дериватами и иные виды слов с непроизводными, но в той или иной степени членимыми основами: *буженина*, *калина*, *аспирант*, *доцент*²³. Однако это неприемлемо для науки наших дней.

Итак, если не смешивать понятия членимости и производности, то необходимо разграничить д в е г р у п п ы с л о ж н ы х с л о в : 1) собственно сложные слова, или к о м п о з и т ы в узком смысле (результат сложения) и 2) к в а з и к о м п о з и т ы – сложные непроизводные слова, которым не место в словообразовательных разделах грамматик и учебников; они являются достоянием не словообразования, а морфемики – науки о морфемной структуре слова.

Вопрос о словообразовательных характеристиках непроизводных сложных слов был перенесен Л. П. Крысиным в плоскость противопоставления синхронии и диахронии²⁴. Анализируя слова типа *гомеопатия*, *экология*, автор ставит вопрос, относятся ли подобные слова к числу фактов синхронного с л о в о о б р а з о в а н и я , или же перед или з а и м с т в о в а н и я из других языков, т. е. факты этимологической производности. Автор склоняется к выводу об исключении подобных слов из системы живого синхронного словообразования.

Соглашаясь с правоммерностью подобной постановки вопроса, мы полагаем тем не менее, что при таком подходе в комплексе рассматриваются фактически две дихотомии:

- 1) соотношение заимствования и исконно русского слова;
- 2) соотношение факта словообразования (производное слово) или

²² Русская грамматика. М., 1980. С. 130-133.

²³ О возможности вычленения в подобных словах связанного корня см.: *Панов М. В.* Позиционная морфология русского языка. М., 1999; ср.: *Янко-Триницкая Н. А.* Указ. соч.

²⁴ *Крысин Л. П.* Словообразование или заимствование? // Лики языка. К 45-летию научной деятельности *Е. А. Земской*. М., 1998. С. 197.

объекта морфемики (членимое, но не производное слово).

Мы считаем возможным рассматривать феномен квазикомпозита лишь в рамках второго из названных противопоставлений.

II. Развитие системы квазикомпозитов в современном русском языке

Проведенное нами исследование неологизмов по материалам Словаря новой лексики под редакцией Н. З. Котеловой²⁵ позволяет сделать ряд выводов о развитии системы квазикомпозитов. В результате сплошной выборки из указанного словаря установлен корпус сложных непроеизводных неологизмов, который включает 456 лексем, в том числе 414 существительных, 41 прилагательное и 1 глагол.

Исследование системы композитов-неологизмов позволяет сделать следующие выводы.

1. Сравнивая связанные компоненты слов-композитов, представленных в Академической грамматике 1980, и соответствующие компоненты, выявленные нами в новой лексике 50-х – 80-х годов, следует указать, что и инициальных, и финальных (опорных) связанных компонентов в строении непроеизводных сложных слов в новой лексике выделяется почти вдвое больше, чем в базовой русской лексике, результаты исчерпывающего словообразовательного анализа которой представлены в Грамматике 1980. Если в Академической грамматике отмечается 44 инициальных и 32 опорных компонента²⁶, то в анализируемом нами Словаре новой лексики установлено соответственно 105 инициальных и 53 финальных (опорных) связанных компонентов.

Нами зафиксирован целый ряд новых связанных компонентов, которые не представлены в списках Академической грамматике 1980. Среди них:

А . Н а ч а л ь н ы е связанные компоненты: *адено-* «железа»: *аденовирусы*; *аксио-* «ценность»: *аксиология*; *аку-* «игла»: *акупунктура*; *аллело-* «взаимно»: *аллелопатия*; *алло-* «другой»: *аллопластика*; *апо-* «удаление»: *апоцентр*; *арбо-*, *арбор-* «дерево»: *арболит*; *арео-* «Марс»: *ареоцентрический*; *астено-* «мягкий, слабый»: *астеносфера*; *аудио-* «слух»: *аудиовизуальный*; *ауто-* «свой, собственный»: *аутомикрофлора*; *бати-* «глубоководный»: *батиплан*; *би-* «состоящий из 2-х частей»: *билингвизм*; *бин-* «два»: *бинокуляр*; *варио-* «измеряю»: *вариоскопия*; *гала-* «праздничное, торжественное зрелище»: *гала-концерт*; *гастро-* «относящийся к желудку, пищеварению»: *гастроэнтерология*; *гемо-* «кровь»: *гемодиализ*; *гер-* и *геронто-* «старик»: *гериатрия*, *геронтоло-*

²⁵ Словарь новых слов русского языка (середина 50-х – середина 80-х годов) / Под ред. Н. З. Котеловой. СПб., 1995.

²⁶ Русская грамматика. С. 244-246, 321-322, 391.

гия; гетеро- «иной, разный»: гетеропереход; гига- «равный 10^9 исходных единиц»: гиганология; гипо- «понижение, ослабление»: гиподинамия; гисто- «относящийся к тканям»: гистохимия; гното- «известный, очевидный»: гнотобиология; гомео- «подобный, одинаковый»: гомеостат; гомо- «сходный, равный»: гомотрансплантация; деонто- «должное»: деонтология; крио- «холод, мороз, лед»: криобиология; ксеро- «сухой»: ксерокопия; мезо- «средний, промежуточный»: мезосфера; мнемо- «запоминание»: мнемосхема; мульти- «много»: мульти-миллиардер; нано- «миллиардная доля»: наносекунда; нефро- «почка»: нефрология; ноо- «разум»: ноосфера; одоро- «запах»: одорология; олиго- «содержащий что-либо меньше нормы»: олигомер; орто- «прямой»: ортостатический; палео- «относящийся к древности»: палеоклимат; пести- «зараза»: пестицид; плано- «блуждающий»: планотрон; пневмо- «дыхание»: пневмограмма; прокто- «задний проход»: проктология; пульмоно- «легкое»: пульмонология; пьезо- «давлно»: пьезокерамика; рего- «ковёр, покрывало»: реголит; рео- «течение, поток»: реография; ролл- «катить, катиться»: ролл-трейлер; селено- «Луна»: селенодезия; синема- «кино»: синематека; солано- «картофель»: солонология; спелео- «пещеры»: спелеотерапия; спиро- «дыхание»: спиорограмма; стето- «грудь»: стетофонограф; сурдо- «слух»: сурдокамера; такси- «устройство»: таксидермия; талассо- «море»: талассотерапия; тензо- «деформация»: тензометрия; терио- «зверь»: териология; терра- «земля»: террамицин; томо- «часть, слой»: томограмма; трасо- «след»: трасология; ферро- «связанный с железом»: феррозонд; фито- «растение»: фитотерапия; флюоро- «поток»: флюорография; футуро- «будущее»: футурология; хемо- «относящийся к химическим процессам»: хеморецепторы; цито- «клетка»: цитозология; экспресс- «быстрый, срочный»: экспресс-анализ; эласто- «гибкий, тягучий»: эластомер; энтеро- «связанный с кишечником»: гастроэнтерология; энцефало- «головной мозг»: энцефалограмма; это- «обычай»: этология.

Б. О п о р н ы е (вторые, конечные) связанные компоненты, участвующие в образовании квазикомпозитов-существительных: -арт «искусство» поп-арт; -аут «вне» тайм-аут; -блема «рана»: астроблема; -визор «устройство, дающее изображение»: радиовизор; -ген «вещество, порождающее, вызывающее что-либо»: аллерген; -дерм(ия) «кожа»: таксидермия, нейродермит; -динам(ия) «сила»: гиподинамия; -иатрия «лечение»: гериатрия; -кинезия «движение»: гипокинезия; -ланг «легкое» (анат): акваланг; -ландия «земля, остров»: спортландия; -лакт «молоко»: биолакт; -лепт(ик) «схватываемый»: нейролептик; -лит₁ «камень»: реголит; -лит₂ «материал»: ковrolит; -маран «ср. катамаран»: полимаран; -мицин «ср. биомицин»: террамицин; -номия «наука, система взглядов»: аэрономия; -патия «влияние»: аллелопатия;

-педия «обучение, воспитание»: *гипнопедия*; -пирин «жар, тепло»: *амидопирин*; -поника «работа, выращивание»: *аэропоника*; -пунктура «укол»: *акупунктура*; -роллер «ролики»: *лыжероллеры*; *спортроллеры*; -сома «тело»: *рибосома*; -термия «теплота»: *биотермия*; -цид «уничтожение»: *биоцид*; *зооцид*; -экос «дом, родина»: *биоэкос*.

В структуре квазикомпозитов-прилагательных также выделяются опорные связанные компоненты, не отмеченные Грамматикой 1980: -родный «вызывающий»: *опухолеродный*; -тропный «направленный, целевой»: *психотропный*; -фицированный «снабженный чем-либо»: *гидрофицированный*.

2. Из отмеченных в Академической грамматике 1980 связанных компонентов сложных слов совершенно себя не проявили в новой русской лексике, а следовательно, утратили свою актуальную значимость в морфемной системе неологизмов (эмпирически «устарели»), такие компоненты, как *авто-* со значением «самоходный, самодвижущийся»; *антропо-*, *библио-*, *графо-*, *деци-*, *изо-* «относящийся к равным одинаковым показателям какой-либо величины»; *лейт-*, *милли-*, *санти-*, *типо-*, *троллей-* и *-роб*, *-стан*, *-рам(а)*, *-бол*, *-локация*, *-гамия*, *-пат*, *-фильство*, *-филия*, *-фобство*, *-навтика*; *-валентный*.

3. Говоря о степени регулярности связанных компонентов, выделяемых в неологизмах-квазикомпозитах, необходимо указать на то, что среди первых связанных компонентов наибольшую регулярность обнаруживают компоненты *микро-* (52 неологизма), затем *гидро-* (21 слово) и *теле-* (18 слов). Многие из зафиксированных связанных компонентов проявляют себя в одном-двух словах: *адено-*, *апо-*, *одоро-*, *талассо-*, *тензо-*, *это-* и другие.

Среди вторых «опорных» связанных компонентов особую регулярность обнаруживает компонент *-логия* (34 слова); нерегулярный компонент *-экос* зафиксирован в единственном слове *биоэкос*.

4. Слова-квазикомпозиты с одним связанным компонентом членятся в нашем сознании благодаря присутствию в них других, несвязанных компонентов, легко нами распознаваемых.

Однако в словаре-источнике выделена целая группа слов, имеющая в своем составе два и даже три связанных компонента (Связ.₁ + Связ.₂; Связ.₁ + Связ.₂ + Связ.₃). Таковы, например, слова: *аквामобиль* ← *аква*... «водный» + ...*мобиль* «самодвижущееся транспортное средство»; *батиплан* ← *бати*... «глубоководный» + *план* «аппарат для передвижения в воздухе или в воде»; *ксерография* ← греч. *xeros* «сухой» + *графия*; *аксиология* ← греч. *axios* «ценность» + *о* + ...*логия* «учение, знание»; *биогеоценология* ← *биогеоценоз* + ...*логия* «изучение, наука»; *трасология* ← *траса* «след» + *о* + ...*логия* «изучение, наука»; *реголит* ← греч. *regos* «ковёр, покрывало» + *лит* «камень»; *планотрон* ← греч. *planos* «блуж-

дающий» + *o* + ...*трон* «устройство, установка»; *гастроэнтерология* ← *гастро*... «относящийся к желудку, к пищеварению» + *энтеро*... «связанный с кишечником» + ... *логия* «изучение, наука»; *геокриология* ← *гео*... «Земля» + *крио*... «холод, лед» + ...*логия* «изучение, наука» и другие.

Заметим, что подобных слов с самой низкой (четвертой, по предложенной нами классификации) степенью членимости среди неологизмов немало. Группа подобных слов в количественном отношении представлена, например, почти таким же числом слов, что и класс квазикомпозитов, строящихся по формуле «Своб.₁ + Связ.₂».

Итак, вопреки мнению многих ученых, квазикомпозиты – членимые, но непроизводные сложные слова – не являются принадлежностью системы синхронного словообразования, поскольку они непроизводны. Тем не менее квазикомпозиты могут быть интересным объектом исследования в других отношениях – в плане своей морфемной структуры, с точки зрения степени членимости основы и т. п. Одним из возможных направлений изучения слов этого типа могут стать семантические отношения между их компонентами.

Языковое сознание русского народа (на материале фразеологизмов, возглавляемых именами ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ)

© кандидат филологических наук Хо Сон Тэ (Республика Корея), 2001

Семантическая систематика при небольшом количестве фразеологизмов, выражающих идею жизни, достаточно обширна. Здесь можно выделить несколько семантических групп фразеологизмов, включающих в себя имя ЖИЗНЬ.

1. Имя ЖИЗНЬ в значении 'факта наличия состояния биологического существования человека' представлено оборотами: *жизнь идёт, жизнь проходит* с дифференциальными семами 'движение' и 'пересечение пространства'. Как заселенное пространство мыслится свет. Слово СВЕТ входит во фразеологизмы со значением «родиться», которые употребляются как перифразы: *появляться / появиться на свет, являться / явиться на свет*. Так, выявляется образ ЖИЗНИ-Движения и ЖИЗНИ-Пространства. В этих же фразеологизмах выявляется и значение 'начало'. Темпоральное значение имеет фразеологизм *истоки жизни*. Само слово ИСТОКИ, употребляемое в форме множественного числа, имеет переносное значение 'начало чего-нибудь'. Сочетаясь со словом ЖИЗНЬ оно выступает в роли метафоризатора. Однако эта метафора, закрепленная в системе языка, стерта, и лишь пристальное внимание к словосочетанию восстанавливает ее образность, и тогда происходит расширение сигнификата за счет появления дифференциальной семы: ИСТОК – 'начало', 'первоисточник'. Исток – это начало реки, и ЖИЗНЬ мыслится как река (см. *река жизни*). Таким образом, и здесь восстанавливаются семы 'время', 'пространство' и 'движение', но в форме имплицитного образа ЖИЗНЬ-Река.

2. ЖИЗНЬ-Подарок, ЖИЗНЬ-Вещь предстает во фразеологизмах со значением 'родить' и дифференциальной семой 'каузирование': *подарить жизнь (кому), дать жизнь*. Фразеологизмы отличаются стилистической окраской: первый – высокой, второй – нейтральной. Перифраза, выражающая значение 'родить' (*производить / произвести на свет (кого)*), выступает как метатолкование к слову РОДИТЬ.

3. Образ ЖИЗНИ-Нити выявляется во фразеологизмах, обозначающих 'процесс биологического существования' с общим значением 'жить'. Фразеологизмы *нить жизни* имеет имплицитную сему 'длина'. Жизнь тянется, жизнь длинная и тонкая, как нить. Образ жизни как 'вещи на нити определенной протяженности (длины)' мотивирует глагольный

фразеологизм *жизнь оборвалась* со значением 'конец жизни'. Таким образом, фразеологизм *нить жизни* может иметь двойное прочтение: ЖИЗНЬ-Вещь на нити, которую кто-то подвесил и ЖИЗНЬ-Нить (или -Ткань), которая легко может порваться, а может тянуться до бесконечности.

В значении 'жить' употребляются в основном фразеологизмы-перифразы *пребывать на белом свете, смотреть на белый свет, век вековать*. В целом смысл фразеологизмов и поговорок со словом СВЕТ совпадает. Добавим только, что дифференциальный признак 'способность человека проявлять признаки жизни' отличает фразеологическую единицу *смотреть на белый свет* от других единиц. Просторечный фразеологизм *жив курилка*, употребляющийся с оттенком иронии, имеет значение 'быть живым вопреки всем ожиданиям'.

В значении фразеологических единиц *век вековать* и *пребывать на белом свете* прослеживается дифференциальный временной признак. Если в семантике фразеологической единицы *век вековать* эта сема служит для обозначения долголетней жизни, то в значении фразеологизма *пребывать на белом свете* подчеркивается тот сравнительно недолгий временной отрезок, в течение которого человек живет как биологическое существо.

4. ЖИЗНЬ-Гора, ЖИЗНЬ-Склон через имплицитные семы 'время' и 'пространство' вырисовывается во фразеологизме *на склоне жизни*. Через слово СКЛОН в значении 'наклонная поверхность' раскрывается внутренняя форма фразеологизма: импликатура образа жизни как горы, с которой человек спускается на протяжении всего своего существования и соотносится с противопоставлением верха / низа (об этом см. далее). Убедительным кажется именно такое видение имплицитной структуры в соотношении с фразеологическим оборотом *дела идут в гору, идти в гору* в значении 'делать карьеру' и с синонимами *на склоне лет, на склоне дней, с вершины прожитых лет*. Итак, в образе ЖИЗНЬ-Гора жизнь мыслится как определенная форма пространства, имя СКЛОН также обозначает конкретную форму жизни, где есть верх – начало, а низ – конец. Так определяется вектор движения: сверху (от рождения) вниз (к смерти).

Существуют обороты-синонимы *отойти в горный мир* и *отойти в горную обитель*, где слова МИР и ОБИТЕЛЬ выступают в значении 'жизнь', то есть отражают идею вечной жизни, и потому не противоречат уже описанным представлениям о жизни-горе. Глаголы описанных фразеологизмов имеют общее значение 'движение', что позволяет восстановить образы: ЖИЗНЬ-Путь и СМЕРТЬ-Путь, так как ЖИЗНЬ после смерти – тоже путь, однако различие заключается в векторах движения.

5. Имплиcitный образ ЖИЗНЬ-Маяк (Свет) выявляется в следующей группе фразеологизмов. Качественная характеристика жизни эксплицитна во фразеологизме *беспросветная жизнь*, то есть 'очень мрачная', 'без радости', 'без надежды на лучшее'. Синоним этого фразеологизма со значением 'безрадостно, беспросветно, однообразно и трудно жить' – *маячить жизнь* (прост. устар.): *В какую-то среду людей, скучно маячивших жизнь изо дня в день, незаметно вторглось большое, совершенно незнакомое ему дело* (Гл. Успенский. Очерки переходного времени). Во внутренней форме этого фразеологизма представлен образ – 'свет, брезжащий вдалеке (маяк)'. Через компонент значения слова МА-ЯК этот фразеологизм можно соотнести с пословицей *Жизнь прожить – что море переплыть* (Жигулев 1965).

Качественная характеристика тесно переплетается с социальной характеристикой жизни, которая во фразеологизмах, как правило, имплицитна. Со значением 'образ жизни' употребляются фразеологизмы *светская жизнь* и *сидячая жизнь*. Значение 'социальные отношения' присутствует во фразеологизме *подруга жизни* (ритор, и шутл.: жена), а также во фразеологизмах, обозначающих оценку образа жизни через деятельность субъекта (*вступить / вступить в жизнь*, то есть 'начинать какую-нибудь деятельность', и *возвращаться / вернуться к жизни*). В сочетании *вступить в жизнь* представлена сема 'замкнутое пространство' (помещение), как и в сочетании *войти / входить в жизнь кого-то*.

Однако человека может *вернуть к жизни*, *вызвать к жизни* другой человек, благодаря чему он способствует «новому» рождению: *возрождение к жизни*; человеку может быть дана *путевка в жизнь*, то есть его жизнь как 'деятельность' санкционирует другой человек. Активизируя нечто, человек способен сам *давать жизни*; будучи активным, он способен *строить (новую) жизнь*, так как она – объект преобразования: *воплощать в жизнь*, *претворять в жизнь*, *проводить / провести в жизнь*. Таким образом, человек – активный субъект (агенса), для которого жизнь – и объект воздействия, и сущность, апеллируя к ценности которой он воздействует на себе подобных и действительность.

В то же время сама жизнь способна быть активной. Сема 'опыт', приобретаемый человеком в процессе существования, выявляется во фразеологизме *жизнь показывает*, соотносящемся с другим – *жизнь учит*. Смысл 'бесцельно прожитая жизнь' передает фразеологизм *прожигать жизнь*, в котором жизнь предстает как материальный предмет, который может сгорать.

Социальные отношения имплицитованы и во фразеологизмах *унести жизнь (подбить)*, *отнимать жизнь*. В сопоставлении с поговоркой *Жизнь наша не краденая* особенно четко выявляется образ Жизнь-Вещь,

но 'своя', которую некто может отнять, украсть и которую человек сам может потерять. Этот же образ представлен и во фразеологизме *положить свои жизни*. ЖИЗНЬ предстает как товар, которому есть своя цена: *цена жизни*.оборот: *не на жизнь, а на смерть* предстает в нескольких значениях – 1. не щадя своей жизни (вести борьбу, сражаться). 2. жестокая, беспощадная, до решительного исхода (борьба, сражение и т. п.). 3. очень сильно (враждовать, ругать, ругаться и т. п. – и имплицитно означает 'жизнь-ценность'. Ментальный компонент значения не выявляется во фразеологизме *вопрос жизни и смерти*, так как здесь слово ВОПРОС имеет значение 'дело, обстоятельство, касающееся' жизни или смерти, то есть жизнь ставит вопрос.

Имплицитный образ ЖИЗНЬ-Театр выявляется во фразеологических оборотах *уйти со сцены жизни, песенка спета, играть жизнью и смертью*. Фразеологизм *песенка спета* многозначен и употребляется, когда речь идёт о чей-либо жизни, работе, о чьем-либо существовании, преуспевании, в значении 'наступил конец'. Творительный падеж (instrumentalis) слов ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ во фразеологизме *играть жизнью и смертью* позволяет выявить имплицитные образы ЖИЗНЬ-Игрушка, СМЕРТЬ-Игрушка.

Жизнь мыслится как 'вместилище', в которое помещается другая, материализованная, воплощенная (*во-плот-и-ть*) или сотворенная (*сотвор-ить*) идеальная сущность: *воплотить (претворить) в жизнь, воплотить свои мечты, войти в жизнь*. Жизнь как 'вместилище' может быть пустой или полной: *Наша пустая жизнь полна абсурда* (из разговора); *И жизнь полна тобою...* На основе узуальной сочетаемости выявляется имплицитный образ ЖИЗНЬ-Сосуд. «Фразеологический словарь...» (Молотков 1994) представляет материал, позволяющий выявить случаи, когда ЖИЗНЬ сама наполняет собою нечто, что-либо или кто-либо может быть вместилищем жизни: *что-либо полно жизни, кипит жизнью* – ЖИЗНЬ-Вещество.

Фразеологизмы, выражающие идею смерти как естественного процесса, могут быть классифицированы по следующим семантическим группам.

1. Фразеологизмы, обозначающие процесс приближения смерти и включающие имя СМЕРТЬ: *при смерти, между жизнью и смертью* позволяют выявить имплицитный образ СМЕРТЬ-Пространство.

Фразеологизм *при смерти* не является антонимом по отношению к фразеологизму *при жизни*. Фразеологизм *при жизни* имеет темпоральное значение 'за время жизни как деятельности', и в нём выявляется импликация 'пространство', восстанавливаемая через предлог ПРИ ('приближение'). Нижеперечисленные фразеологизмы-синонимы, перифрастичны. Общее значение этих фразеологизмов можно определить

как 'быть близким к смерти'. Основное семантическое различие в этой подгруппе – указание на степень приближения к этому состоянию. Представим перечень этих фразеологизмов, разделив их на подгруппы по образу-метафоре, легшему в их основу и структурирующему концепт СМЕРТЬ: *быть на пороге смерти; не жилец на белом свете; быть на краю могилы, стоять одной ногой в могиле, смотреть (глядеть) в могилу, глядеть в гроб; дышать на ладан, много не надышит, при последнем издыхании, еле-еле душа в теле; дни сочтены, смертный час.*

В данных примерах многие фразеологизмы имеют живую внутреннюю форму, обуславливающую высокую степень их наглядности, образности (*порог смерти*: СМЕРТЬ-Дом; фразеологическое единство *быть на краю могилы* – на фоне свободного сочетания *стоять на краю могилы*). Выражение *на одре смерти* буквально прочитывается как 'на постели смерти' при невозможности сочетания **на одре жизни* (ср.: **на склоне смерти* или *на склоне жизни*), потому что в русском сознании смерть связана с постелью, а жизнь с горой, на которую восходят, или с путем, который преодолевают. В данном сочетании – эллиптическое обозначение ситуации («умирающий человек лежит на кровати» – «смерть лежит») приводит к метафорической структуризации концепта СМЕРТЬ. Тот же семантический механизм во фразеологизме *быть на пороге смерти*, в котором имплицированы такие реалии быта человека, как дом и дверь. У смерти свой дом: МОГИЛА, ГРОБ. Данный фразеологизм соотносится с пословицей *Узка дверь в могилу, а вон и той нет* (Даль 1993). Смысл 'свет как жизнь', а 'жизнь как пристанище, дом' раскрывается через слово ЖИЛЕЦ во фразеологизме *не жилец на белом свете*.

Близость смерти метафорически определяется как *край могилы*, то есть 'ямы, в которую падает человек', что соотносится с идеей низа. Может быть, поэтому человечество, противясь такому положению и стремясь ввысь, создало мавзолей – 'большое надгробное мемориальное сооружение', которое, кстати, соотносится не со смертью, а с памятью (теогит – мемориальный), а через нее с вечной жизнью. Могила для языкового сознания оказывается тем «конкретизатором», который позволяет раскрыть значение абстрактного имени СМЕРТЬ, поэтому в языке существуют и активно употребляются словосочетания в переносном значении, а через предикаты и предложно-падежные формы выявляется направление движения вниз и вовнутрь: *одной ногой в могиле стоит кто-нибудь* (близок к смерти, разг.), *рыть могилу кому-нибудь* (готовить гибель), *свести в могилу кого-нибудь* (довести до смерти), *сойти в могилу* (умереть, высок), *в могилу смотрит кто-нибудь, глядит в гроб* (скоро умрет). При этом субъект смотрит в могилу, гроб другого, умершего, составляя представление о смерти, но соотносит это пред-

ставление не с собой (**смотрю в могилу, *гляжу в гроб*), а с третьем лицом. Визуальный объект (МОГИЛА, ГРОБ), оказывающий сильнейшее воздействие на психику воспринимающего, – эмпирический компонент концепта СМЕРТЬ, мотивирующий её образ. Разнообразная палитра стилистических оттенков, то есть широкая употребительность выражений в различных языковых сферах русского дискурса свидетельствует о значимости образа могилы как символа смерти для русского языкового сознания. Между тем для народов Востока идея места оказывается особенно существенной. Так, например, в Китае в жилищах выделяется основное место («фу зэй» – счастливая жизнь), место здоровья («тянь и» – небесный доктор), место долголетия, место процветания, место смерти («цюань минь» – полная катастрофа), место шести ша («лю ша» – шесть смертей). В шумерском языке МОГИЛА означает 'могущественное', 'возвышенное место' или 'большое место', что соотносится с идеей мавзолея.

В языке аккадском специально для могилы короля было заимствовано слово из шумерского *kimahhu(m)*, в котором могила короля эфемистически обозначается как 'жизненное пространство вечности' (*subat darati*), 'дворец покоя' (*ekal tapsuhtī* или *salalai*). В русском языке такое место называется УСЫПАЛЬНИЦА, место вечного сна – не смерти. Любопытное амбивалентное представление о месте упокоения души находим у корейцев. Одна из трех душ, имеющих у живого человека, переселяется в могилу на попечение горного духа. Так совмещается подземное и «надземное» пространства. Другая душа переселяется в поминальную табличку, на которой начертано имя умершего и которая помещается в жилище на трехлетнее хранение, а третья – в неведомый мир к десяти судьям (Описание Кореи 1900: 31-32).

Представление о месте смерти в русском языковом сознании соотносится ещё с выражением *царство смерти*, через которое выводится имплицитный образ СМЕРТЬ-Царица, СМЕРТЬ-Властительница.

Фразеологизмы *много не надыхит, при последнем издыхании*, соотносятся с представлением о дыхании как физиологическом признаке жизни, в то время как оборот *еле-еле душа в теле* раскрывает представление о теле – месте для души, как ее темнице, оковах – и пограничном состоянии выхода души на свободу. Фразеологизм *дышать на ладан* мотивирован религиозном обрядом, совершаемом при умирающем человеке.

Можно также выделить адverbальную семантику с темпоральной ориентацией во фразеологизмах со значением 'до последнего момента жизни': *до конца дней, до последнего издыхания, до последнего вздоха, до гроба, до гробовой доски, до последней капли крови*. Все эти фразеологизмы являются связующим звеном, «мостом» между двумя фрагмен-

тами – жизнь и смерть, осуществляя тем самым взаимосвязь их в составе одного фразеосемантического поля. Представление о приближении смерти соотносится с представлением о жизни как времени, отведенном человеку на пребывание на земле: *дни сочтены, смертный час*.

2. СМЕРТЬ-Сон, СМЕРТЬ-Покой. В данную группу объединяются фразеологизмы, обозначающие сам 'процесс естественного перехода от биологического существования к биологическому несуществованию' и с общим значением 'умереть', так как на изменение значения влияет вид глагола, например, – *покидать / покинуть жизнь*. Эти фразеологизмы в основном находятся на периферии семантического поля и используются как перифразы: *испускать / испустить дух, испустить последний вздох, дух (душа) вон, отдать богу душу; оставлять свет; покидать / покинуть жизнь, покинуть грешную землю, покинуть земную юдоль*.

Фразеологические единицы подгруппы 'умереть' передают не только состояние (действие), но и отношение к умершему человеку, его социальную значимость, характер смерти: *приказать долго жить, отправиться к праотцам; отправиться на тот свет; лечь в гроб (могилу); отправиться в Елисейские поля, отправиться в штаб Духонина; уйти в лучший мир; окончить дни свои; отойти в вечность, отойти от мира сего, отойти в горный мир (горною обитель), отойти к вечному блаженству; закрыть глаза, смежить очи, заснуть вечным сном, почить вечным сном; повергнуться в прах, превратиться в прах; почить в Бозе, отдать Богу душу. Бог (господь) прибрал; принять мученический венец; карачун пришёл, кондрашка хватил; поехать в могилевскую губернию; с копыльев долой, протянуть ноги, драть (задрать) ноги, откинуть лапти; выносить вперед ногами; сыграть в ящик, дать дуба; отдать концы; вознать в гроб; нести гибель, нести смерть; обрекать / обречь на гибель; стереть в (мелкий) порошок (кого), стереть в табак*.

В стилистически маркированном (высок.) фразеологизме *найти смерть* и его синонимах (*найти кончину / конец / могилу*) нейтрализован признак 'каузальность', существенный при противопоставлении данного фразеологизма и его вариантов идиоме *отправиться на тот свет (кого)*, что приводит к расширению значения лексической единицы и контекстов ее употребления. Через значение глагола НАЙТИ выявляется имплицитный образ СМЕРТЬ-Вещь. Во фразеологизмах *приказать долго жить, отправиться к праотцам* отражается идея связи души умершего с живущими на земле и идея памяти о предках как вечной жизни, имплицитно представленная в поговорках.

В синонимичных фразеологических оборотах *закрыть глаза, смежить очи, заснуть вечным сном, почить вечным сном* СМЕРТЬ – это Сон и Покой. Так же, как и в оборотах *много не надыхит, при последнем издыхании*, отражено опытное знание о физиологическом, а также

органическом («химическом») процессе смерти (*повергнуться в прах, превратиться в прах*), отражающем убеждение о бренности тела, временности его существовании. Таким образом, концепт СМЕРТЬ структурируется как единство опытного, конкретного знания и обобщения, абстрагирования от этого самого конкретного. Стремления языкового сознания через метафоризацию (глагол, прилагательное, существительное в их буквальном значении) «овеществить», «материализовать» абстрактное и тем самым мифологизировать его соотносятся между собой. Так, например, во фразеологизме *отдать Богу душу* восстанавливается представление о том, что ДУША человека принадлежит Богу, и, *покинув грешную землю*, благодаря тому, что *Бог (господь) прибрал ее*, душа человека может *почтить в Бозе*. С религиозным представлением о христианском отношении к мукам соотносится фразеологизм *принять мученический венец*.

Следует отметить, что во фразеологизмах, стилистически сниженных, таких перифразах к имени СМЕРТЬ, как *с копыльев долой, протянуть ноги, драть (задрать) ноги, откинуть лапти*, структура концепта СМЕРТЬ «усечена», так как он имеет здесь нулевую мифологему. То же относится к фразеологизмам, отражающим похоронный обычай *выносить вперед ногами, сыграть в ящик, дать дуба, вознать в гроб, лечь в гроб*. Некоторое исключение составляют фразеологизмы *кондрашка хватил* и *карачун пришел*. Первый соотносится с именем КОНДРАТИЙ, а второй – со словом КАРАЧ 'высокий сановник, министр у казанских татар' (Фасмер 1996).

Общую схему представления русского языкового сознания о жизни и смерти можно описать как ЖИЗНЬ – СМЕРТЬ – ВЕЧНАЯ ЖИЗНЬ ПОСЛЕ МОМЕНТА СМЕРТИ. Именно этим объясняется и страх перед смертью и ее ожидание как избавительницы с надеждой на будущую вечную лучшую жизнь, вечное блаженство, покой.

Почти во всех глагольных словосочетаниях выявляется сема 'движение' и в очень многих – 'пространство'. С представлением о земной жизни связан образ нити, которую в любой момент любой человек и/или обстоятельство могут оборвать (*нить жизни, жизнь оборвалась*). Многие фразеологизмы входят как основной компонент в паремии (впрочем, возможна и обратная связь: сочетания вычлениются из паремий), поэтому и их семантические различия не существенны, однако они есть. Жизнь и в паремии- и во фразеосемантическом поле предстает как данность, но в то же время человек может принимать участие в её порождении гораздо более активное, чем то, которое отражено в пословицах (*подарить или дать жизнь*). Скорее вечная жизнь после смерти больше соотносится с участием Бога, чем грешная земная (см. фразеологизм *почтить в Бозе*).

Приятие смерти во фразеологическом семантическом поле отражено в меньшей мере, имплицатуры сложнее, чем в пословичном. Так же, как и в пословицах, во фразеологизмах смерть метафорически определяется через реалии похоронного обряда, но менее – через реалии быта, предстающие в цепочке ДОМ – ПОРОГ – ДВЕРЬ и ещё ДУБ – древесина, из которой делается гроб (*дать дуба*), при этом вводится коннотация отчуждения смерти, некоторой насмешки над ней.

Человек, по данным идиом, проходит на Земле путь по горе: от рождения до смерти он идет вниз, после смерти душа человека поднимается вверх (*возносится в горний мир*). Однако в русском языке представлено и нечто другое: в сочетании *с вершины прожитых лет* возраст («прожитые лета») закодирован в образе горы, до вершины которой человек дошел, а в сочетании *на склоне лет* – в образе горы, по склону которой он спускается. Таким образом, жизненный путь представляется как физический подъем и спуск, а послежизненный – как подъем души. При этом и в физической жизни душа всегда устремлена вверх, к Богу. Правда, эта устремленность релевантна только для религиозного сознания. Концепты ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ интерпретируются через антропоцентрические феномены бытия.

Л и т е р а т у р а

1. *Даль В. И.* Пословицы русского народа (в 3 томах). М., 1993.
2. *Жигулев А. М.* Русские народные пословицы и поговорки. М., 1965.
3. *Молотков А. И.* Фразеологический словарь русского языка. М., 1986.
4. Описание Кореи. СПб., 1900.
5. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1996.
6. *Федоров А. И.* Фразеологический словарь русского языка. М., 1997.

**Суггестивный дискурс:
к гипотетической реконструкции оптимальной аудитории
(опыт поискового семиосоциопсихологического исследования
на материале историографических текстов)**

Часть II¹

© кандидат филологических наук *Е. В. Лютикова*, 2001

Анализ американских историографических текстов представлен также на материале двух работ, взятых из сборника под названием "Проблемы национальностей в Советском Союзе" [13], изданного в 1971 г. под редакцией известного специалиста по истории СССР Эдварда Олворта.

В первом из рассматриваемых ниже текстов цель сообщения, или авторская мотивация (предикация I порядка), эксплицитно не репрезентирована, но итоги интенционального анализа позволяют заключить, что на эту цель указывает заголовок статьи² – "Советский коммунизм и национализм: Три стадии исторического развития". Можно сказать, что мотивация статьи определялась задачей показать в исторической перспективе три стадии взаимодействия двух идейных течений – "советского коммунизма" и русского национализма. Основной тезис (предикация II порядка, уровень 1) утверждает: "Для понимания роли советского коммунизма в националистическом мире более важным, чем структурные сопоставления, будет анализ его [коммунизма. – *Е.Л.*] исторических и идеологических предпосылок и тех изменений, которые он претерпел"³ [13, 44]. Разъяснения к основному тезису репрезентированы в следующих предикациях (II порядка, уровень 2): (а) "Такой подход чреват опасностью трактовать советский вариант как нечто совершенно особенное, подчеркивая его специфические черты... в ущерб тому, что есть в нем общего с [другими. – *Е.Л.*] историческими явлениями, и не подходя всерьез к вопросу о том, скольким он обязан спе-

---

¹ Часть I содержит изложение теоретической базы исследования и анализ, произведенный на материале русскоязычных историографических текстов (см. Язык. Сознание. Коммуникация. Вып. 19. М., 2001).

² *Hans Kohn*. Soviet Communism and Nationalism: Three stages of a Historical Development. [13, 43-71]

³ "More important than structural comparisons for the understanding of the role of Soviet communism in a world of nationalism will be an analysis of its historical and ideological background and the changes it underwent."

цифическим обстоятельствам"⁴ [13, 44]; (b) "Как бы там ни было, исторический подход проясняет громадные перемены в советском коммунизме за более чем полстолетия, перемены, которые были вызваны или соответствовали переменам во всем мире в период, характерный необычайным и повсеместным динамизмом"⁵ [13, 44]. Ниже представлен краткий итог анализа, причем, как и ранее, приводятся и рассматриваются только те предикации, которые требуют от оптимальной аудитории данного текста особых свойств восприятия.

1. Противоречия выявляются почти в самом начале текста при сопоставлении референции фоновых предикаций (IV порядка, уровень 2.2): а) "Эти проблемы [проблемы национальностей. – *Е.Л.*], обычные для многонациональных государств, решались в Советском Союзе довольно успешно по той самой причине, что Ленин отказывался рассматривать Советский Союз в качестве национального государства русских"⁶ [13, 43]; б) "Понятно, что напряжение между национальностями в Советском Союзе, Югославии или Индии гораздо больше [чем в Швейцарии, которая "являет собой пример наиболее успешного применения федеративного принципа" (с.43). – *Е.Л.*]"⁷ [13, 43]. Возможно, это результат наложения двух точек зрения, но остается неясным, с чьей позиции представляется, что проблемы решались успешно, и с чьей позиции видится большая напряженность между национальностями. Практически между этими двумя предикациями, на взгляд "стороннего наблюдателя", выстраивается ироническая антитеза. Хотя, скорее всего, здесь имело место непреднамеренное расхождение референций, в восприятии оптимальной аудитории это расхождение так или иначе должно быть неразличимо.
2. Рассматривая первую из упомянутых в заглавии работы трех стадий взаимодействия "советского коммунизма" и русского национализма, автор делает следующий вывод (предикации II порядка, уровень аналитической оценки ситуации – 3.2): "На первой стадии ленинская революция обладала чертами секулярного всемирного мессианства. Корни ее были в марксизме, но она могла также найти отклик в русской славяно-фильской традиции, хотя между обеими концепциями была глубокая про-

---

⁴ "Such an approach carries the danger of isolating the Soviet case too thoroughly, of stressing its special features... at the expense of what it has in common with the historical phenomena, and of underplaying the question of how much is due to specific situations."

⁵ "The historical approach, however, clarifies the great changes in Soviet communism over more than half a century, changes which were partly caused by, or corresponded to, worldwide changes in a period of unusual dynamics every where."

⁶ "These ["nationality" (p.43). – *Е.Л.*] problems, common to multinational states, have been solved relatively well in the Soviet Union for the very reason that Lenin refused to regard the Soviet Union as a Russian nation-state."

⁷ "Understandably the tensions between the nationalities in the Soviet Union, Yugoslavia, or India are much greater [than in Switzerland, which "represents the most successful application of the federal principle" (p.43). – *Е.Л.*]."

пасть"⁸ [13, 46]. Тут же отмечается, что как Ленин (российский практик революции), так и Маркс (ее немецкий теоретик) полагались в своих практических и теоретических расчетах революционных процессов на промышленных рабочих [13,46], что вкупе с замечанием о "рациональном интернационализме"⁹ Ленина (предикация II порядка, уровень аналитической оценки ситуации – 3.2) [13,48] дает возможность "стороннему наблюдателю", пусть даже далекому от марксизма, предполагать в промышленных рабочих именно интернациональную силу, а в самих авторах концепции – Марксе и Ленине – подозревать людей, для которых в теории и практике революции национальная аффилированность не является определяющим фактором. Тем не менее, не объясняется, каким образом у славянофилов (как очевидно из самого названия, утверждавших примат национального, своего над интернациональным, всеобщим) могла найти отклик позиция Ленина и его концепция революции с опорой на экономические ("промышленные рабочие") и, по сути, интернациональные, а не национальные силы.

3. На уровне иллюстраций к ситуативно-событийному плану (предикации III порядка, уровень 1.3), где речь идет о влиянии национальной идеи на русскую словесность, обращает на себя внимание аналогия, усматриваемая автором в мессианских мотивах, возникающих в финале "Двенадцати" Блока [13, 46] (причем текст не цитируется) и финале "... Эти бедные селенья..." Тютчева: "Всю тебя, земля родная, / В рабском виде Царь небесный / Осененный ношей крестной / Исходил, благословляя"¹⁰ [13, 47]. Представляется, однако, что в упомянутых произведениях актуализируются все же разные каноны, хотя и связанные с одним и тем же основным архетипом – Христом. На мой взгляд, тот образ, что возникает в финале блоковской поэмы, судя по следующим строкам: "И за вьюгой невидим, / И от пули невредим, / Нежной поступью надвьюжной, / Снежной россыпью жемчужной, / В белом венчике из

---

⁸ "In its first stage, Lenin's revolution bore traits of a secular universal messianism. It was rooted in Marxism, but it could also appeal to a Russian Slavophile tradition, though there was a deep gulf between the two conceptions."

⁹ "Rational internationalism."

¹⁰ Оригинал цитируется по изданию: *Ф. И. Тютчев. Полное собрание стихотворений*. В 2-х тт. Ред. и комм. *Г. Чулкова*. Т.2. М.-Л. Academia.1934. С. 94. Подстрочный перевод Х. Кона (автора статьи): "The King of Heaven under the guise of a serf, / has traversed and blessed Thee, / Thee, my native land, / bowed down by the weight of the Cross" [13, 47]. Следует обратить внимание на то, что все строки в подстрочнике поменялись местами, из-за чего в английской версии в заключительных двух строках возникает двусмысленность: строка, соответствующая тютчевской "Осененный ношей крестной", относится то ли к "Царю небесному", то ли к "земле родной".

роз..."¹¹, ближе канону воскресения; тот же образ, что определяет настроение тютчевских строк, ближе канону крестного пути и отчасти распятия. Тем более, что "ноша крестная" в финале "Двенадцати" не упомянута, хотя "кровавый флаг", видимо, должен ассоциироваться у читателя с мотивами страстей и распятия. Но здесь мотив смирения, в отличие от "Бедных селений", явно не читается. В продолжение ряда иллюстраций цитируется монолог Шатова в "Бесах" [13, 47], причем излагаемые в нем идеи интерпретируются автором как "крайнее русофильство"¹², в сочетании с "нехристианским мессианством"¹³: "Но истина одна, а стало быть, только единый из народов может иметь Бога истинного... Единый народ-"Богоносец" – это русский народ"¹⁴ [13, 47]. Все иллюстрации в этом ряду, по моему мнению, объединяет только мотив избранности ("мессианство"), однако весьма различно трактуемый. Это осознает отчасти и сам автор, выделяя в иллюстративном ряду рассуждения Шатова эпитетом "другие"¹⁵ [13, 47]. Однако вряд ли в строках Блока и Тютчева можно различить "крайнее русофильство", по крайней мере в той степени, в какой оно, по мнению автора, заметно в монологе Шатова (хотя у Тютчева во второй строфе процитированного стихотворения проскальзывает некоторое подобие этого настроения¹⁶). "Мессианство" же у Тютчева в "Бедных селениях", и в немалой степени у Блока в "Двенадцати" носит очевидно христианский характер. Если же говорить об идеях национализма, то, соглашаясь с тем, что национализм Шатова у Достоевского нехристианский, трудно отказать в христианстве национальным мотивам у Тютчева, а обращаясь к финалу "Двенадцати", вряд ли можно уверенно говорить о национализме. В выступающемся рассуждении, на мой взгляд, более лили менее родственны только славянофилы (см. п.2) и Тютчев, но как выясняется из авторской аналитической оценки, Тютчев (и не только он) не имеет ничего общего с ближайшей к нему по времени, ленинской концепцией коммунистической философии и политической практики (предикация II порядка, уровень 3.2): "Рациональный интернационализм Ленина не имел ничего общего с иррацио-

¹¹ Здесь и далее в этом же пункте "Двенадцать" цитируются по изданию: *А. А. Блок. Собр. соч. Т.5. Изд-во писателей в Ленинграде. 1933. С.18.*

¹² "Extreme Russianism."

¹³ "Non-Christian messianism."

¹⁴ Оригинал цитируется по изданию: *Ф. М. Достоевский. Бесы. М., "Худ. лит.". 1990. С.245.* Перевод, данный в статье Х. Кона, не вполне точен, но, видимо, имеется в виду именно это место в тексте (Ч. II, гл. I): "But there is only one truth, and therefore only a single one out of the nations can have the true God. That is the Russian people".

¹⁵ "Different".

¹⁶ "He поймет и не заметит гордый взор иноплеменный..." [Op. cit., ibid.]. В подстрочном переводе у Х. Кона: "The proud glance of foreigner can neither see nor observe..." [13, 47].

нальным национализмом Тютчева и Достоевского"¹⁷ [13, 49]. Однако авторская аналитическая оценка не проясняет задачи всего приведенного иллюстративного ряда в целом, поэтому упоминание финала "Двенадцати" и монолога Шатова в этом ряду, на мой взгляд, требует дополнительных пояснений. В отсутствие же соответствующих комментариев весь ряд иллюстраций превращается в разрозненные цитаты, не имеющие непосредственного отношения к презентации второй составляющей темы (как она заявлена в основном тезисе – заголовке) – эволюции коммунистической идеи в России. Между тем у оптимальной аудитории такой иллюстративный ряд, по определению, не должен вызывать вопросов.

4. Также на уровне иллюстраций к ситуативно-событийному плану там, где речь идет об интернационализме в теории и практике отечественного марксизма, возникает и остается неоткомментированным противоречие между референцией авторского утверждения (предикация III порядка, уровень 1.3): "Национальное самоопределение было действительно значимо в ленинской мысли"¹⁸ [13, 48] – и референцией цитаты из работы Ленина "Социализм и война" (1915): "Отстаивание этого права [права на самоопределение. – *Е.Л.*] не только не поощряет образование мелких государств, а, напротив, ведет к более свободному, безбоязненному и потому более широкому и повсеместному образованию <более выгодных для массы и более соответствующих экономическому развитию> крупнейших государств и союзов между государствами"¹⁹ [13, 48-49]. Здесь возможны, по крайней мере, две интерпретации: или 1) автор не различает такую точку зрения, с позиции которой между предметами референции этих утверждений заметно противоречие; или 2) (а может быть, и наряду с (1)) он также разделяет ту точку зрения, согласно которой предметы референции рассматриваемых предикаций составляют непротиворечивые части единого целого. Ниже, однако, отмечается, что в теории Ленина "свобода национальностей"²⁰ допускается лишь "в очень узких пределах"²¹ [13, 52], что лишь отчасти снимает описанное выше противоречие. Следует учитывать, что восприятие оптимальной С-группы не фиксирует здесь проти-

---

¹⁷ "Lenin's rational internationalism had nothing in common with Tjutchev's and Dostoyevsky's irrational nationalism."

¹⁸ "National self-determination... did play a role in Lenin's... thought."

¹⁹ Оригинал цитируется по изданию: *В. И. Ленин. Социализм и война (Отношение РСДРП к войне)*. М.: Политиздат, 1985. С.21. Перевод цитаты из работы Ленина дан Х. Коном (автором статьи): "To defend this right in no way means to encourage the formation of small states, but on the contrary it leads to a freer, more fearless and therefore wider and more universal formation of governments..." [13, 48-49]. Фрагмент, взятый в оригинальном тексте в угловые скобки, выпущен Х. Коном при переводе.

²⁰ "The freedom of various nationalities."

²¹ "Within the very narrow limits."

воречия, и тому может быть, по крайней мере, два объяснения: 1) оптимальная аудитория вкладывает особый смысл в понятие "самоопределение наций", и этот смысл полностью совпадает с подразумеваемым в тексте Ленина; или 2) вопросы самоопределения наций выходят за сферу интересов и информационной компетентности оптимальной аудитории.

5. Упомянутый также в одной из иллюстративных предикаций (III порядка, уровень 1.3) исторический факт – разрыв отношений между СССР и Китаем (в 1940-х гг.²²) охарактеризован как "странный и непредсказуемый результат политики, которая Ленину и Суню²³ казалась основанной на самоочевидных предпосылках"²⁴ [13, 51]. Однако к тому времени, как следует из авторского анализа ситуации, определяющей силой в развитии советского коммунизма стал русский национализм (предикация II порядка, уровень 3.2): "вновь пробудившаяся энергия русского национализма как решающее подспорье для советского коммунизма во времена невиданной опасности"²⁵ [13, 57]. Причем, по наблюдениям автора, идеи национализма набирали силу уже с 1930-х гг. В 1940-е же внешнюю политику советского коммунизма определяла, в том числе, и тенденция к панславизму, исчезнувшая, по мнению автора, только после 1948 г. (предикация II порядка, уровень 3.2): "Призрак панславизма исчез после 1948 г. также внезапно, как до того явился в очередной раз после 1941 г."²⁶ [13, 61]. Это высказывание подкрепляет другой вывод автора, где ранее уже констатировался отход от утверждавшегося Лениным принципа интернационализма (предикация II порядка, уровень 3.2): "Советский коммунизм стал в значительной мере русским, и эта "русификация" набирала силу вместе со стремительным подъемом фашизма в 1930-е гг."²⁷ [13,55]. Стало быть, даже если последователи Суня (Сунь Ятсена) оставались на его позициях (см. сноску № 24 по этому поводу), разрыв отношений между СССР и Китаем, с учетом приведенных здесь собственных авторских выво-

---

²² Возможно, речь идет о попытках партии Мао Цзэдуна вовлечь СССР в собственное противостояние Гоминьдану (реакция СССР: подписание 14 августа 1945 г. договора о дружбе с правительством Чан Кайши, телеграмма 22 августа 1945 г. Сталина Мао Цзэду и др.) [см. История Китая./ Под ред. А. В. Меликсетова. М., МГУ. 1998. С. 579-580.]

²³ Сунь Ятсен (1866-1925) – лидер революционного движения противников маньчжурской династии в Китае.

²⁴ "A strange and unpredictable outcome of a policy which seemed to Lenin and to Sun based on self-evident premises."

²⁵ "The reawakened vigor of Russian nationalism as the decisive support of Soviet communism in times of unprecedented danger."

²⁶ "The ghost of Pan-Slavism disappeared after 1948 as suddenly as it had reappeared after 1941."

²⁷ "Soviet communism became, to a great degree, Russian, and this "Russification" gained with the rapid rise of fascism in the 1930s."

дов, уже не представляется столь "странным и непредсказуемым". Однако вряд ли оптимальная аудитория сможет сопоставить в своем восприятии национальную "окраску" коммунистической идеи в СССР 1940-х годов и его разрыв с Китаем, приходящийся на то же время.

6. Еще одно противоречие возникает также при соотнесении предмета референции одного из элементов аналитической оценки с предметом референции элемента иллюстраций к ситуативно-событийному плану. В предикации уровня аналитической оценки (II порядка, уровень 3.2) характер правления Сталина обозначен как "авторитарный режим"²⁸ [13, 57] (по контексту можно установить хронологическую маркировку – 1930-е гг.). Однако выше, в одной из иллюстративных предикаций, упомянуты "странные, непостижимые показательные судебные процессы в Москве"²⁹ [13, 55] – в те же 30-е гг. (привязка к хронологии опять-таки выясняется из контекста), а затем, в рассказе о Покровском³⁰, отмечается, что в 1934 его концепция историографии была отвергнута "внезапно"³¹ [13, 56]. Между тем выше прослеживаются определенные изменения во внутренней политике, начиная с 1925 года [13, с.54 и далее с. 55-56]. Таким образом, можно предположить, что здесь на авторский план логического мышления вторгаются социальные представления авторской С-группы, согласно которым "авторитарный режим" остается для сознания данной С-группы абстрактным понятием, слабо реферируя с планом практики (что, в общем, естественно, если авторская С-группа не имеет опыта проживания в стране с таким способом правления). Практика авторитарного режима также представляется недостаточно учтенной, когда факты активной политической деятельности Сталина и Берия в период русско-японской войны 1904-1905 гг. (в частности, распространение антияпонских и антивоенных листовок) приводятся соответственно по прижизненно изданной биографии Сталина и мемуарам самого Берия без критической оценки источников этих сведений (фон к ситуативно-событийному плану – [13, 60]).
7. Наряду с этим в некоторых предикациях уровня иллюстраций к аналитической оценке авторская интерпретация сообщает отдельным аспектам практики "авторитарного режима" чрезмерную значительность. Так, говорится, что русский националистический курс внутренней политики вдохновил "русское упорство"³², что, в свою очередь,

---

²⁸ "An authoritarian regime."

²⁹ "Strange, incomprehensible show trials in Moscow."

³⁰ Покровский М. Н.(1868-1932) – идеолог марксистского направления в советской историографии, замнаркома просвещения при А. В. Луначарском.

³¹ "Suddenly".

³² "Russian steadfastness."

"вдохновило Красную Армию на неожиданную победу над немецкими захватчиками"³³ (предикация III порядка, уровень 1.4) [13, 59]. Очевидно, что русские, будучи самым многочисленным этносом в СССР, могли дать наибольшее количество солдат. Представляется, однако, что исход войны столь масштабной и в географическом плане, и в многообразии возникающих в ней одновременно, в любой отдельно взятый момент времени, ситуаций, зависит в значительной мере от качества решений, предложенных во многих подобных ситуациях, а следовательно, и от качества людей, зачастую оказывавшихся каждый один на один со своей ситуацией. Если рассматривать вопрос под таким углом зрения, то недооценивать вклад в победу не только численно меньших, чем русский, этносов, но и множества отдельных людей окажется во многом неправомерным.

Подводя итог анализу этого текста, необходимо отметить некоторые проявившиеся в нем тенденции, характерные, видимо, практически в равной мере как для авторской С-группы, так и для оптимальной аудитории. Нарушение логической стройности ситуативно-событийного плана и его аналитической оценки на уровне иллюстраций к описанию ситуации, причем преимущественно в тех предикациях, где возникает референция с психологическими и социально-психологическими (в том числе, если можно так выразиться, психокультурными) аспектами, указывает на важное качество, характеризующее принцип построения логической конструкции текста, – известная социально-психологическая дистанция от рассматриваемого предмета. В подавляющем большинстве случаев авторская точка зрения на события дополняется только гипотетической реконструкцией либо позиций лидеров мнений для соответствующего исторического периода, либо позиций государственных институтов, или уже – авторитарных правителей. Социально-психологические последствия актуализации этих точек зрения в социальной деятельности для "рядовых" людей в тексте практически не затрагиваются. Это, с одной стороны, грамотное решение, так как указанные последствия, очевидно, недоступны авторской С-группе, равно как и оптимальной аудитории, в непосредственном опыте. С другой стороны, неучтенный психологический аспект "прорывается" на план иллюстраций, и в этих предикациях логическая конструкция опирается на отсутствующий психологический опыт и неизбежно тяготеет к аксиомам социального познания авторской С-группы, обязательно разделяемым также оптимальной аудиторией. Так как в отсутствие соответствующего опыта у авторской С-группы психологическая реконструкция автору не всегда удается, действие часто рассматривается без своей

---

³³ "Provided the inspiration for the unexpected victory of the Red Army against the German invaders."

мотивации, которая может изменять (смещать) или отменять его значение (пример со сталинской биографией и бериевскими мемуарами – см. п.6). Здесь можно предположить, что оптимальная аудитория, очевидно совпадая по этим параметрам с авторской С-группой, немаловажное значение придает практической деятельности и приобретаемому в результате этой деятельности опыту, но при этом, вероятно, обладает умеренно развитым воображением (см., например, анализ поэтических текстов в п.3 и анализ материала в п.7).

Второй англоязычный текст также взят из упомянутого выше сборника³⁴. По итогам интенционального анализа можно считать, что цель сообщения косвенно указана в следующих предикациях (I порядка): "У нас есть тенденция рассматривать "национальный вопрос" – отношения между национальными меньшинствами и большей частью населения, а также властями – с учетом тех преимуществ, какие дает нам обзор из двадцатого века, а именно, используя такой умственный инструментарий, который есть наследие того, что можно назвать революцией национального сознания. Таким образом, нам грозит большая опасность дать внеисторический анализ тем условиям и аттитюдам³⁵, которые предшествовали этой революции"³⁶ [13, 22]. Основной тезис не только формулирует содержательное ядро текста, но и задает хронологические рамки (предикация II порядка, уровень 1): "Эти заметки посвящены периоду, в течение которого сформировались базовые аттитюды и политические стратегии, – приблизительно с конца шестнадцатого и до середины девятнадцатого века"³⁷ [13, 22]. В разъяснениях к основному тезису подчеркивается (предикация II порядка, уровень 2): (а) "Россия была многонациональной империей. Теперь это нам кажется очевидным, но это не всегда было столь очевидно, как для имперского правительства, так и для его подданных"³⁸ [13, 22]; (б) "Одним из основных факторов в определении политиче-

---

³⁴ *Marc Raeff*. Patterns of Russian Imperial Policy toward the Nationalities [13, 22-42]/

³⁵ Слово "аттитюды" в переводе сохранено, поскольку, на мой взгляд, в этом контексте весьма существенна роль этого слова как именно термина социальной психологии: так, Э. Аронсон определяет "аттитюд" как "мнение, включающее оценочный (эмоциональный) компонент" [Э. Аронсон. Общественное животное. Введение в социальную психологию. М., 1998. С.132.]. Г. М. Андреева трактует "аттитюд" как "социальную установку", включающую 3 компонента: "когнитивный, аффективный и конативный (поведенческий)" [4, 146].

³⁶ "We tend to view the "question of nationalities", – the relationship of national minorities to the larger unit and its authorities – in terms of our twentieth century vantage point; that is, through a mental set which is legacy of what may be called the revolution of national consciousness. We thus run great danger of making an anachronistic analysis of the conditions and attitudes that antedated this revolution."

³⁷ "These remarks will concentrate upon the period during which basic attitudes and policies toward the nationalities were formed — from about the late sixteenth to the middle of the nineteenth centuries."

³⁸ "Russia was a multinational empire. That seems obvious to us now, but it was not always so apparent either to the imperial government or to its subjects."

ских стратегий и аттитудов чиновников к представителям различных национальностей является время завоевания или присоединения той или иной нерусской территории и обстоятельства жизни нерусского населения"³⁹ [13, 23]. Далее в фокус анализа помещены только предикации, маркированные суггестивными элементами, непротиворечивое восприятие которых требует от оптимальной аудитории данного текста некоторых характерных свойств сознания, проявляющихся, в частности, в стратегии мышления оптимальной С-группы.

1. Наиболее заметная особенность рассматриваемого текста заключается в том, что заявленная в основном тезисе привязка к хронологии выпадает из поля зрения автора фактически начиная с одной из первых предикаций ситуативно-событийного плана (I порядка, уровень 3.1-1 (в1)): "Обратимся к методам приобретения и присоединения [территорий. – *Е.Л.*], поначалу оставив в стороне современные военные и дипломатические средства, которые были задействованы только в прибалтийских губерниях, в Финляндии и при разделах Польши"⁴⁰ [13, 26]. Такое смешение репрезентаций разновременных политических курсов и соединение очевидно разновременных политических событий в предмете референции одной и той же предикации создает ощутимые трудности при восприятии ситуативно-событийного плана текста для читателя, не принадлежащего к оптимальной группе, и явно мешает такому читателю ориентироваться в экспликации заявленной в основном тезисе темы. Таким образом, текст уже в начале предъявляет определенные требования к характеру восприятия оптимальной аудитории.
2. Еще одно характерное свойство текста, предъявляющее дополнительные требования к оптимальной аудитории и осложняющее работу "независимого" читателя, состоит в том, что фактически не рассматривается во временном аспекте мотивация власть предержащих при выработке различных тактических и стратегических вариантов в национальной политике. Достаточно рассмотреть следующие предикации (II порядка, уровень описания ситуации – 3.1-1 (г1): "Но какова была цель экспансии?.. Вначале было стремление приобрести больше пахотных земель"⁴¹ [13, 28]; & (г2): "Очевидно, экспансия часто мотивиро-

---

³⁹ "A major factor in determining policies and attitudes of the officials toward nationalities is the time of the conquest or incorporation of non-Russian territory and the circumstances of the non-Russian populations."

⁴⁰ "Let us turn to the methods of acquisition and incorporation, first leaving aside the modern military and diplomatic means which were relevant only for the Baltic provinces, Finland, and the partitions of Poland."

⁴¹ "But what was the purpose of expansion?.. There was first the desire for more agricultural land."

валась соображениями безопасности"⁴² [13, 29] & (г3): "Тем не менее, в качестве основного фактора расширения территориальных границ империи мы нечасто обнаруживаем расчет на коммерческую выгоду или обеспечение безопасности торговли. Иногда богатства недр оказывались приманкой и приводили к завоеванию или, по крайней мере, проникновению [на территорию. – *Е.Л.*], как это было на Урале и в Сибири"⁴³ [13, 29]. Между тем берется материал почти за 4 столетия, и даже если на взгляд автора мотивация или ее составляющие не менялись за этот период, это обстоятельство для большей внятности авторского замысла стоило бы оговорить, поскольку иногда эта недоговоренность может вносить некоторую путаницу (как в данном случае). Если же, по мнению автора, мотивация здесь не имеет временного измерения, то следует принять во внимание, что такая точка зрения отражает присущую авторской С-группе определенную аксиому социального познания, и, в любом случае, предъявляет соответствующие требования оптимальной группе.

3. Продолжающая эту логическую линию предикация фактически датирована указанием на конкретные исторические события (II порядка, уровень описания ситуации – 3.1-1 (ж)): "Совершенно иными были, разумеется, завоевание и присоединение прибалтийских губерний, Финляндии и Польши. Поскольку здесь изначально присоединение явилось результатом покорения воинской силой, узаконенного международным договором, имперское правительство начало с того, что гарантировало особый статус вновь завоеванным землям и обещало уважать автономию и привилегии местных правящих классов"⁴⁴ [13, 31-32]. Однако начиная практически со следующего же элемента ситуативно-событийного плана логическая структура обретает черты некоторой запутанности, а в дальнейшем местами – невразумительности (предикация II порядка, уровень 3.1-1 (и)): "Как будто мало было и этих сложностей, сохранение особых статусов и привилегий к тому же поставило вопрос об определении подлинной исторической традиции этих земель, подлежащей сохранению"⁴⁵ [13, 32]. Для выдерживания логической структуры стоило бы указать отношение этого элемента ситуативно-событийного плана к временному аспек-

---

⁴² "Obviously, consideration of security frequently motivated expansion."

⁴³ "Rarely, however, do we find the expectation of gain from commerce and security of trade as a major factor in expanding the territorial boundaries of the Empire. Sometimes the lure of mineral wealth would lead to conquest, or at least penetration, as in the Urals or Siberia."

⁴⁴ "Very different, of course, were the conquest and incorporation of the Baltic provinces, Finland, and Poland. Because the original acquisition had been accomplished through military conquest ratified by international treaty, the imperial government began by guaranteeing a special status to the newly conquered lands and by promising to respect the autonomy and privileges of the local ruling classes."

⁴⁵ "As if this were not complicated enough, the preservation of the special statuses and privileges raised the question of identifying the genuine historical tradition of those lands that should be preserved."

ту. Тем более, что отсюда следует резкий временной переход к XVI веку и, таким образом, логический скачок к началу текста (предикация II порядка, уровень 3.1-1 (к1)): "Имперская экспансия России началась в середине шестнадцатого века, и сперва это было движение на восток и на юг. С самого начала оно подразумевало покорение нехристианских, кочевых сообществ и людей, чья социальная и экономическая жизнь была проще, чем жизнь тогдашней России..."⁴⁶ [13, 33]. Здесь снова, правда, уже на несколько ином уровне затрагиваются некоторые аспекты мотивации аттитюдов к "кочевым сообществам" – "культурное превосходство" русских (предикация II порядка, уровень описания ситуации – 3.1-1(к2)): "Таким образом, было очевидно, что русские испытывали чувство религиозного и культурного превосходства, и довольно сильное, уже в шестнадцатом и семнадцатом веке"⁴⁷ [13, 34]. Во всей цепочке рассуждений явственно ощущается отсутствие опоры для читательского восприятия в виде ясно обозначаемой или так или иначе выдерживаемой хронологии, и заметна пунктирность рассуждения об аттитюдах, переходящая местами в бессвязность. Таким образом, "сбой" в логической структуре возникает на том месте, где рассуждения о действиях (политике) российского правительства и их политических и культурных следствиях "разрываются" предикацией, чья функция – реконструировать социально-психологическую ситуацию времени.

4. В одном из следующих звеньев в логической структуре можно зафиксировать новый, обратный "скачок" – к тому месту разворачивающейся ситуативно-событийный ряд предикативной цепи, откуда был совершен предыдущий резкий переход (см. п.3): то есть к рассмотрению следствий уже упомянутых выше военно-политических событий завоевания Прибалтики и Финляндии (предикации II порядка, уровень 3.1-1(л)): "Немецкая знать и буржуазия в прибалтийских губерниях считались составной частью российской элиты, даже при том, что они сохраняли свою культуру, язык и религию, также как и свое традиционное лидерство в родных им землях. Однако, без сомнения, оставалась неизменной их политическая верность Российской империи"⁴⁸ [13, 35]. Положение немецкого дворянского и купеческого сословия в прибалтийских губерниях и политика имперского центра в отношении этих со-

---

⁴⁶ "The imperial expansion of Russia started in the middle of the sixteenth century and first moved east and southward. From its beginnings it involved the conquest of non-Christian, nomadic societies and people who were socially and economically less complex than contemporary Russia..."

⁴⁷ "Therefore, feelings of religious and cultural superiority on the part of Russians were unmistakable, and quite strong as early as the sixteenth and seventeenth century."

⁴⁸ "German nobility and bourgeoisie in Baltic provinces... were considered members of Russian elite even though they retained their own culture, language, and religion, as well as their traditional role of local leadership in their province of origin. Their political loyalty, however, belonged unquestionably to the Russian Empire."

словий сравниваются с политикой в отношении евреев, политическая кульминация в контактах с которыми наступила в царствование Николая I (предикации II порядка, уровень описания ситуации – 3.1-1(м)): "Правительство хотело привлечь евреев в русское общество, позволив им сохранить свою религию... Но евреи не могли этого принять, поскольку сделать это означало оставить их религию... Раздраженный, Николай I перешел к насильственной русификации и жестоким репрессиям".⁴⁹[13, 35-36]. Основание этого нового резкого перехода, как и предыдущего, – продолжение рассуждения об аттитюдах. Очевидно, что тема аттитюдов нарушает упорядоченность логической структуры ситуативно-событийного плана, которая опирается прежде всего на рассуждения об имперской национальной политике и реализовавшихся ее действиях правительства.

5. При ближайшем рассмотрении все более проступает уже отмеченное ранее существенное свойство той линии в логической траектории текста, которая ведет тему аттитюдов: эта линия не ориентирована во временном аспекте, не решено ее отношение ко времени. Вследствие этого вопрос о возможной исторической эволюции аттитюдов остается без вариантов решения. Например, движение логики явно затрудняется в следующем звене авторского рассуждения (предикация II порядка, уровень описания ситуации – 3.1-1(н1)): "Экономические конфликты, которые существовали или развивались между русским народом и внешними сообществами, также затрудняли социальную интеграцию последних в империю"⁵⁰ [13, 36]; & (н2): "В таких случаях правившие согласно обычаям вожди и богатые люди также бывали первыми, кто поддавался убеждениям перенять русский образ [жизни. – *Е.Л.*] и затем помогал привлекать к тому же и своих кочевых соплеменников"⁵¹ [13, 36]; & (н3): "Российские чиновники пренебрегали бедняками, которые не могли так легко поменять образ жизни... Неудивительно, что, когда из их рядов выдвигались новые лидеры, они не только высказывались в поддержку старых традиций, но также полностью отвергали систему, которая привела к изоляции, бедности и отсталости их соплеменников"⁵² [13, 37]. Совокупным методом референции приведенных здесь элементов ситуативно-

---

⁴⁹ "The government wanted to attract the Jews into Russian society, allowing them to retain their religion. ... But the Jews could not accept this, since to do so was to desert their religion. ... In disgust, Nicholas I embarked on forced Russification and brutal repression."

⁵⁰ "Economic conflicts that existed or developed between the Russian people and the outsiders also hampered the latter's social integration into the empire."

⁵¹ "In this instance, too, the traditional leaders and the rich were the first to be persuaded to adopt the Russian pattern and then help to bring their fellow nomads along."

⁵² "The poor, who could not easily change their way of life, were disregarded by Russian officials... Little wonder that when a new leadership arose from their ranks it not only spoke up for their old traditions but also rejected completely the system that had resulted in isolation, poverty, and backwardness of their fellows."

событийного плана фактически является проблемная ситуация: перерастание экономического конфликта в национальный и государственно-правовой, причем ситуация репрезентируется в значительной мере в терминах социально-психологических отношений. Данная группа предикаций является презентацией следствия имперского политического курса России в сфере межнациональных отношений прежде всего на восточных окраинах (см. п.1). При этом в логической структуре указанная группа предикаций помещается после презентации следствий завоевания Прибалтики, Польши и Финляндии (см. п.3 и ср. буквенные индексы предикаций в пп. 3 и 4). Между тем речь в рассматриваемых предикациях идет не о крестьянах прибалтийских провинций, а о "кочевниках" (н2). Объединяет эту довольно неожиданную последовательность тема аттитюдов, не впервые в этом тексте нарушающая упорядоченность логической структуры. Временная отнесенность данной группы предикаций – ряда элементов ситуативно-событийного плана – неясна тем более, что неясна и точная временная отнесенность предикации II порядка (уровень описания ситуации – 3.1-1 (в1)), проанализированной в п.1, событийное следствие по отношению к которой репрезентирует рассмотренная группа предикаций.

6. Аналитическая оценка правовой ситуации в межнациональных отношениях на территории Российской империи аргументируется, в частности, иллюстрацией, где упомянут один из указов Екатерины (предикации III порядка, уровень 1.4): "Когда в 1775 г. Екатерина II обнародовала новый указ о губернском управлении, который, в частности, предписывал участие в нем выборных чиновников из числа местного дворянства, она автоматически распространила его на Сибирь (отведя несколько лет на переходный период), не задумываясь о том, что в Сибири не было дворянства. Понятно, что один из существенных элементов реформы там не мог быть внедрен"⁵³ [13, 30-31]. С точки зрения автора, это абсурд, хотя можно предположить, что в этой своей части указ составлялся с перспективой на будущее. Но, скорее всего, такая гипотеза для автора также не имеет смысла, так как, видимо, социальная практика его С-группы закрепила положение, при котором закон становится действующим с момента ратификации (здесь: подписания монархом) и имеет смысл, только если регулирует уже осуществляемую практику. Однако не приведены доказательства, что ситуация равно абсурдна, если рассматривать ее с того уровня развития правового соз-

---

⁵³ "When in 1775 Catherine II promulgated a new statute for provincial administration which included the participation of elective officials from among the local nobility, she automatically extended it to Siberia (allowing a few years for transition) without reflecting that Siberia had no nobility. Clearly, one of the essential elements of the reform could not be implemented there."

нения, на котором находились российское общество и российский самодержец на тот момент времени. Очевидно, здесь опыт социальной деятельности авторской С-группы действует как аксиома (социального познания). Сопоставление этих двух примеров косвенно указывает на одно из возможных значимых социальных представлений авторской С-группы и оптимальной аудитории: правовые уложения должны четко следовать за практикой и регулировать реально осуществляемую социальную деятельность.

7. На уровне иллюстраций к ситуативно-событийному плану (предикации III порядка, уровень 1.3) обращает на себя внимание вопрос о правовом статусе царя в итоге всех территориальных завоеваний и присоединений: "Приобретение столь совершенно чуждых территорий, сопровождавшееся обещанием уважать традиционные привилегии и автономии, создавало серьезную проблему для имперского правительства. Оно подрывало концепцию единого по своей природе Российского государства и ставило вопрос о статусе суверена, который, по сути, являлся, согласно местным конституциям, Великим Герцогом Финляндским и Королем Польским, оставаясь одновременно самодержавным Императором Российским. Правительство, однако, открыто отрицало существование такой проблемы, поскольку признание ее могло привести в перспективе к федеративному устройству империи"⁵⁴ [13, 32]. Вопрос осмысливается автором как юридическая и политическая проблема. Не оговорено, однако, какие практические сложности это "белое пятно" российского права вызывало в управлении империей. И хотя автор утверждает, что проблема госчиновниками осознавалась, но замалчивалась, для доказательства самого существования проблемы одних лишь рассуждений автора, на мой взгляд, недостаточно. Вполне возможно, что здесь выводы, наглядно не подкрепляясь фактами, также опираются на опыт социального познания и правовой практики в авторской С-группе, в данном тексте действующий как аксиома (так как недостаточно доказательств того, что этот опыт остается релевантным для российского чиновничества и российского общества XVIII — XIX вв.).
8. Нередко упоминается в предикациях иллюстративного уровня (уточняющих предметы референции ситуативно-событийного плана) и становится предметом аналитической оценки автора такой существенный элемент имперской национальной политики, как привлечение в столицу инонациональной, например, родоплеменной знати с

---

⁵⁴ "The acquisition of such totally alien territories under promise or respect toward traditional privileges and autonomies created a serious problem for the imperial government. It undermined the concept of unitary nature of the Russian state and also raised questions as to the character of the sovereign, who, indeed, was a constitutional Grand Duke of Finland and King of Poland while remaining the autocratic Emperor of all Russia. The government, however, explicitly denied the existence of the problem, for to recognize it might have led to envisioning a federal structure for the empire."

завоеванных и присоединенных, преимущественно восточных территорий. Возможно, что автора не оставляет равнодушным недостаточная, на его взгляд, правовая база этой практики и последующая политическая и культурная судьба окраинных народов империи, лишенных собственной, порожденной ими элиты (предикация порядка, уровень 1.3): "Их отъезд сам по себе ослаблял родное им сообщество, тем более, что зачастую это были наиболее активные люди, амбициозные и энергичные военачальники"⁵⁵ [13, 27]. Возможно также, с точки зрения автора, этот политический ход указывает на способность российской знати, общества и государственных институтов уживаться с "чужими" в интересах политической целесообразности (предикация порядка, уровень 1.3): "Даже переезжая на новое место, эти люди сохраняли связи с породившим их сообществом и могли оказаться полезными, имея возможность действовать на манер пятой колонны"⁵⁶ [13, 27]. Судя по тому, что тактика переманивания восточной знати с присоединенных земель ближе к столице многократно обращает на себя внимание автора, можно предположить, что архетип "чужого" (из чуждой культуры) также значим в сознании авторской С-группы и должен быть значим для оптимальной аудитории, однако, возможно, чуждость эта не всегда успешно преодолевается в культурной среде упомянутых групп, даже исходя из прагматических соображений.

9. Если характеризовать уровень аналитической оценки ситуации по тексту в целом, следует отметить, что непроработанными, "зависшими" остаются темы "культурного" [13,25] и "психологического" аспектов экспансии⁵⁷ [13, 33] – во взаимоотношениях российского общества, правительства и населения завоеванных или иным образом приобретенных территорий. Психологическому и культурному аспекту экспансии так или иначе посвящен ряд взаимосвязанных предикаций аналитического плана, начиная с наиболее общих рассуждений о характере процесса в целом (предикация II порядка, уровень 3.2 (г1)): "В интересах анализа следует ясно различать два главных аспекта в процессе имперской экспансии и присоединения национальных меньшинств, хотя зачастую в реальности эти аспекты были нерасторжимо сплетены: один – территориальный и политический, другой – социальноэкономический и культурный"⁵⁸ [13, 25]. Здесь собственно "культурная экспан-

⁵⁵ "In itself, their departure weakened their homeland, especially since they frequently constituted the more active, ambitious and energetic military leadership."

⁵⁶ "Even after moving away, these people retained ties to their original society and could be of use in undermining it like a fifth column."

⁵⁷ "Cultural dimension" & "psychological" dimension".

⁵⁸ "Two major dimensions of the process of imperial expansion and of incorporation of national minorities should be clearly kept in mind for the purposes of analysis, even though they were frequently inextricably intertwined in reality: one is territorial and political, the other socioeconomic and cultural."

сия" фигурирует в качестве элемента экспансии как целостного процесса. Этот тезис начинает затем как будто разворачиваться, и далее рассматривается составляющая первого из "аспектов экспансии" – "территориального". Но затем предложенный тезис практически игнорируется и перестает работать как ключевая схема для дальнейшей экспликации темы статьи. После рассмотрения территориального аспекта экспансии предлагается новый тезис-схема, где рассматриваются уже не проявления экспансии, а сама экспансия, представленная в виде процесса, разложимого на 3 этапа: "завоевание, или приобретение", "присоединение", "ассимиляция"⁵⁹ (из предикации II порядка, уровень аналитической оценки – 3.2 (д)) [13, 26]. Особо выделен второй этап – "присоединение", поскольку, по мнению автора, российское общество не осознавало экспансию (предикации II порядка, уровень 3.2 (ж)): "Поскольку экспансия происходила постепенно и в основном сопровождалась расселением русских крестьян с целью обработки новых земель, русское общество оставалось в неведении того, что государство превратилось в многонациональную империю. Создавалось впечатление, что это происходило стихийно, естественным путем, в результате передвижения людей, но не вследствие сознательно проводившейся государственной политики. Таким образом, ключевым периодом являлся не период завоевания, но период присоединения, поглощения российским политическим строем"⁶⁰ [13, 30]. В следующих предикациях (II порядка, уровень аналитической оценки – 3.2 (з1) & (з2) [13, 32-33]) затронуты проблемные аспекты "присоединения". Так, рассматривая политику России в Прибалтике, автор высказывает предположение о том, что, возможно, стоило бы лишить местное дворянство привилегий, чтобы "обеспечить преданность"⁶¹ [13,32] местного крестьянства. Тем более, что дворяне в прибалтийских землях в основном были шведского и немецкого происхождения, то есть иностранного по отношению к местным крестьянам. Однако смена одних иностранных дворян другими (в данном случае, русского происхождения) вряд ли бы означала благополучное разрешение вопроса. Тем не менее, данная ситуация служит основанием для обобщенно сформулированного вывода (предикация II порядка, уровень 3.2 (з2)): "Но действуя таким образом и пренебрегая "психологическим" аспектом национального сознания, а обращая внимание лишь на правовые формы, правители империи невольно спо-

---

⁵⁹ "Conquest, or acquisition", "incorporation", "assimilation".

⁶⁰ "Because expansion had taken place gradually and had largely been accompanied by the agricultural settlement of Russian peasants, Russian society remained unaware of the state's having become a multinational empire. The impression was created that it had taken place elementally, naturally, through people's movements and not through conscious policy on the part of the government. Thus, the crucial period was not that of conquest but that of incorporation, of absorption into the fabric of Russia's policy."

⁶¹ "To secure loyalty."

собствовали росту национализма среди нерусского крестьянства, усугубляя взрывоопасность национального вопроса для двадцатого века"⁶² [13, 33]. Впрочем, вывод отчасти опровергается следующей предикацией того же уровня, где речь идет о вполне удачном, с психологической точки зрения, разрешении ситуации, однако не для крестьянства, а для иной социальной группы — родоплеменной знати (предикация II порядка, уровень 3.2 (и)): "Благодаря российской социальной и политической системе стало возможно перевести это прельщение и обхаживание [способы переманивания иноплеменной знати. — *Е.Л.*] в конкретные материальные и социальные, равно как политические выгоды для обхаживаемых"⁶³ [13, 34]. Стало быть, дело не в игнорировании психологического аспекта, а в том, что российское правительство, очевидно, в соответствии, с реалиями того времени, учитывало психологический аспект весьма избирательно. Здесь в суждениях применяются те критерии, от которых автор предлагал отказаться еще в предикации, косвенно указывающей на цель сообщения. В заключение следует отметить, что хотя в итоговом кратком обзоре (состоящем из предикаций аналитического плана) подчеркивается один из существенных факторов, определивших российскую имперскую политику — "время — хронология"⁶⁴ (предикация II порядка, уровень 3.2-(о) [13, 38]), однако именно этот фактор остается практически неучтенным на протяжении всего изложения.

Подведение итогов анализа в силу некоторых особенностей данного текста следует начать с очерка характерных признаков, свойственных типу сознания авторской С-группы. Итак, автор, возможно, принадлежит к С-группе, тип сознания которой характеризуется, в частности, определенной интровертностью на уровне логического мышления. Отсюда — известное пренебрежение хронологическими маркерами, хотя такие маркеры существенно облегчили бы восприятие текста для заинтересованного читателя, незнакомого или слабо знакомого с приводимыми в статье фактами, либо пытающегося вычленив из материала авторскую концепцию. На фоне хронологической невнятности конец статьи (см. п.9) весьма напоминает позднейшую вставку по настоянию редактора.

---

⁶² "But in acting in this manner and disregarding the "psychological" dimension of national consciousness while taking into consideration only legal forms, the imperial rulers unwittingly helped to promote nationalism among the non-Russian peasantry, adding to the explosiveness of the nationality question in the twentieth century."

⁶³ "The Russian social and political system made it possible to translate that wooing and attraction [способы приманивая иноплеменной знати. — *Е.Л.*] into concrete material and social as well as political benefits in favor of the wooed."

⁶⁴ "Time — chronology".

Еще одно свидетельство определенной интровертности авторской С-группы – та путаница, которую вносит в логическую конструкцию текста попытка учесть психологический фактор в рассматриваемом процессе. Появление психологической составляющей не только вызывает сбой в заданном движении логики на ситуативно-событийном плане (см. п.3), но и усугубляет невнятность хронологической референции. Та же невнятность проявляется, в частности, и в предикации низшего порядка, на иллюстративном уровне (см. п.7: иллюстрация с указанием Екатерины).

Предикации аналитического плана выстраиваются, на первый взгляд, в существенно более стройную конструкцию (см. п.9). Однако и здесь, начиная с относительных частных, снабженных одним хронологическим маркером (предикация II порядка, уровень 3.2 (а) [13, 24]), где речь идет о завоеваниях в XVI веке, автор затем переключается на более высокий уровень обобщения, рассматривая аспекты "экспансии" и "присоединения", после чего вновь возвращается на уровень тех же частных, но уже сопровождаемых другим хронологическим маркером, которая отсылает читателя к событиям XX века там, где речь заходит о социально-психологическом воздействии имперской экспансии на жизнь иноплеменных простолюдинов и знати. Поскольку хронологически уровень аналитической оценки маркирован весьма скудно, то для читателя, не принадлежащего к оптимальной аудитории, возникает вопрос: какие из предикаций, содержащих обобщения, реферируют только с предшествующими частными выводами, какие – только с последующими, а какие можно равно отнести и к тем и к другим.

Предикации аналитического уровня в завершающей части репрезентируют выводы, касающиеся политики ассимиляции в XIX веке, и являются собой наиболее последовательную часть логической конструкции. Существенное отличие конструкции плана аналитической оценки от конструкции ситуативно-событийного плана состоит в том, что учет психологического фактора в предикациях аналитического плана не создает таких сбоев в движении логики, как на уровне описания ситуации. Впрочем, на обоих уровнях развертывание этого фактора во времени внятно не презентировано.

Впечатление интровертного стиля мышления, свойственного авторской С-группе, подкрепляется также итогами анализа имеющихся в тексте ссылок на источники: не для всех фактов, приводимых в статье, даны отдельные либо общие (для групп фактов) ссылки. Кроме того, практически отсутствуют постраничные ссылки. Наблюдаются некоторые парадоксы и в самой логике справочной аппарата статьи. Так, хотя в одном из примечаний советские издания характеризуются автором как ценные источники фактов, в дальнейшем ссылки на эти источники от-

сутствуют. Если автор к ним и обращался, то в ссылках эти моменты никак не презентированы. Вероятно, наряду с интровертностью логического мышления, здесь действует некий психологический барьер. Сопоставляя этот аспект референции в ссылках с затрудненной интеграцией психологического фактора в авторскую реконструкцию процессов российских территориальных приобретений и завоеваний, можно предположить, что здесь имеется общая причина – психологическая дистанция от предмета презентации. Такую же дистанцию следует в этом случае предположить и у оптимальной группы.

В результате текст обладает довольно низким дидактическим потенциалом, то есть не является оптимальным для использования в процессе обучения. Поскольку также весьма сомнительно, что восприятие специалистов – в силу невнятности хронологической референции и путаного склада реконструкции – окажется непротиворечивым, оптимальную аудиторию для данного текста можно условно определить как поверхностно заинтересованную в теме.

Возможен и другой вариант оптимальной аудитории: это сама авторская С-группа, правда, только в том случае, если фактор собственной интровертности, весьма существенно повлиявший на план репрезентации данного текста, и в форме этого текста отчужденный от своего источника – сознания указанной С-группы, возвратившись к ней вновь – уже как к аудитории – актуализирует у нее непротиворечивое восприятие.

Возможна также ситуация, когда некая С-группа может интересоваться представленными в статье социально-историческими реалиями на ином уровне, отличном от уровня мотивации, на котором создавался текст. В этом случае С-группу-реципиента могут особо интересовать какие-то фрагменты статьи, например, какие-то из фактов, сообщаемых в ней. Тогда целое, которое ее не интересует, может также быть воспринято ею непротиворечиво. Однако текст не будет воспринят этой С-группой как "свой", а лишь как "полезный". Таким образом, нельзя исключать того, что оптимальная аудитория для данного текста может быть фактически "квази-оптимальна"; тем не менее, ее качество восприятия будет приближаться к идеальному, моделируемому для оптимальных аудиторий.

В заключение можно сказать, что складывающиеся по результатам проведенного анализа модели оптимальных аудиторий образуют своего рода континуумы – развивающие и дополняющие друг друга структуры – как для представленных русскоязычных, так и для представленных англоязычных текстов. Так, в первом русскоязычном тексте явно реализуется специфичность предполагаемых у оптимальной аудитории аксиом правового сознания. Заметна также агрессивность, реализованная

посредством коннотативных маркеров. При этом очевидна недостаточная логическая и фактографическая мотивированность этой агрессивности, из чего ясно, что последняя может утверждаться в сознании оптимальной аудитории только через суггестивные механизмы восприятия, основывающиеся отчасти на некоторых аксиомах правового сознания, отчасти на когнитивных клише, преимущественно идеологического происхождения. Сказанное в значительной мере справедливо и для второго русскоязычного текста. Помимо этого, система аксиом, которая предполагается вторым текстом в качестве базы для восприятия оптимальной аудитории, конституирует тип сознания, в некоторых существенных своих аспектах "закрытого". Эта "закрытость" характеризуется, в частности, тем, что некоторые элементы аксиоматики могут помещаться в такие контексты, в рамках которых они приобретают значение уже готовых выводов (данная тенденция очевидна и в первом тексте). При этом методы познания, как и методы действий в социальной и экономической практике, в пределах этого типа сознания выстроены в весьма жесткую иерархию, в значительной мере скрепленную коннотативными маркерами, репрезентированными в виде этических категорий. Для этого типа сознания интерпретация и оценка факта имеют явное преимущество перед многоаспектной действительностью самого факта. Из представленного анализа также очевидно, что все отмеченные особенности типа сознания, характерные для оптимальных аудиторий этих текстов, несомненно сказываются на качестве применяемых такого рода С-группами логических стратегий.

Что касается англоязычных текстов, тенденции, заметные в складывающихся моделях оптимальных аудиторий, также формируют своеобразный, психологически связный континуум. Роль аксиом здесь в основном принадлежит некоторым аспектам социально-психологических представлений, что также в конечном счете сказывается на качестве логических построений, поддерживающих авторскую аргументацию и, по определению, непротиворечиво воспринимаемых оптимальной аудиторией. Кроме того, социально-психологическая дистанция от предмета исследования, как неизбежное следствие опоры авторской (и соответственно оптимальной) С-группы на собственные социально-психологические представления-аксиомы, не лучшим образом влияет на качество авторских психологических реконструкций и характер их восприятия оптимальной аудиторией, в частности, на понимание чужих мотиваций и их эволюцию во времени (см., напр., второй текст). Результаты анализа в этой части дают основание предполагать в одном случае умеренное развитие воображения у авторской и оптимальной С-групп, а в другом случае – определенную интровертность сознания, заметную, в частности, на уровне логического мышления и

обращения с фактографией у авторской С-группы. Причем во втором случае реализация в структуре текста указанных особенностей авторского сознания может поставить под сомнение гипотетическую возможность полноценной оптимальной аудитории для такого текста. Недостатки логической стратегии, поддерживающей текст, а также недостаточно четкая ориентированность структуры текста на потенциальную аудиторию-адресата увеличивают "нагрузку" на суггестивную составляющую, одновременно, видимо, "облегчая" функцию иных, несуггестивных элементов. Однако это обстоятельство вовсе не означает автоматического повышения эффективности воздействия суггестивной составляющей на восприятие реальной аудитории-реципиента.

Итак, текстологическая и собственно психо-эпистемологическая составляющие представленного анализа дают, на мой взгляд, следующие условные корреляции: В текстах с большим "удельным весом" суггестивных элементов велика роль коннотаций, и распределение коннотативных маркеров становится решающим аргументом в полемике, что придает полемической, в данном случае письменной, речи весьма агрессивный обертон; в полемике же заметнее всего проявляется суггестивная функция отдельных элементов структуры текста, и особенно красноречивы здесь презентации аксиоматики правового сознания и аксиоматики, определяющей познавательные стратегии и социальную практику. В текстах с меньшим "удельным весом" суггестивных элементов значима роль логической структуры текста, точнее, связок и согласований между отдельными элементами этих структур, что выражается в рассогласовании референций между отдельными предикациями разных уровней; а суггестивная функция отдельных элементов структуры текста заметнее всего в разного рода психологических "рассуждениях" — попытках реконструкции чужого опыта там, где весома роль своего рода "психокультурной" составляющей.

Л и т е р а т у р а

1. Дридзе Т. М. Две новые парадигмы для социального познания и социальной практики // Социальная коммуникация и социальное управление в эоантропоцентрической и семиосоциопсихологической парадигмах / Отв. ред. Т. М. Дридзе. В 2 кн. Кн.1. М., 2000.
2. Дридзе Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: Проблемы семиосоциопсихологии. М., 1984.
3. Черепанова И. Ю. Дом колдуньи. Суггестивная лингвистика. СПб., 1996.
4. Андреева Г. М. Психология социального познания. М., 2000.
5. Леонтьев Д. А. Психология смысла. Природа, структура и динамика смысловой реальности. М., 1999.
6. Богомолова Н. Н. Современные когнитивные модели убеждающей коммуникации // Мир психологии. 1999. № 3.
7. Петренко В. Ф. Основы психосемантики. М., 1997.

8. *Михальская А. К.* Русский Сократ: лекции по сравнительно-исторической риторике. М., 1995.
9. *Московичи С.* Социальное представление: исторический взгляд // Психологический журнал. 1995. Т. 16, № 1.
10. Советская историография / Под ред. Ю.Н. Афанасьева. М., 1996.
11. Актуальные проблемы социологической теории и практики. Ломоносовские чтения 2000. МГУ, социологический ф-т. Ч. II. М., 2000.
12. Факты и домыслы. Против фальсификации национальных отношений в советском Союзе / АН СССР, АН МССР. Научный совет по проблемам зарубежных идеологических течений АН СССР. Научный совет по проблемам зарубежных идеологических течений АН МССР. Кишинев, 1972.
13. Soviet nationality problems / Ed. by Edward Allworth. N.Y. — Lnd., 1971.
14. *Miles M. B., Huberman A. M.* Qualitative data analysis. L., 1994.
15. *Pander Maat H.* Studies of functional text quality. Amsterdam, 1992.
16. *Dangel J.* Text et sens. Paris, 1996.
17. *Lentz L.* Discourse analysis and evaluation: functional approaches. Amsterdam, 1997.
18. *Werlen E.* Sprache, Kommunikationskultur und Mentalität: Zur sozio- und kontaktlinguistischen Theoriebildung und Methodologie. Tübingen, 1998.

Лингвоментальная модель процесса перевода

© доктор филологических наук Т. А. Фесенко, 2001

Переводческая деятельность, которая формируется действиями переводчика по интерпретации исходного текста (ИТ) и созданию переводного, конечного текста (КТ), несомненно, состоит из мыслительных и речемыслительных процедур, в силу чего может рассматриваться как разновидность речемыслительной деятельности человека.

Специфика процесса перевода, бесспорно, присутствует и проявляется в его детерминации. Перевод детерминируется целым рядом “авторских” факторов, имеющих для перевода особую значимость. Как отмечает Н.К. Рябцева, “переводя текст с одного языка на другой, переводчик “мыслит” как бы два раза, сначала на одном языке, а потом – на другом... Из “столкновения” этих двух мышлений рождаются не только тексты перевода, но и неповторимые сведения о деятельности интеллекта” (Рябцева 1997: 46-47). Особенность переводческой деятельности заключается, таким образом, в том, что переводчик, по сути, должен выступать в двух ипостасях: как интерпретатор концептуальной программы, заложенной в ИТ, и как автор (вернее “соавтор”) концептуальной программы, заданной в КТ.

“Детерминирующая картина” перевода маркируется когнитивно-профессиональной компетенцией переводчика, различными психологическими факторами (объемом оперативной памяти, характеристикой межъязыкового переключения, спецификой ментальной интеграции и др.), условиями реализации перевода, лингвокультурологической средой носителей ЯП, концептуально-жанровыми особенностями текстов на ИЯ, латентными характеристиками языковых явлений и так далее. Следует иметь в виду, что переводчик “получает уже “квантованный” языком мир – готовый текст, поэтому его задача, в отличие от авторской, существенно иная, не “квантовать” непрерывную действительность (или “возможный мир”), а сохранить и выразить готовые “кванты” при помощи другого языка” (Рябцева 1997: 49).

Одной из составляющих переводческой компетенции является лингвистическая компетенция, инкорпорирующая, согласно Ю. Д. Апресяну, следующие способности:

1. извлекать содержание из воспринимаемого текста и создавать текст, передающий нужное содержание;
2. уметь различными способами перефразировать текст;

3. выявлять различные семантические свойства предложений, отличать связные тексты от несвязных и семантически правильные предложения от неправильных;

4. обеспечивать идиоматичную связь слов согласно существующим в данном языке нормам синтаксической и лексической сочетаемости (Апресян 1947: 11-12).

Переводоведение, как правило, выявляет соблюдение или нарушение стилистического и семантического аспектов языковой нормы. В этой связи необходимо иметь в виду, что переводчик зачастую вынужден модифицировать “выразительные средства” ЯП для достижения концептуальной инвариантности ИТ и КТ, то есть использовать лексические единицы иной семантики с целью сохранения заложенного в ИТ смысла. Кроме того, осуществляя свою “селективно-эвристическую” деятельность, переводчик должен принимать во внимание неединичность возможных исходов. Необходимо подчеркнуть, что степень творческой “вольности” переводчика зависит от жанра переводимого текста, цели перевода, социального заказа на перевод, наконец, от ценностной ориентации переводчика и его представления об эстетических идеалах.

Целенаправленный характер перевода демерминируется “целенаправленностью деятельности”. Как отмечают исследователи, “целью переводческой деятельности является производство текстов, которые используются потребителем для межкультурного обмена в качестве носителя сообщения наряду с другими средствами его передачи” (Holz-Manttari 1984: 87).

Превалирующей целью перевода остается передача смысла (коммуникативной ценности) текста ИЯ в тексте ЯП. Допуская изменения семантической структуры текста, переводчик должен при этом сохранить контекстуально обусловленные функции отдельных элементов текста (Комиссаров 1980; Швейцер 1988). Однако определение целей перевода только через смысл оставляет нерешенным целый ряд вопросов, например:

- при одинаковой функции текстов на ИЯ и ЯП наблюдается существенное отличие их значений;
- при эквивалентном значении функция перевода отлична от функции текста на ИЯ;
- при различном значении текстов на ИЯ и ЯП их функции также отличаются.

Существующая функциональная теория перевода определяет цель перевода через “функцию”, понимаемую чрезвычайно широко и расплывчато как социокультурную и ситуативную обусловленность текста (Vermeer 1982; Reiss 1984).

Процесс перевода и его результат детерминируются разноплановыми факторами. Так, для интенсификации коммуникативного воздействия КТ переводчик должен знать “портрет” адресата. Важным условием для достижения этой цели является умение переводчика прогнозировать собирательный образ возможных реципиентов и их прагматический потенциал, ибо от этого напрямую зависит объем информации в КТ.

Процесс перевода как разновидность речемыслительной деятельности подчиняется действиям определенных когнитивных механизмов и закономерностей, интегрирующих такие факторы, как контекст интерпретации, специфику построения семантического вывода и так далее.

Результативный перевод невозможен **без понимания**, обусловленного интерпретацией контекстов: контекст, предполагаемый автором оригинала, и контекст, используемый переводчиком в ходе его интерпретации, должны совпадать, поскольку несовпадение этих контекстов закономерно ведет к коммуникативным и информативным неудачам.

Контекст интерпретации, по данным психоллингвистики, формируется или до начала перевода (то есть информационного обмена), или на его первом этапе, при этом основным его составляющим звеном выступают фоновые знания.

В основе процессов понимания, согласно когнитивному подходу, лежит **процедура построения индивидуального семантического вывода**, позволяющая переводчику восстановить редуцированную, неявно выраженную информацию. Успешный или неуспешный перевод зависит в немалой степени от точности семантического вывода переводчика относительно целей и интенции автора оригинала. Под **интенцией** мы понимаем **конечный ментальный образ (результата), складывающийся в концептуальном сознании автора при порождении им того или иного текста**. Необходимо иметь в виду, что “вкладываемый” автором в свой текст смысл (“интенциональный смысл”), никогда не тождественен тому смыслу, который извлекает из текста его реципиент (“рецептивному смыслу”), поскольку отличны их коммуникативные коды. Исходя из герменевтической модели перевода, А. Н. Крюков рассматривает перевод как “циклическое движение по уровням понимания: языковое значение – рецептивный смысл – интенциональный смысл – языковое значение – рецептивный смысл – интенциональный смысл и так вновь с самого начала” (Крюков 1997: 83).

Подводя краткие итоги рассмотрения специфики процесса перевода, мы приходим к выводу о наличии **следующих констант переводческого процесса: концептуальной, социокультурной, лингвистической и текстовой**.

Переводчик всегда стоит перед проблемой восприятия и переработки чужого “ментального содержания”, поскольку в своем переводном тексте он не излагает собственные идеи, но лишь вербализует идеи, сформулированные автором оригинала, как правило, придерживаясь коммуникативной ситуации, “заданной” автором ИТ. Не исключается, что переводчик, “проецируя” ИТ в свое ментальное пространство, обнаруживает неидентичность или несоотнесенность собственных ментальных структур с теми параметрами, которые “заданы” ИТ. В связи с этим возникает вопрос о характере ментальных операций при переводе и о природе переводческих решений.

Как показывает анализ переводческих стратегий, они не бывают чисто когнитивными или интуитивными, но представляют собой когнитивно-интуитивные “сцепления”. Интуиция при переводе не только “поставляет” исходные данные, но и “ассоциирует” лежащие в основе ИТ ситуации с реальным фоном (контекстом интерпретации) и определяет семантические “координаты” перевода и построение индивидуального семантического вывода. Почти во всех ментальных процессах – в том числе и при переводе – имеют место интуитивные процессы и спонтанные ассоциации, в которых выражается ментальная специфика индивида.

Таким образом, **концептуальная константа перевода** *репрезентируется характером ментальных операций при переводе, когнитивно-психологическими структурами мышления переводчика, взаимодействием ментальных пространств автора оригинала и переводчика и, наконец, лингво-ментальными моделями ИТ и КТ.*

Оптимальные переводческие решения детерминируются адаптацией КТ к иноязычной социокультурной среде. **Социокультурная константа перевода** *инкорпорирует реалии истории и культуры конкретного социума, особенности рецепции и номинации на ИЯ и ЯП, этноязыковые аспекты коммуникации.*

Специфика перевода как особого вида речемыслительной деятельности детерминируется также тем фактором, что в нем реализуется интеграция двух семиотических систем и двух лингвокогнитивных моделей (ИЯ и ПЯ). **Лингвистическая константа перевода** *формируется языковыми и речевыми нормами и вербальными системами ИЯ и ЯП.*

Наконец, **текстовая константа** *отражает жанрово-стилистическую специфику текста, а также нормы и традиции построения текста в ИЯ и ЯП.*

Итак, **лингвоментальная модель процесса перевода** *детерминируется наличием определенных констант перевода и обретает свое существование в результате кодировки ментальных операций (с*

когнитивными структурами) в границах вербальных систем определенных лингвокультурных сообществ.

Л и т е р а т у р а

1. *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика: синонимические средства языка. М., 1974.
2. *Комиссаров В. Н.* Лингвистика перевода. М., 1980.
3. *Крюков А. Н.* Межъязыковая коммуникация и проблема понимания // Перевод и коммуникация. ИЯ РАН, М., 1997. С.73-83.
4. *Рябцева Н. К.* Теория и практика перевода: когнитивный аспект // Перевод и коммуникация. ИЯ РАН. М., 1997. С.42-63.
5. *Швейцер А. Д.* Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М., 1988.
6. *Holz-Manttari J.* Translatorisches Handeln. Theorie und Methode. Helsinki, 1984.
7. *Reiss K., Vermeer H. J.* Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie. Tübingen, 1984.
8. *Vermeer H. J.* Translation als "Informationsangebot" // Lebende Sprachen, 1982, № 3.

Контактоустанавливающая функция языка и сферы ее проявления

© С. Л. Нистратова (Италия), 2001

В последние годы в современной лингвистике, отличающейся антропоцентризмом, внимание сосредоточено не столько на системе языка, сколько на различных сферах употребления языка с определенной целью. При этом на первый план выдвигается учет фактора отправителя и получателя сообщения. Это позволяет изменить традиционный подход и рассмотреть лингвистические особенности функциональных стилей не с позиции адресанта, а с позиции адресата речи.

Среди многочисленных сфер употребления литературного языка существуют такие, в которых в соответствии с коммуникативным заданием, а также под влиянием особых экстралингвистических факторов большое значение приобретает адресованность сообщения.

Под адресованностью речи понимается ее обращенность к получателю сообщения с целью установления речевого контакта для оказания на него определенного воздействия, обусловленного конкретными задачами данного вида коммуникации. Таким образом, понятие адресованности, прежде всего, связано с двусторонностью акта коммуникации, т. е. с тем, как речь адресуется одним лицом другому (или другим). При этом обращении к получателю сообщения обычно сопутствует «самоманифестация» отправителя и выражение его отношения к предмету речи.

Исходя из целевой направленности языка как общественного явления, можно говорить о связи адресованности с функциональной природой языка, а именно, с какой-то конкретной его функцией. Попытаемся определить конститутивные признаки данной функции и место, которое она занимает в системе прочих функций языка.

Термин «функция» употребляется нами в значении: функция как цель, «обобщенное обозначение разных сторон (аспектов) языка и его элементов с точки зрения их назначения, применения, использования» (1, с. 506-507).

В самом общем виде всеми исследователями безоговорочно выделяется коммуникативная функция или функция общения, которая признается первичной, имманентно присущей языку. Наряду с коммуникативной в качестве основной называется также функция, предназначенная осуществлять мыслительную, интеллектуальную деятельность, которая в различных исследованиях носит название «функция орудия

мышления» (А. А. Леонтьев), «мыслительная функция» (Л. А. Киселева), «экспрессивная функция» (В. А. Авронин).

Коммуникативная и мыслительная функции большинством исследователей признаются основой системы функций языка, определяющей все остальные, частные функции, являющиеся их разновидностями. Именно при выделении этих частных функций обнаруживаются наибольшие расхождения среди ученых (количество выделяемых функций варьируется от четырех до одиннадцати).

Наибольший интерес в связи с поставленной проблематикой представляют концепции, учитывающие функционирование языка в конкретных сферах коммуникации и, соответственно, рассматривающие проявление в них его частных функций.

В качестве примера такой концепции можно привести типологию К. Бюлера (2), связывающую функции языка с осуществлением самого процесса коммуникации. Согласно данной концепции, всякий акт коммуникации предполагает наличие двух участников и определенного предмета речи, и поэтому у языкового знака всегда имеется три «семантических» отношения: к говорящему, слушателю и предмету речи. В соответствии с этим выделяется три функции: сообщения (характеристика говорящего), обращения (апелляция к слушателю), выражения (экспликация о предмете речи).

Р. Якобсон предложил свою модель функций, взяв за основу структуру коммуникативного акта и исходя из того, что описать функции языка можно, лишь указав, из каких основных компонентов состоит акт речевой коммуникации (3, с. 197). Р. Якобсон к выделенным К. Бюлером компонентам добавил еще три конституирующих элемента: сообщение, контакт, код, в соответствии с которыми выделил поэтическую, фактическую и метаязыковую функции.

Чтобы сообщение могло выполнять свои функции, контекст (по Р. Якобсону – основное смысловое его содержание) должен восприниматься адресатом. Для этого адресант пользуется кодом, который должен быть общим для участников коммуникации, и устанавливает контакт с получателем сообщения. Контакт здесь понимается двояко: как физический канал связи и как психологическая связь между общающимися. Каждому из перечисленных компонентов соответствует особая функция языка: контексту – коммуникативная (реферативная); экспрессивная сосредоточена на адресанте, связана с выражением отношения говорящего к предмету речи; конативная – ориентирована на адресата (по К. Бюлеру, эти три функции соответствуют сообщению, выражению и обращению). Контакт соответствует фактическая функция, необходимая для установления, продолжения или окончания коммуникации. Следует заметить, что само понятие «контакта» у Р. Якобсона, на наш

взгляд, значительно шире, чем понятие соответствующей ему фактической функции, которая, по существу, трактуется автором как направленность на поддержание лишь физической связи между адресантом и адресатом. Метаязыковая функция связана с теми ситуациями общения, когда предметом речи становится сам код. Поэтическая функция направлена на сообщение как таковое, то есть осуществляется ради самого сообщения.

Таким образом, Р. Якобсон расширил традиционную модель языка. Обращает на себя внимание важное замечание автора о необходимости тщательного изучения всех (в том числе побочных) языковых функций и определения роли каждой из них в конкретном отдельном высказывании. «Различия между сообщениями заключаются не в монопольном проявлении какой-нибудь одной функции, а в их различной иерархии. Словесная структура сообщения зависит прежде всего от преобладающей функции» (3, с. 197).

Большое значение иерархическому принципу при построении модели функций языка придает Л. А. Киселева. В соответствии с ее концепцией все языковые функции распределяются по трем ярусам по степени своей значимости. Первый, главный функциональный ярус образуют коммуникативная и мыслительная функции, то есть те, которые признаются большинством ученых в качестве основных, и их виду – функция познания, этническая и аккумулятивная. На втором ярусе основные функции представлены своими разновидностями, или частными функциями – интеллектуально-информативной и прагматической (эмоционально-воздействующей), которые необходимы для удовлетворения различных потребностей мышления и общения.

Разновидности этих функций конституируют последний, третий ярус. Разновидности интеллектуально-информативной функции – номинативная, релятивная, дейктическая – обслуживают различные стороны интеллектуальной деятельности человека. Разновидности прагматической функции: эмоциональная, эмоционально-оценочная, эстетическая, побудительная, экспрессивная, контактная (или физическая) – порождаются потребностями выражения «субъективного отношения к действительности и воздействия на психику (мысли, чувства, волю и поведение людей) посредством выражения эмоций, эмоциональной оценки, эстетической оценки, побуждения, посредством придания особой выразительной силы (экспрессии) языковым средствам», а также потребностью контакта (4, с. 44). Каждая из этих функций реализуется с помощью особой системы языковых средств.

Системная классификация языковых функций Л. А. Киселевой охватывает практически все функции, названные в лингвистической литературе, и позволяет установить их значимость в языке. Кроме того,

представляется, что использование данной ярусной концепции при изучении языка, на наш взгляд, имеет еще два положительных момента. Во-первых, вследствие установления строгой иерархичности удастся избежать неоднозначного употребления термина «функция» (функция языка как такового и функция конкретного языка в определенных исторических условиях, обуславливающая различную направленность в отборе языковых средств). Так, функции первого яруса обозначают имманентную сущность языка, тогда как их частные реализации связаны с конкретным использованием языка. Во-вторых, подробная разработка классификации частных функций языка дает возможность активно применять ее при изучении особенностей функционирования языка в различных сферах речевой коммуникации.

Как было сказано выше, в некоторых сферах общения особое значение имеет адресованность сообщения, обусловленная конкретной функцией языка. Поскольку данная функция языка порождается потребностью установления речевого контакта отправителя сообщения со своим адресатом для оказания на последнего определенного воздействия, то логично предположить, что это либо функция воздействия, либо контактоустанавливающая функция. Рассмотрим, насколько соответствуют эти функции тому содержанию, которое вкладывается в аналогичные термины в существующих функциональных концепциях.

В соответствии со схемой функций акта коммуникации Р. Якобсона функция воздействия в нашем понимании (согласно данному в начале статьи определению адресованности) по существу объединяет экспрессивную, конативную и фактическую функции.

Если же обратиться к концепции Л. А. Киселевой, то здесь адресованности речи будет соответствовать прагматическая (эмоционально-воздействующая) функция. Разновидностями этой функции являются рассмотренные выше шесть частных функций, в том числе контактная.

Данная трактовка термина «функция воздействия» наиболее близка, но не адекватна исследуемому явлению, поскольку в это понятие вкладывается очень широкое содержание. Поэтому и само название функции не отражает, на наш взгляд, сущности явления адресованности.

Думается, что проблема адресованности речи составляет лишь одну из сторон проблемы речевого воздействия. Следовательно, функцию, которая соответствует адресованности речи, по-видимому, необходимо выделять в рамках функции воздействия, а не отождествлять полностью с ней.

Представляется, что сущность рассматриваемого явления наиболее адекватно выражает уже используемый в исследованиях, посвященных изучению адресованной речи (Р. М. Гайсина, М.-Л. А. Драздаускене,

О. В. Дунаевская, Н. В. Гяч), термин «контактоустанавливающая функция», содержащий указание на взаимодействие участников коммуникации – существенную черту адресованной речи. Поэтому мы останавливаемся на этом традиционном наименовании.

Однако необходимо уточнить понимание контактоустанавливающей функции. Из вышеизложенного следует, что в лингвистической литературе были сделаны попытки описания данной функции, однако они не отличались единообразием подходов. Это наглядно видно на примере выделяемого состава языковых единиц, реализующих данную функцию. Так, под средствами речевого контакта понимаются формулы речевого этикета (Н. И. Формановская), клишированные конструкции, употребляемые в различных бытовых ситуациях (М.-Л. А. Драздаускене), средства прямой адресации.

В данной работе понятие речевого контакта рассматривается широко: не только как потребность установить, продолжить коммуникацию или проверить, «работает ли канал связи» (3, с. 201), но также как потребность в налаживании психологической связи между участниками коммуникации для достижения максимального эффекта общения, что реализуется с помощью языковых средств, связанных так или иначе с двусторонним характером коммуникативного акта, с экспрессивностью изложения, то есть с теми качествами речи, которые обусловлены наличием получателя сообщения. В каких стилях литературного языка возникает необходимость в установлении такого контакта?

Во-первых, контактоустанавливающая функция характерна для устной формы речи, ориентированной на слушателя, поэтому она присуща разновидностям языка, функционирующим в устной форме: разговорной, ораторской и устной научной речи.

Во-вторых, контактоустанавливающая функция проявляется в письменной речи, где возникает определенная коммуникативная задача воздействия на читателя. Данную функцию можно выделить в рамках основной функции в художественной и в публицистической речи. В меньшей степени она реализуется в произведениях научно-популярной литературы.

В настоящее время существует ряд работ, в той или иной степени исследующих воплощение данной языковой функции в художественной и ораторской речи, где она является доминирующей (5, 6, 7), тогда как, например, в научной речи контактоустанавливающая функция остается недостаточно изученной. Для этой сферы коммуникации рассматриваемая функция не является основной (основная – функция сообщения), а лишь оказывает заметное влияние на состав и организацию языковых средств в некоторых ее разновидностях (а именно: в устной научной и научно-популярной речи).

На наш взгляд, изучение проявления данной функции в сфере научно-популярного и устного научного общения интересно по двум причинам: во-первых, в обеих сферах существует экстралингвистический фактор (в научно-популярной – наличие адресата-неспециалиста, в устной научной – наличие непосредственного адресата), обуславливающий особый характер взаимоотношения между отправителем и получателем сообщения, при котором важную роль играет адресат речи; во-вторых, изучение средств реализации контактоустанавливающей функции в названных разновидностях научной речи позволит выявить некоторые специфические черты научно-популярного и устного изложения, отличающие их от письменного научного стиля.

В заключение приведем конститутивные признаки контактоустанавливающей функции. Контакттоустанавливающая функция направлена на установление речевого контакта между отправителем и получателем сообщения, но не ради самого контакта (как фактическая функция), а для оказания определенного воздействия (в соответствии с конкретными задачами данного вида коммуникации) на адресата речи с целью достижения максимального эффекта общения.

Двойкий характер этой функции отличает ее от функции воздействия. Контакттоустанавливающая функция представляет собой одну из сторон речевого воздействия, ту, которая связана с организацией коммуникативной связи между общающимися.

Л и т е р а т у р а

1. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1969.
2. *Бюлер К.* Теория языка // Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX веков. Ч. 2. М.: Просвещение, 1965.
3. *Якобсон Р.* Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975.
4. *Киселева Л. А.* Вопросы теории речевого воздействия. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978.
5. *Гайсина Р. М.* Средства речевого контакта в современном русском языке. Автореф. ... канд. филол. наук. Саратов, 1967.
6. *Драздаускене М.-Л. А.* Контакттоустанавливающая функция речи (на материале английского языка): Автореф. ... канд. филол. наук. М., 1970.
7. *Дунаевская О. В.* Некоторые особенности синтаксиса публичной речи: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1979.

Функционально-грамматическая параметризация прилагательного (по данным полевого исследования дунганского языка)

© кандидат филологических наук Т. С. Зевахина, 2001

Постановка задачи

О теоретических основаниях описательной модели

Нами разработаны принципы комплексной параметризации лексики на базе целенаправленных полевых экспериментов, проведенных с участием носителей языка в ходе работы лингвистических экспедиций [Зевахина 1984а; 1996; Вопросы 1991]. Такая параметризация позволяет обобщить полученный материал в виде комплексной функционально-семантической модели, в центре которой стоит слово как стержневая единица функционального механизма языка. Поэтому модель носит словарный характер, включая в себя вместе с тем сильный грамматической компонент. Иначе говоря, наряду с разнообразными лексико-семантическими параметрами в “портрет” слова включаются параметры функционально-грамматические [Зевахина 1984б; 1986; Зевахина, Имазов 1998].

Функциональная грамматика как подход к конструктивному моделированию языка является продуктивной идеей, привлекающей внимание широкого круга ученых разных стран [Проблемы 1985; Городецкий 1990; Кибрик 1992: гл.10; Золотова, Онипенко, Сидорова 1998; Элементы 1999; Проблемы 2000; Function 1994; Functional 1996]. При этом чаще всего речь идет не столько о создании полного конкретного описания под названием “функциональная грамматика такого-то языка”, сколько о поиске новых эффективных подходов к моделированию различных языковых явлений с действенной стороны, со стороны их содержательных функций в речи, в коммуникации.

В нашей концепции мы говорим о функциях слова в речи и о конструкциях, которые оно образует для выполнения этих функций. Сущность понятия функций сводится к семантическим операциям, совершаемым в ходе вербализации того или иного коммуникативного замысла. Конструкция – это определенная синтагматическая структура, задаваемая служебными показателями, классами знаменательных слов и порядком их следования и служащая для выражения той или иной содержательной функции. Морфология и синтаксис оказываются здесь объединенными и подчиненными конкретному коммуникативному заданию, конкретной коммуникативно-семантической функции. Иначе говоря, мы строим исчисление функций и выражающих их конструкций

(данный подход близок к исчислению семантико-синтаксических связей и “стемм” в [Теньер 1988] и к системной инвентаризации семантических реляций и синтагм в [Городецкий 1974]).

В настоящей статье мы иллюстрируем этот подход применительно к такой противоречивой части речи, как прилагательное. И, разумеется, на специфику этого класса слов налагается ряд общеметодологических проблем грамматики, например, проблема потенциальных функций и реальной возможности их актуализации при данной лексеме в данной конструкции (ср. “неожиданную” актуализацию потенциально важной функции прилагательных в русской фразе *В воздухе было голубо и прозрачно* – Л. Толстой. Казаки).

Эмпирическая база исследования

Методика работы включала ряд этапов, определяющими для которых были полевые методы лингвистической работы. Под руководством Б.Ю. Городецкого и автора настоящей статьи был проведен ряд Среднеазиатских лингвистических экспедиций МГУ им. М.В. Ломоносова по экспериментальному исследованию семантики и грамматики языка дунган Киргизии и Казахстана (1976-1988 г.г.) [Городецкий, Зевахина 1977; Городецкий 1978; Городецкий, Зевахина 1987; Вопросы 1991; Зевахина 1996]. Первичные результаты целенаправленных экспериментов, проводившихся автором и – по нашим методикам – студентами отделения структурной и прикладной лингвистики филологического факультета, отражены в протоколах полевой работы, содержащих дунганские высказывания с переводами и пометами. Далее, на основе протоколов были составлены словарные картотеки и написаны структурированные словарные статьи. В рамках лексико-семантического и функционально-грамматического моделирования дунганского языка разработаны и ведутся разноаспектные компьютерные базы данных, включающие типологический материал и по другим языкам [Зевахина 1990].

Этот банк фактов по дунганскому языку и служил основой изучения конструкций с прилагательными в функционально-грамматическом аспекте. Всего нами исследовано более 500 прилагательных, по каждому из которых имеются обширные экспериментальные данные о характеристиках для них грамматических конструкций и лексической дистрибуции. В основном описание построено на материале ганьсуйского диалекта, который лежит в основе литературного языка дунган Киргизии и Казахстана.

Дунганский язык близок к китайскому языку, но отличается от него целым рядом особенностей на всех лингвистических уровнях. По своему морфологическому строю он является языком изолирующего типа

(с целым рядом черт агглютинации), отличается оригинальным синтаксисом [Имазов 1996; Зевахина, Имазов 1998]. В фонетике имеется не четыре в путунхуа, а три тона (основная закономерность заключается в следующем: первый и второй китайские слились в первом дунганском, который звучит обычно как восходящий; третий китайский стал вторым дунганским и звучит как нисходящий; четвертый китайский перешел в третий дунганский и произносится обычно как ровный; такая тоновая система, естественно увеличила распространенность омофонии в лексике дунганского языка, которая успешно автоматически разрешается в речи на основе семантических и грамматических структур). По целому ряду своих типологических характеристик дунганский язык представляет значительный интерес для общей теории функциональной грамматики.

Что касается графики, то дунгане Киргизии и Казахстана пользуются не иероглифами, а письменностью на основе русского алфавита (к нему добавлено пять букв: *ә*, *ж*, *ң*, *ў*, *у*). Тоны на письме не обозначаются, и чтение осуществляется по принципу предсказуемости. В словарях же тоны записывают с помощью римских цифр, которые помещаются в виде запятой после слова, например: *пипизы I-I-II* “щепка”, *пипизы I-II-I* “шкурка”; в наших полевых протоколах тоны проставлены с помощью надстрочных знаков, а в словарных и грамматических материалах мы предпочитаем запись с помощью верхнего цифрового индекса после каждого слога, например: *пи¹* “кожа, шкура”, *пи¹* “рассечь, расколоть”, *пи²* “колоть”, *пи²* “избегать, укрыть”, *пи¹пи¹зы²* “щепка”, *пи¹пи²зы¹* “кожура, шкурка”, *цэ¹пи¹зы¹* “полено”, *пи²бий³* “уединенный”. Отсутствие иероглифической письменности, разумеется, делает печатный дунганский текст (в буквенной записи без тонов) довольно трудным объектом для восприятия и смысловой дешифровки.

Специфика прилагательного как части речи

Прежде чем говорить о результатах функционально-грамматической параметризации дунганских прилагательных, сделаем несколько замечаний общетипологического характера, а именно, назовем некоторые конституирующие черты этой части речи вообще. Эти и другие (не упоминаемые здесь) специфические свойства прилагательного раскрывают его противоречивую природу. Важно учитывать их при построении и грамматики, и комплексного словаря.

1. Наиболее фундаментальная черта прилагательных – это неуниверсальность данной части речи. Так, можно утверждать, что во всех языках имеются существительные и глаголы, однако этого нельзя с полной уверенностью сказать о прилагательных. Существуют языки,

которые либо вообще не имеют прилагательных, либо обладают лишь небольшим, закрытым классом таких слов (например, в языках банту он содержит от 10 до 40-50 единиц) [Dixon 1982].

2. Будучи представлены в очень многих языках мира, прилагательные все же не имеют универсального грамматического статуса: они занимают двойственное положение между существительными и глаголами (в одних языках, как в русском, они близки к именам существительным и считаются именной частью речи, а в других, как в китайском или дунганском, они близки к глаголам и вместе с ними могут считаться предикаторами [Городецкий, Зевахина 1977; Вопросы 1991: 6-54, 91-132]).

3. Прилагательные всегда теснейшим образом связаны с наречиями. Так называемые качественные наречия либо просто являются фактически функциональной разновидностью прилагательных (как английское *good* “хороший; хорошо”), либо образуются столь регулярно, что вполне могли бы считаться грамматической формой прилагательного (ср. русские наречия *хорошо, восторженно, внешне, потрясающе* и т.п., английские *fluently, remarkably* и т.п.). Это явление обычно служит основой функциональных механизмов регулярной синонимичности соответствующих конструкций (ср. *восторженно относиться / восторженное отношение*). Мало того, в языках мира широко распространены случаи, когда в одной и той же конструкции одно и то же слово может трактоваться и как наречие, и как прилагательное (ср. английские конструкции типа *to close the door tight* “плотно закрыть дверь”, а также *She looked cute* – “Она выглядела очаровательно” или “Она выглядела очаровательной”). А в таком языке, как русский, прилагательное развило еще и функции, связанные с констатацией состояния (*Сегодня холодно; Туда ехать опасно; Мне здесь хорошо; Это ему непонятно*).

4. В тех языках, где прилагательные существуют, мы можем очертить круг специфических для них значений в терминах семантических типов. По данным австралийского ученого, специалиста в области общей грамматической типологии Роберта Диксона, для прилагательных можно выделить 7 универсальных семантических типов: (1) РАЗМЕР, (2) ФИЗИЧЕСКОЕ СВОЙСТВО, (3) ЦВЕТ, (4) ВОЗРАСТ, (5) ОЦЕНКА, (6) СКОРОСТЬ, (7) ХАРАКТЕР И НАСТРОЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА. Этот вывод основан на двух эмпирических наблюдениях: прежде всего, оказывается, что в тех языках, где имеется полноценный класс прилагательных, содержание этого класса от языка к языку остается примерно постоянным; и далее, на основе анализа 23 различных языков мира Р. Диксон обнаружил, что значительное сходство в содержании прилагательных существует и в том случае, когда они не образуют самостоятельной части речи, а являются небольшим подмножеством других

частей речи (выделяемым иногда и по морфологическим основаниям). Причем в последнем случае наиболее распространенными являются прилагательные “большой” – “маленький”; “длинный” – “короткий”; “старый” – “новый”; “хороший” – “плохой”; “черный”, “белый”, “красный” и прилагательное “сырой, зеленый, неспелый”.

5. Прилагательные, как правило, фактически не имеют своей независимой области предметной отнесенности. Они денотативно зависимы: их областью применения являются все денотаты, которые обладают данным признаком. Тем самым экстенционал прилагательных составляют их определяемые, то есть существительные. С лексикографической точки зрения это означает, что в толкованиях прилагательных должна тем или иным образом отражаться информация о той области денотатов, которой может быть приписан соответствующий признак.

Представление информации о прилагательном в общей функционально-семантической модели языка

Обобщение эмпирических данных, полученных в ходе полевых экспериментов, может быть воплощено в двух описательных моделях – в функциональной грамматике и в семантическом словаре. Согласно принятой нами концепции, эти два вида моделей целесообразно объединить в один и говорить о единой функционально-семантической модели языка. Именно таков разработанный нами экспериментальный Дунганско-русский функционально-семантический словарь наиболее употребительной лексики [Зевахина 1984; Вопросы 1991]. Мы не будем давать здесь подробного обоснования этого словаря, но отметим, что в нем имеются: функционально-грамматический очерк (где описываются основные функции слов и реализующие их конструкции), основная часть (корпус семантически структурированных словарных статей с фиксацией индивидуальных функционально-грамматических особенностей слов), тезаурус (система детализированных семантических полей) и некоторые специальные указатели (в частности, указатель парадигматических отношений – корреляций, организующих всю систему узальных значений данного лексикона).

Идея интегрального описания языка уже имеет в современной лингвистике довольно богатую историю (см. об этом в [Новое 1983; Апрель 1995]). Наш подход отражает дальнейшее усиление этой идеи в направлении именно единой модели языка, отражает стремление сделать словарь основным, объемлющим (рамочным) видом описания, а грамматику трактовать как часть словаря, в которую вынесена информация о регулярных свойствах классов слов. В частности, для каждого класса слов исчисляются его функции и реализующие их конструкции.

Именно поэтому мы называем этот компонент модели функционально-грамматической частью словаря.

В основной части словаря для каждой лексемы дается развернутая словарная статья, включающая следующие восемь зон: 1. План выражения лексемы; 2. Дефиниционная информация; 3. Информация о свободных синтагматических связях слова в определенном его узуальном значении; 4. Фразеологизмы с данным словом; 5. Сложные слова; 6. Информация о парадигматических связях слова; 7. Модель полисемии слова; 8. Отрицательный материал.

Зоны членятся на более частные подзоны. Упомянем здесь о тех из них, которые наиболее непосредственно связаны с темой настоящей статьи. Подзона 1.3 дает информацию о частеречном статусе лексемы. В типичном случае для прилагательного эта информация имеет вид: Прил./Нареч., Глаг. Это значит, что такое прилагательное дунганского языка имеет в речи либо адъективное (включая адвербиальное), либо глагольное оформление. Заметим, что при этом и система узуальных значений такого прилагательного членится на две ветви в соответствии с этими частеречными статусами.

Подзона 3.1 дает информацию о характерных функциях и выражающих их конструкциях (последние представлены в виде формул из служебных показателей и имен лексико-семантических классов). Регулярная информация, вынесенная в общий функционально-грамматический очерк, в виде буквальных формул может здесь и не повторяться, и тогда функциональные возможности описываемой лексемы читатель словаря может наблюдать в наглядной форме в подзонах 3.2 (Примеры конкретных сочетаний) и 3.3 (Иллюстративные предложения).

Фундаментальная особенность дунганских прилагательных, как говорилось выше, заключается в том, что они тесно связаны с глаголами и образуют вместе с ними общую гиперкатегорию предикаторов. Так, прилагательное $хо^2$ “хороший” легко употребляется как в атрибутивных синтагмах типа $хо^2$ $пə$ $^1e^2$ “хорошая жена”, так и в предикативных синтагмах, оформленных видо-временными показателями: $Ни^2$ $хо^2ди^1ни^1ма^2?$ “Здравствуй!” (букв. “Ты находишься в хорошем состоянии?”; ср. возможность преобразования русской фразы *Ты веселый?* в глагольную конструкцию *Ты веселишься?*). Кроме того, данное прилагательное может выступать как определитель к глаголу, т.е. в функции наречия: $Хо^2$ $зэ^3ди^1$ “До свидания!”, букв. “Хорошо оставаться!”; $Хо^2$ $чи^3ди^1$ “Счастливого пути!”, букв. “Хорошо идти!”. Последний случай мы квалифицируем как расширение атрибутивной функции прилагательного.

Приведем пример ситуации, когда прилагательное в предикативной функции развивает переносные значения. Прилагательное *хун¹* “красный” образует синтагму *да²цо² хун¹ли¹* “сенокос в разгаре” (букв. “сенокос раскалился докрасна”).

Проиллюстрируем еще случай, когда в одном из своих узуальных значений прилагательное выполняет не массовую функцию и, соответственно, образует не максимально регулярные конструкции. Слово *зый¹* в значении “тесный, недостаточно просторный” образует конструкции:

X Y-шон¹ A(-ди¹ хын²)
 X Y-шон¹ A(-ли¹, -ни¹, -ди¹ ни¹),
 где А — прилагательное, X, Y — первый и второй актаны, -
 шон¹ и т.п. — служебные показатели.

Первая из этих конструкций реализуется, например, в предложении *Кү³ зы¹ та²шон¹ зый¹ди¹хын²* “Брюки ему узки” (здесь *-шон¹* – суффикс с основным значением “сверху; на ком-то или чем-то”; *-ди¹хын²* – адъективный суффикс полной предикации, который в конструкциях такого вида является необязательным, но весьма желательным; заметим, что на основе этого предложения могли бы быть построены другие предложения с использованием типичных глагольных видо-временных и модальных суффиксов *-ли¹*, *-ни¹*, *-ди¹ни¹*). Кстати, в словарной статье этого прилагательного (в рамках указанного значения) подзона 3.1 дает информацию о сочетаемости с лексико-семантическими классами <ОДЕЖДА> и <ОБУВЬ>.

Функции прилагательного и реализующие их конструкции (опыт исчисления)

Итак, функционально-грамматическая часть общей модели языка должна давать функциональное освещение по возможности полного инвентаря типовых конструкций, в которых употребляется прилагательное в реальной речи.

Близость китайского прилагательного по своим морфологическим свойствам к глаголам позволила ряду исследователей говорить об общей категории предикативов (ср. [Драгунов 1952: 12]. Мы трактуем эту типологическую ситуацию с помощью термина “предикаторы”; однако полноправное включение в число критериев выделения частей речи синтаксического и семантического все же позволяет нам с достаточной уверенностью признать за прилагательными дунганского языка статус, хотя и особой, но все же самостоятельной части речи. (Отметим, кстати, интересную попытку А.А.Драгунова и внутри тесных рамок морфологического критерия найти ресурсы для отграничения прилагательных от

глаголов. Он отмечает, что их различие отражается в тональной структуре сложных слов, образованных путем удвоения качественной, с одной стороны, и глагольной, с другой стороны, морфем [Драгунов 1952: 168-170]).

На начальном этапе нашей работы, когда формировался словник прилагательных и словник глаголов (организованные по семантическому признаку) как два не пересекающихся по составу множества, при отнесении лексемы либо к числу адъективных, либо к числу глагольных, мы исходили главным образом из ее семантики. Позднее, в ходе работы экспедиций, были проведены специальные эксперименты на полифункциональность прилагательных и глаголов в дунганском языке [Вопросы 1991: 39-54].

Приведем некоторые результаты исчисления функций прилагательных и реализующих их конструкций, выделенных на основе тех грамматических фактов дунганского языка, которые были извлечены из семантических экспериментов с участием информантов-дунган.

Для простоты мы здесь не будем касаться исчисления различных вариантов употребления прилагательных в синтагмах типа *Hu² xo² di¹ ni¹ ma²?* "Здравствуй!" (букв. "Ты находишься в хорошем состоянии?", см. выше), где прилагательное оформлено видо-временным и модальными показателями. В схемах классификации конструкций дунганского прилагательного, которые приводятся ниже, мы называем этот случай "предикацией относительно видо-временных разграничений", отводим ему в схеме определенное место и больше в настоящей статье к нему не обращаемся, хотя и располагаем богатым экспериментальным материалом, показывающим большое функциональное разнообразие видо-временных вариантов конструкций с прилагательными. Следует, также напомнить, что все эти варианты учитываются в нашей словарной статье в подзонах 1.3 и 3.1, где конкретизируется информация об употреблении прилагательного в функциях других частей речи, а также в подзонах 3.2 и 3.3 – в конкретных иллюстративных словосочетаниях и предложениях.

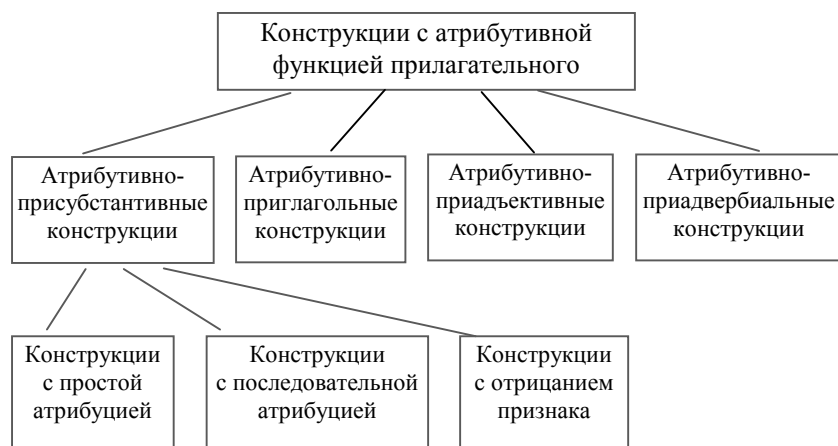
Все конструкции с прилагательными могут быть разбиты на два больших класса: употребление прилагательных в атрибутивной функции и употребление прилагательных в предикативной функции (при этом в данной статье будем рассматривать только предикацию безотносительно к видо-временным и модальным разграничениям). Эти два класса употреблений охватывают в общей сложности более 40 различных конструкций. С учетом синтаксических и семантических особенностей реализации их функций выделенные конструкции могут быть объединены в группы.

Ниже приводятся (в сокращенном виде) две схемы классификации: группы конструкций с атрибутивной функцией прилагательного и группы конструкций с предикативной функцией прилагательного. В этих классификациях представлена некоторая средняя ступень функционально-семантического обобщения (по сравнению с максимально конкретной ступенью реализации коммуникативного замысла в том или ином высказывании, полученном в ходе семантического эксперимента).

Мы даем ниже иллюстрации и краткие комментарии к полученным группам функций. Предварительно сделаем замечание об особенностях морфологического оформления прилагательного в дунганском языке. Дунганское прилагательное в своей "общей" форме может иметь три варианта оформления: нулевой показатель, показатель *-ди¹* или показатель *-ди¹хын²*. Все эти три варианта по-разному участвуют в образовании конструкций с прилагательными. Выведение какой-то общей функции для каждой из этих морфологических форм в настоящее время в полной мере представляется трудновыполнимой задачей (что лишний раз говорит в пользу нашей концепции "конструкций", интегрирующей морфологические, синтаксические и семантические факторы). Важно отметить, что, например, при употреблении прилагательного в предикативной синтагме, его ненулевая оформленность является довлеющей тенденцией дунганского предложения. Более того, за исключением некоторых случаев (см. ниже), неоформленное прилагательное в предикативной синтагме оценивается носителями языка как нежелательное, и соответствующее высказывание признается либо незаконченным, либо даже неграмматичным (ср. * *Жан² бый¹* "Краска белая"). (Для данного случая, т.е. когда прилагательное выступает в нулевом оформлении, А.А. Драгунов употребляет термин "неполная предикация", противопоставляя ее "полной предикации" [Драгунов 1952: 213].)

Прежде чем давать комментарий к приводимым ниже схемам, отметим еще близость нашей модели функций и конструкций прилагательного (как по общему подходу, так и по некоторым конкретно-типологическим закономерностям) к циклу детальных исследований по одному из северокавказских языков – цахурскому языку (по многим внешним параметрам совершенно противоположному китайскому и дунганскому языкам): ср. такие разделы коллективной монографии [Элементы 1999], как 2.4. Предикатив (Т.Б. Сосенская); 2.5. Наречие (Т.Б. Сосенская); 2.10. Атрибутивная репрезентация (Т.Б. Сосенская); 5.3. Атрибутивизация (Е.А. Калинина, С.Ю. Толдова); 9.1. Фокусная конструкция (К.И. Казенин).

А. Конструкции с атрибутивной функцией прилагательного

Как видно из схемы, мы говорим об атрибутивной функции в максимально широком смысле: при этом подходе русские синтагмы *ужасная злость*, *ужасно злиться*, *ужасно злой*, *ужасно зло* реализуют в рамках одной и той же общей функции такие ее разновидности, которые мы называем атрибутивно-присубстантивной, атрибутивно-приглагольной, атрибутивно-приадекативной и атрибутивно-приадвербиальной функциями.

В базовой атрибутивно-присубстантивной синтагме прилагательное употребляется в простой конструкции $\underline{AN}$. Семантические разновидности атрибутивной функции в такой синтагме мы здесь не рассматриваем, т.к. они не влияют на грамматическую сторону конструкции.

Особого внимания заслуживает конструкция с последовательной атрибуцией: $\underline{A_1A_2 \dots A_nN}$. Здесь встают по крайней мере два интересных вопроса: (1) каков порядок следования прилагательных в соответствующих синтагмах, другими словами, является ли он произвольным или же имеются некоторые закономерности "нанизывания" атрибутов в синтагмах такого рода? (2) насколько распространенным в реальной речи является этот тип атрибуции и каковы при этом его наиболее употребительные модификации?

Обратимся сначала к ответу на первый вопрос. При изучении порядка следования прилагательных в дунганском языке мы исходили из того, что у нас уже имеется семантическая классификация прилагательных, в которой заданы 7 типологически релевантных для данной части

речи классов: Размер, Физическое свойство, Цвет, Возраст, Оценка, Скорость, Характер и настроение человека. (Данные классы, как говорилось выше, были выделены Р.Диксоном.) Он же определил предпочитаемый порядок прилагательных в синтагме английского языка: Оценка – Размер – Физическое свойство – Скорость – Характер и настроение человека – Возраст – Цвет. Отсюда видно, что “Оценка” занимает самое дальнее место от существительного, “Цвет” – самое близкое (см. [Dixon 1983]).

Отметим попутно, что в атрибутивной синтагме дунганского языка могут встречаться прилагательные не 7, как у Р.Диксона, а 6 классов. Дело в том, что прилагательные *куэ*³ “быстрый”, *ман*³ “медленный” и некоторые другие из класса “Скорость” употребляются только в предикативной синтагме. Кстати, по этому признаку к ним близко поведение и прилагательных из класса “Характер и поведение человека”.

В результате анализа порядка следования прилагательных в дунганском языке (использовалась полевая методика работы с информантами) мы пришли к следующим основным выводам. Прежде всего существует ограничение на длину словосочетания. Максимально длинные атрибутивные словосочетания, зафиксированные в эксперименте, содержали 4 прилагательных из разных семантических классов, например, *хо*² *го*¹ *цин*¹ *хун*¹ *гэ*¹ *мын*¹ “хорошие высокие новые красные ворота”. Наиболее же типичны для живого словоупотребления синтагмы с двумя прилагательными (A_1A_2N). (Тем самым мы получили ответ на второй вопрос.) Большая часть синтагм типа A_1A_2N имеет строго фиксированный порядок прилагательных, соответствующий правилам Р.Диксона (см. выше). Примерами могут служить словосочетания *хо*² *го*¹ *гэ*¹ *мын*¹ “хорошие высокие ворота”, *хо*² *бин*¹ *фи*² “хорошая холодная вода” и многие другие. Но при этом было также обнаружено, что порядок прилагательных из классов “Физическое свойство” и “Возраст” может варьироваться в пределах нормальной нейтральной синтагмы (ср. в русском языке *старый тупой топор* = *тупой старый топор*). Это же относится к классам “Возраст” и “Характер и настроение человека”.

Наибольший интерес представляют исключения из правила следования, предложенного Р.Диксоном для английского языка. Например, так же как и в английском и русском языках, в дунганском обычным является следующий порядок прилагательных в сочетании типа: *суй*³ *бий*¹ *гон*¹ *зы*¹ “маленькое белое ведро” (прилагательное размера – прилагательное цвета – существительное), в случае же перестановки прилагательных, признак цвета получает эмфатическую функцию.

Следовательно, с одной стороны, мы имеем дело с нормальным, закрепленным в системе языка порядком следования прилагательных в именной группе, а с другой стороны, с коммуникативными факторами реализации нормальной синтагмы в речи. Коммуникативные факторы проявляются, во-первых, в перестановке прилагательных в нормальной, нейтральной структуре именной группы (при этом присутствует акцентное выделение), а во-вторых, в дунганском языке еще и в особой роли прилагательного $хо^2$ "хороший". А именно: дунганском языке намечается тенденция к такому употреблению $хо^2$, при котором начинает теряться лексическое значение этого прилагательного и оно приобретает чисто коммуникативную функцию, суть которой состоит в том, чтобы подготовить слушателя (или читателя) к восприятию набора свойств некоторого объекта. Отдельные информанты утверждают даже, что возможно употребление этой лексемы в синтагмах типа $хо^2 ун^3 чо^1 ку^2 да^1$ "(очень) тяжелый сырой мешок". Ср. употребление соответствующего китайского прилагательного hao^3 в значении "весьма" [Горелов 1989: 37].

Атрибутивная функция отрицания признака обычно выражается конструкцией $бу^1 А-ди^1 N$, например: $Гу\theta^3 ли^1 бу^1 да^3 ди^1 гуи^1 фу^1$ "Прошло немного времени (букв. небольшое время)".

Б. Конструкции с предикативной функцией прилагательного

Два класса такой предикации (см. схему) могут быть охарактеризованы как классы с функциями простой предикации. Одна из разновидностей функции простой предикации представляет собой предикацию ингерентного признака. Средством выражения подобной функции служит конструкция NA , в которой прилагательное, не оформленное показателями, находится в постпозиции к именной группе. Сфера употребления этой конструкции ограничена. Она встречается в предложениях – "универсальных констатациях" (*Снег белый; Земля круглая*), например, в дунганском языке $Хур^1 жян^1$ "Обезьяна хитрая"; $Шы^1 ту^2 нин^3$ "Камень твердый". В данных предложениях признак, предикцируемый референту, обозначаемому, является внутренне присущим (ингерентным) для данного референта. В этот класс попадают и фразеологические выражения типа $Щин^1 ю^2 тян^1 го^1, мин^3 ю^2 зы^2 б\theta^1$ "Сердце выше неба, счастье тоньше бумаги".

Второй разновидностью простой предикации является функция предикации неингерентного признака. Наиболее распространенная конструкция с такой функцией имеет вид НА-ди¹хын², например, *Жы³гэ¹ суан¹мый¹ суан¹ди¹хын², чы¹бу¹чын¹* "Эта слива кислая, невозможно есть".

Отдельное место в классификации занимают конструкции с функцией "констатации предшествующего обстоятельства" последующего действия. Эта функция реализуется в сложном предложении, при этом конструкция с прилагательным имеет вид НА.... (ср. *Сыйди цин ха, та*

ху ж едо фи хыту янсыни (шэньсийский диалект) [Когда мы привлекаем примеры из шэньсийского диалекта, этот факт специально оговаривается, и тоны в этом случае не проставляются.] "Того, у кого сердце злое, она (крыса), утащив в воду, утопит"; *Нэ³э¹ эргэ¹* (шэньсийский диалект) "Я младший, я (буду) вторым братом"; *Нэ³гэ¹ жын¹ ван²жэ¹н¹, дан³ зү³цер¹ хуэ¹, зу³фа¹ли¹* "Тот человек невыносливый, немного поработает и уже устал"; *Вэ² да¹ суй¹жан¹ ло²ли¹, зү³кэ³ хуэ¹ли¹, нин³бон¹* "Мой отец, хотя и старый, но когда работает, то крепкий".

Предикация безотносительно к видо-временным разграничениям

Перейдем к рассмотрению других функций дунганского прилагательного, употребляемого в предикативной синтагме.

Функция "выделения признака"

Эта функция подразделяется на два класса реализаций: имплицитное выделение признака (или имплицитное противопоставление) и эксплицитное выделение признака (или эксплицитное противопоставление).

Для имплицитного противопоставления в дунганском языке употребляется предикативная синтагма вида *НА-ди¹*. Она встречается в том случае, когда говорящий утверждает, что именно данное свойство характерно для определенного референта, а не какое-либо другое из числа возможных (ср. *Жы³гэ¹ жуэ¹зы¹ й¹ Уан¹ди¹* "Этот стол круглый, (а не квадратный, прямоугольный и т.д.)"; *Ис²мар² зү³ха¹ди¹ жуэ¹зы¹ й¹Уан¹ди¹* "Сделанные Исмаром столы круглые"; *Жы³гэ¹ мэ¹мэ² ган¹ди¹* "Этот хлеб черствый" (например, в ситуации, когда хлеб подали на стол); *Жы³гэ¹ хын³хү¹зы¹кү²ди¹* "Эта косточка урюка горькая"; *Жан² бы¹ди¹* "Краска белая" и др.

Эта функция реализуется и в ситуации краткого ответа на вопрос, ср. *Лян¹ на²гэ¹ зы² ни²му¹ ги² чү¹ йи¹ди¹ май³ зү³ли¹ хуар¹ли¹? Лян¹ хун¹ди¹* (или *Лян¹ хун¹ди¹, лю¹ди¹, хуон¹ди¹, лан¹ди¹ дэ³ фын³ди¹*) "Из какой бумаги вы делали цветы к 1 Мая?" "Из красной" (или "Из красной, зеленой, желтой, синей, розовой").

Эксплицитное противопоставление (ср. высказывания типа *_Ж* уә¹зы¹сы¹ йУан¹ди¹ "Стол есть круглый") встречаются прежде всего в ситуациях объяснения (учитель объясняет материал ученикам и т.п.), а также при более сильной степени выделения, чем та, которая имеет место в случае имплицитного выделения, например, *_Ис²мар² зү³ха³ди¹* жуә¹зы¹сы¹ йУан¹ди¹ "Столы, которые сделал Исмар, именно круглые"; *_Жы³гә¹ хын³хү¹зы¹сы¹ кү²ди¹* "Эта косточка урюка именно горькая". В последнем примере имеет место категорическое утверждение, и более широким контекстом, в который входит данное высказывание, мог бы быть следующий: "Мне (говорящему) определенно известно (я пробовал сам или из других источников), что косточка горькая, и я предупреждаю тебя (слушающего), что есть ее ни в коем случае нельзя" (ср. [Драгунов, 1952, с.164-166; Имазов, 1982, с.58]).

В целом же (по данным полевых протоколов) информанты довольно редко употребляют в предикативной синтагме прилагательное с показателем *-ди¹*; высказывание, содержащее такое прилагательное, воспринимается носителями языка как незаконченное по мысли, и для того, чтобы оно стало законченным, необходимо, по их мнению, *-ди¹* заменить на *-ди¹хын²*.

Функция "интенсивности признака".

Эта функция выражается в дунганском языке в первую очередь с помощью показателя *-ди¹хын²*. В настоящее время происходит существенный сдвиг в значении этого показателя. Во многих случаях он уже теряет функцию интенсификатора и начинает восприниматься только как показатель полной предикации (ср. [Драгунов, 1952, с.212]).

Другой способ выразить интенсификацию признака состоит в употреблении редуцированных форм прилагательных (ср. *_Жы³гә¹зы²бә¹ди¹хын²* "Эта бумага тонкая" – *_Жы³гә¹зы²бә¹бә¹рди¹* "Эта бумага тонкая-претонкая"). Редуцированные формы прилагательного в дунганском языке, как и в китайском, имеют гораздо более широкую сферу употребления, чем соответствующие формы в русском языке.

Аналитические конструкции со значением "интенсивности" образуются путем введения в конструкцию *НА-ди¹хын²* соответствующих наречий *_тә²* "очень", *_Жы³му¹* "так", *_шы¹зә³* "на самом деле, в действительности" и некоторых других. К этой же группе относятся и конст-

рукции со значением "максимального проявления признака", ср. $\_дин^2$ $зы^1 ю^1$ $Жы^3 гэ^1$ $хын^3 ху^1$ $зы^1 ку^2$ "самая горькая косточка урюка".

Функция "неполноты признака"

Неполнота (или недостаточная интенсивность) признака в дунганском языке выражается адъективной лексемой, принимающей показатели $-щер^1$, $-йи^1 щер^1$, $-ди^1 щер^1$, $-йи^1 дяр^2$, имеющие значение "немного".

Функция "сравнения"

Для целей сравнения служат следующие конструкции:

N_1	$би^2/ган^2 N_2$	А
N_1	$би^2/ган^2 N_2$	А-щер ¹
N_1	$би^2/ган^2 N_2$	А-йи ¹ щер ¹
N_1	$би^2/ган^2 N_2$	А-йи ¹ дяр ²

Приведем примеры предложений: $\_Жы^3 гэ^1$ $мян^3$ $би^2$ $нэ^3 гэ^1$ $мян^3$ $бый^1$ "Эта мука белее, чема та мука"; $\_Жы^3 гэ^1$ $бу^3$ $ган^1$ $нэ^3 гэ^1$ $бу^3$ $хун^1$ $йи^1$ $щер^1$ "Эта ткань по сравнению с той тканью несколько более красная"; $\_Чунбин$ $ң$ $ә$ $кан$, $ни$ $би$ $ң$ $ә$ $дуә$ (шэньсийский говор) "Чунбин, (как) я вижу, ты меня старше".

Сравнительный оборот может быть распространен дополнительными лексемами: ср., например, предложение $\_Та^2$ $би^2$ $вә^2$ $щә^2$ $ди^1$ $зы^2$ $хо^2$ $ди^1$ $дуә^1$ "Он пишет иероглифы намного лучше, чем я".

Функция "количественности"

В дунганском языке имеется целый ряд конструкций с прилагательными, выражающими "количество" признака или ту или иную его степень. Часто признак "количественность" объединяется с признаком "сравнение". Приведем примеры предложений, в состав которых входит та или иная конструкция со значением "количественности": $\_Жы^3 гэ^1$ $чУан^1$ $жю^2$ $метр^3$ $чон^1$, $сан^1$ $метр^3$ $куан^1$, $эр^3$ $шы^1$ $метр^3$ $шын^1$ "Этот источник 9 метров в длину, 3 метра в ширину, 20 метров в глубину"; $\_Вә^2$ $би^2$ $та^2$ $да^3$ $ди^1$ $сан^1$ $суй^3$ "Я старше его на три года!"; $\_Та...$ $чязы$ $йи$ $суан$ $Чунбин$ $ж$ $и$ $бынсы$ $би$ $таж$ $и$ $бынсы$ $даж$ $и$ $чишы$ $гырли$ (шэньсийский диалект) "Он высчитал по таблицам, что умение Чунбина по сравнению с его умением в 70 раз больше".

Конструкции с функцией "отрицания"

В этот класс входят следующие конструкции $\underline{\text{бу}}^1 \text{А}$ ($\underline{\text{бу}}^1 \text{хун}^1$ "не красный"), $\underline{\text{бу}}^1 \text{сы}^1 \text{А-ди}^1$ ($\underline{\text{Жы}}^3 \text{гэ}^1 \text{фу}^1 \text{бу}^1 \text{сы}^1 \text{хун}^1 \text{ди}^1$, $\text{зы}^2 \text{ди}^1$ "Эта книга не красного (цвета), а бордового"; $\underline{\text{бу}}^1 \text{нэ}^3 \text{му}^1 \text{А}$ ($\underline{\text{бу}}^1 \text{нэ}^3 \text{му}^1 \text{да}^3$ "не такой большой") и некоторые другие.

Конструкции с различными функциями коммуникативной организации смысла (КОС)

Приведем некоторые примеры подобных конструкций: $\dots \text{кан}^3 \text{чи}^2 \text{зу}^3 \text{цен}^3 \text{фу}^1 \text{ю}^2 \text{ху}^3$, $\text{ю}^2 \text{да}^3$ "если посмотреть, то (кажется), будто эта книга и толстая, и большая ($\text{ю}^2 \text{А}_1$, $\text{ю}^2 \text{А}_2$); $\underline{\text{Ну}}^2 \text{кан}^3$, $\text{ду}^1 \text{щин}^1 \text{тын}^1$ "Ты посмотри, какая симпатичная!" ($\underline{\text{ду}}^1 \text{А}$); $\text{Ва}^3 \text{ва}^2 \text{ди}^1 \text{мин}^1 \text{зы}^2 \text{йУ}^1 \text{чон}^1$, $\text{йУ}^1 \text{хо}^2$ "Имя ребенка чем длиннее, тем лучше" ($\underline{\text{йУ}}^1 \text{А}_1$, $\underline{\text{йУ}}^1 \text{А}_2$). В качестве отдельных конструкций мы рассматриваем также конструкции, содержащие лексемы $\underline{\text{е}}^3$ "тоже", $\underline{\text{цэ}}^1$ "оказывается" и некоторые другие.

Заключительные замечания

Как уже отмечалось, рассмотренный в статье инвентарь адъективных грамматических конструкций служит для эксплицитной подачи в словарной статье (дунганско-русского функционально-семантического словаря) информации о реализации тех или иных коммуникативно-семантических функций каждой данной лексемы. Научный интерес такой эмпирически выверенной модели заключается в возможности дальнейшего углубления общетеоретических и типологических исследований по проблеме частей речи в языках мира, особенно в аспекте гибкости, подвижности этих категорий, их коммуникативного творческого потенциала.

Практический потенциал сплошной функционально-семантической параметризации лексики на основе лексико-грамматических конструкций заключается в создании надежного инструмента понимания и построения высказываний. Методика эмпирического обоснования такой параметризации может быть рекомендована для любого языка.

Литература

Апресян Ю.Д. Избранные труды. Том II: Интегральное описание языка и системная лексикография. – М., 1995.

- Вопросы дунганской лексикологии и лексикографии (Материалы к семантической типологии) / Под ред. *Б.Ю. Городецкого; М.Х. Имазова*. – Бишкек, 1991.
- Горелов В.И.* Теоретическая грамматика китайского языка. – М., 1989.
- Городецкий Б.Ю.* Проблема инвентаризации синтагматической семантики // Проблемы семантики. – М., 1974.
- Городецкий Б.Ю.* Теоретические основы прикладной семантики: Автореф. ... д-ра филол. н. – М., 1978.
- Городецкий Б.Ю.* От лингвистики языка – к лингвистике общения // Язык и социальное познание. – М., 1990.
- Городецкий Б.Ю., Зевахина Т.С.* Новые шаги дунганской лексикографии // Ориенталистика в Киргизии. – Фрунзе, 1987.
- Городецкий Б.Ю., Зевахина Т.С.* О многозначности языкового знака (теоретические и методические предпосылки исследования) // Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. – М., 1977.
- Драгунов А.А.* Исследования по грамматике современного китайского языка. Ч. I. – М.-Л., 1952.
- Зевахина Т.С.* О словарном описании многозначных прилагательных (На материале дунганского языка) // Слово в грамматике и словаре. – М., 1984а.
- Зевахина Т.С.* О порядке следования прилагательных в атрибутивной синтагме дунганского языка (сопоставительно с другими языками) // Вторая конференция по китайскому языкознанию. – М., 1984б.
- Зевахина Т.С.* О функционально-грамматических аспектах словарного описания дунганского прилагательного // Третья конференция по китайскому языкознанию. – М., 1986.
- Зевахина Т.С.* О двух компонентах машинного банка данных по семантической типологии языков // Актуальные вопросы китайского языкознания. Материалы Пятой Всесоюзной конференции. – М., 1990.
- Зевахина Т.С.* Принципы отбора иллюстративного материала для словарных статей комплексного семантического словаря (На примере дунганского языка) // Китайское языкознание. VIII Международная конференция. Материалы. – М., 1996.
- Зевахина Т.С., Имазов М.Х.* Дунганский язык // Языки народов России и соседних государств. Т. 1. – М., 1997.
- Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. – М., 1998.
- Имазов М.Х.* Грамматика дунганского языка. – Бишкек, 1997.
- Кибрик А.Е.* Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. – М., 1992.
- Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV: Проблемы и методы лексикографии / Сост. *Т.С. Зевахина; отв. ред. Б.Ю. Городецкий*. – М., 1983.
- Проблемы функциональной грамматики. – М., 1985.
- Проблемы функциональной грамматики. Категории морфологии и синтаксиса в высказывании / Ред. колл.: *А.В. Бондарко и др.* – СПб., 2000.
- Солнцева Н.В.* Проблемы типологии изолирующих языков. – М., 1985.
- Теньер Л.* Основы структурного синтаксиса. – М., 1988.
- Элементы цахурского языка в типологическом освещении / Ред.-сост. *А.Е. Кибрик*, соред. *Я.Г. Тестелец*. – М., 1999.
- Function and expression in functional grammar / Ed. by *Elisabeth Engberg-Pedersen et al.* – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1994.
- Functional Descriptions: Theory in Practice / Ed. by *Ruqaiya Hasan et al.* – Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1996.
- Sommerfeldt K.-E., Schreiber H.* Woerterbuch zur Valenz und Distribution deutscher Adjektive. – Leipzig, 1974.

Лексико-семантическая группа «Глаголы звучания» в архангельских говорах

© кандидат филологических наук Н. Г. Ильинская, 2001

ЛСГ «Глаголы звучания» включает в архангельских говорах те же общерусские лексемы, что и в литературном языке (ЛЯ): **булькать, верещать, греметь, грохать, грохнуть, грянуть, лаять, пищать, рычать, рывкать, свистеть, скулить, тявкать, шипеть, шуршать** и др. Но говорить об идентичности глаголов, функционирующих в разных языковых системах, у нас нет никаких оснований. Наблюдаются различия семантического, грамматического планов.

Сопоставление семантического объема глаголов звучания в ЛЯ и диалекте позволяет выделить три типа слов: **1 тип** – глагол имеет в говорах больше значений, чем в ЛЯ; **2 тип** – глагол имеет в говорах и в ЛЯ одинаковое количество значений; **3 тип** – глагол имеет в говорах меньше значений, чем в ЛЯ.

Что касается самого соотношения собственно диалектных значений и совпадающих с ЛЯ, то в семантической структуре глаголов звучания в диалекте могут быть представлены: а) все значения, известные ЛЯ, плюс собственно диалектные; б) часть значений, известных ЛЯ, плюс собственно диалектные. Нумерация совпадающих значений подаётся в соответствии с МАС¹. После цифры, указывающей номер соответствующего значения по МАС, приводится (курсивом) диалектный материал, иллюстрирующий данное значение в архангельских говорах². Однако имеются случаи, когда значение глагола в говорах не может быть сформулировано так, как дано для ЛЯ (уже, шире). В таких случаях, кроме номера значения по МАС, указывается ещё в скобках (соп. по МАС).

Значительная часть глаголов– членов ЛСГ — имеют в говорах большее количество значений, чем в ЛЯ: **булькать** — по МАС – 1 значение, по материалам архангельских говоров – 2, **верещать** 1:2, **греметь** 2:4, **грохать** 1:4, **грохнуть** 2:3, **лаять** 1:2, **пищать** 2:4, **рычать** 2:4, **рывкать** 2:3, **свистеть** 2:3, **скулить** 2:3, **тявкать** 1:2, **шипеть** 1:2, **шуршать** 1:2 и др.

---

1. После толкования значения по МАС в скобках приводятся данные – номер тома и страница.

² Каждый пример снабжается географической пометой – названием района и названием населённого пункта, где проводились записи диалектной речи.

Например, глагол **грянуть** имеет в ЛЯ два значения: 1. Внезапно с силой раздаться, загреть, зазвучать. 2. Внезапно с силой начаться; разразиться (1:354).

Семантическая структура глагола (арх. гряну́ть) в говорах включает большее количество значений, в число которых входят все, имеющиеся у него в ЛЯ, а также собственно диалектные.

1. *Гром-то каг грянет, я прискочю дажэ. ОНЕЖ.Хчл. С неба гром грянет. МЕЗ.Сн. Сперва подальше гром-то грянул. В-Т.Тми. — Илейка (Илья- пророк) ужго грянет. — Не фига он не грянет. ВИН.Брк. Безл. Каг грянуло, корова к огороду прижаласе. ШЕНК.ВП. Грянуло, я тожо фстала, уснуть не могу. ПИН.Влт. Грянуло, так парня убило трёх годоф. ВИН.Брк. Грянуло у нас, уж господи, каг грянуло! НЯНД.Миш. С улки ступило ф санник — каг грянуло, и загорело! В-Т.Ври.*

2. *Пого́тка (ветер с дождём) бы грянула ба́лоф на два́цять! — Гренё! ПРИМ.33. Дожджык-то гряне́т. МЕЗ.Сн. Безл. Не́ было, не́ было, да грянуло дак. МЕЗ.Дрг.*

Собственно диалектные значения:

Произвести взмах вёслами при гребле. *Ско́лько рас на́до грянуть в вёслах-то. КАРГ.Лки. Лотка туды пойдёт, ты и грени. КАРГ.Нкл. Каг гренёш на себя, ф кочет так и напират. МЕЗ.Дрг.*

Нанести удар, стукнуть, ударить. *Я каг залезу да как лапой гряну, так слетит. В-Т.Грк. Он о стол грянул, чуть не сломил фсю посуду. ПРИМ.33. Гряну, дак только и жывал! КАРГ.Нкл. Грените раз-два хорошэнько. КРАСН.Тлг.*

Свалить, скинуть, сбросить. *Ми́шка сидёл на сту́ле, он Ми́шку-то грянул со стула. В-Т.Грк.*

Упасть с шумом, рухнуть. *Она́ каг грянула о ла́фку так, ру́ки во́т так. ВЕЛЬ.Сдр. Грянул он о́н пол. КАРГ.Нкл. Сама со скамейеуки только шумела, либо, скажут, юкнула, грянула ли, а сама упала. ПРИМ.33.*

Умереть. *Така́ мужычи́на грянет. ХОЛМ.Ркл.*

Громко, резко сказать что-н. *Такой грозной был, та́г грёнед дак, гру́бой. ПРИМ.33. // Быстро, неожиданно сказать что-н., выпалить. Вы ска: бабушка, про поля скажыте! Она́ и гряне́. ПРИМ.33. // Громко засмеяться. Весь народ грянул. КОН.Клм.*

Появиться. *Или сёмга где ли грянет. ПРИМ.33. Вот ско́ро, ско́ро по́езд грёнет, свисток уны́тый просвистит (фольк.). ВЕЛЬ.Длм.*

Часть глаголов имеет с ЛЯ одинаковое количество значений: **бренчать** 2:2, **визжать** 1:1, **голосить** 2:2, **выть** 2:2, **барабанить** 3:3, **журчать** 1:1 и др.

Например, глагол **голосить** имеет в ЛЯ два значения: 1. Громко, с причитаниями плакать (обычно во время свадебного и похоронного обряда). 2. Громко петь или кричать (1:328).

1. *Рукобѣтъе было у невесты, родникоф созовут, невеста пойдѣд голосить. Голосит сестра, а нѣт — так сестренници.* ЛЕШ.Вжг. *Ирка выходила на Борово, Грязных-то, матери ей, подала кусок мыла да чесальник льна, она голосила, ейны подружки, видно, голосили.* ЛЕШ.Рдм. *На обет не голосит — на могилу только, на сорог дьней ходят, голоса.* ЛЕШ.Лбс. *Голосят по покойному-то.* ПИН.Влд. *Городова голосила разводной (по поводу развода), голоз громкий запойод, даг берѣзы закачяюще.* ЛЕШ.Ол. *Мужа на войну спровожала, она голосила, мала дефка, а как причитат!* ЛЕШ.Плц.

2. Петь громко, весело (соп. по МАС знач. 2). *Идѣм по деревне, голосим пѣсьни.* ЛЕШ.Ол. *Вод дефчята по фсеѣ деревни ходяд, голоса.* ОНЕЖ.Врз. *Гѣнка как голосил!* ХОЛМ.Кзм. *А как на голосах-то ейю пѣдъ бы, да только бы слушать, а я голосить не могу.* МЕЗ.Дрг. *Йѣсь туд бапки, голоса, поют.* ПИН.Пки. *Голосить Офимья могла.* ЛЕШ.Плц.

Глагол **войть** имеет в ЛЯ два значения: 1. Издавать вой. // Производить, издавать звуки, похожие на вой. 2. Плакать в голос (1:288). Ср. в арх.

1. *Гуси воют, гукают.* ШЕНК.ВП. *Он (филин) войет не так, как ворона каркат.* ВИЛ.Пвл. *Воют и воют, а куда воют! (о мухах).* ВИН.Слц. *Вода убыла, войет.* ОНЕЖ.Лмц. *Ветер сильной, только волосы воют.* ПИН.Пки. *Я бѣжу, только шьшки воют.* ЛЕШ.Рдм.

2. *Хто войет, а хто плацѣт.* НЯНД.Ми. *А у меня дефчята жьѣли ис Котласа, дак как уйежжали, я выла. По правую руку-то подружѣнька сидит, да кажная-то припевайет, выли, выли, потом жѣних приѣхал.* ЛЕН.Схд. *Я пала и реву, а бапка думайот — кто там войот.* ЛЕШ.Вжг. *Невеста войет: от подружѣк веть оцстават.* ОНЕЖ.Лмц. *Я с ихнего зову Шылявы сѣшла выла.* ЛЕШ.Клч.

Глагол **барабанить** имеет в ЛЯ три значения: 1. Бить в барабан. 2. Часто и дробно стучать. 3. Громко и неискусно играть на рояле (1:61).

Семантическая структура глагола в говорах включает также три значения, в число которых входит значение 2 ЛЯ, а также собственно диалектные.

Стучать (соп. по МАС знач.2). *Она барабанила, барабанила по мосту, а я думала, кто там стучаца.* КОТЛ.Збл.

Собственно диалектные значения:

Ударяя, издавать дробные звуки. *Наклонишся да как начьнѣж горбушѣй (косой) барабанить.* ОНЕЖ.Врз.

Разговаривать, болтать, рассказывать. *Фсё свойо барабанит, барабанит. В-Т.Тми. Мы барабаним, так они пишут. ПИН.Кшк.*

Отдельные глаголы имеют меньшее количество значений в говорах, чем в ЛЯ: **петь** 4:2, **петься** 2:1, **плескаться** 3:2, **трещать** 3:2, **трубить** 2:1.

Констатируя факт идентичности значения глагола, функционирующего в ЛЯ и в говорах, следует отметить имеющиеся различия в широте значения, лексической сочетаемости, круге объектных распространителей. Различия в широте значения отмечены у глаголов **трубить**, **голосить**, **тявкать**. Литературному значению глагола **трубить** “Долго заниматься чем-л. (трудным, утомительным или скучным, нудным)” (4:416) соответствует более широкое диалектное значение – “Много или долго, интенсивно делать что-н., работать”. Оно не имеет тех уточняющих сем, которые актуальны для ЛЯ и представлены в МАС. *Везь гот трубил – не мок отпуска дождаца. ЛЕШ.Смл. Четвёртой дёнь трубит. ПИН.Нхч. Виш как, а ты трубиш, трубиш, сам и виноват. ЛЕШ.Вжг. Ходит трубит, трубит-то, да за 20 копеек. ЛЕШ.Кнс. По нянюшкам ходила до по работницам трубила, сама ходила хорогодила. МЕЗ.Дрг. Там-то 9 месяцеф трубил. КАРГ.Оз. Без выходных йешичэ трубит. ЛЕШ.Блц. // Пребывать на воинской службе, в местах отбытия наказания. Три года только трубиш-то. ВЕЛЬ.Сдр. Восемь годоф опять трубил. МЕЗ.Дрг. А сын йего в армии трубит третий гот. МЕЗ.Длг. Ну, Марийка, видно, придецца трубить. КОН.Влц. Вышлют в Сибирь, и труби тамотки. ПЛЕС.Кнв.*

Различия в лексической сочетаемости, являющейся в говорах более широкой (= свободной), чем в ЛЯ, зафиксированы у глаголов **вищать**, **пищать**, **плакать**, **рявкать**, **трубить**, **урчать**, **шипеть**. Можно выделить следующие типы различий по виду субъекта действия – его одушевленности или неодушевленности:

При субъекте действия – одушевленном предмете в ЛЯ и в говорах, в разных системах могут быть различными классы предметов: в ЛЯ – животное и птица, в говорах – животное, птица, насекомое или животное (земноводное) и человек. **Пищать**. Издавать писк (по МАС – о птицах, некоторых животных 3:129). *Воробей пищит, он пищит веть воробей-то. ПИН.Врк. Кабыть пищит где кошка. ПИН.Ср. Шяс тяжэло, маленькийе-то (телята), они пищят ВИЛ.Пвл. Пищят (медвежата), как собаки. ЛЕШ.Рдм. Заглянула, там пищят ужэ собочата. ПРИМ.Ннк. Пойот комар, пищит, залетел, холёрка. ОНЕЖ.Врз. Как божой конёк (кузнечик) пищит. Как медуничьки (пчелы) пищя, чюю. ПИН.Квр.*

Урчать. Издавать негромкие низкие звуки (по МАС – выражая недовольство, угрозу и т. п. О некоторых животных, птицах 4:514).

Поросёнок урчыт, горло дерёт. ШЕНК.ВП. А в лок-то спустился, медведь из берлоги на него урчит, он його и пострелил. ПРИМ.33. Косачь – тот урчит, токуют, подымут ур, даг далёко слышать касачиный ток, как они урчат. ХОЛМ.Кзм. Теперь они не ворчат (глухари) весной, когда оттают, урчат. В-Т.Ври. Голуби урчат так, уркают. МЕЗ.Длг. Йесли лягуша лайот, лайот, к хорошэму году, а йесли урчат – к худому году. ВИЛ.Пвл. Скокухи (лягушки) в болоте урчат. Котёнок-от урчит. Петух-то урчыт. ШЕНК.ВП. Они (куры) не переставают, фсё урчат. МЕЗ.Длг. Кошка реве, пустите, ласкайца да урчыт. ПИН.Влт. Собака прижуцилась к нам, урчит. КАРГ.Оз. В лягах скокухи (лягушки) бьвають, когда река розойдецца, они урчат, жолты, рябеньки эки. Цютко с крыльца, как они урчат весной. Морос весной. Скокушьой морос, у, у, как урчат, а нынче не слышать. ПИН.Шрд. Шэрсь роздёргивают из больших-то комьйоф, дёргалка, шэрсь передёргалась. Фсё это урчит, бубнит катальцик. ВЕЛЬ.Лхд.

При субъекте действия – неодушевленном предмете и в ЛЯ и в говорах, в разных системах могут быть различными классы предметов. **Урчатъ.** Производить негромкие, низкого тона звуки (при движении чего-л., при работе механизмов, устройств и т. п. 4:514). *Изьдят, изьдят фсё машины, урчат. ВЕЛЬ.Пжм. Ф трубу урчит ветер, в глиняну трупку так не урчит ветер, как в жэлезну. ВИЛ.Трп.*

При субъекте действия – одушевленном или неодушевленном предмете в ЛЯ, в говорах может быть представлен как одушевленный (при неодушевленном в ЛЯ), так и неодушевленный предмет (при одушевленном в ЛЯ). **Плакать.** Горевать, сожалеть по поводу чего-л. (3:131). *Вот уж я плакала до тужыла. ПИН.Врк. Моя неделя плакать не придёт – я свойо оджыла. КАРГ.Лки. Она мёртва теперь, Кимжа (деревня), окошка плацют, стоят, не крашена. МЕЗ.Дрг.*

При субъекте действия – одушевленном и неодушевленном предмете и в ЛЯ и в говорах, могут быть различными сами классы предметов. **Вижжать.** Издавать разнообразные звуки (соп. знач. по МАС 1:175). *Двери вижжат. Так скворци вижжат. ВИН.Зст. У нас таки ветра бьвають, прям с визгом вижжыт ветер. КОТЛ.Збл. Только вижжыт молния по нам. Раньшэ картошку варили, так скорлупку йели, только лошки вижджат. В-Т.ЧР. Середовик – это песок, сверкун – идём, дак он вичькат, вижджыт, вичь-вичь о обуфь-то, сверкат. ЛЕШ.Блц. Батько стегают своего парня, а он эдак ряфкат, а он: не вижжы! УСТЬ.Снк. Та вижжыт, ревет, так он фсю йейо уш тушкат (паук муху). КОТЛ.Фдт. Стул-от вижжыт. Крепко, наэрно, вижжала медуница. Осы, они тожо вижжат. МЕЗ.Цлг.*

Трубить. Издавать или производить звуки, напоминающие звук трубы (4:416). *Пароход-от трубит. КАРГ.Нкл. Будет трубить паро-*

в'ос. КАРГ.Ух. Ло'сь трубу'ит, быва'йет и кашля'ет. КРАСН.ВУ. Во'лки трубя там. Они' как трубят, порато, порато (волки). НЯНД.Стп. По'йес трубит, туда и дорога. КОН.Влц.

Шипеть. Издавать глухие звуки, напоминающие протяжное произношение звука “ш” (4:716). *Пошто' чайник не шыпит' долго? ВИН.Брк. У фсех лагуны шыпят. ЛЕШ.Плц. Не шыпит самовар-то. КОН.Твр. Фсё самовар не шыпит, фсё не шытит. ВЕЛЬ.Пқи. Шытун — вода уходит, шыпит (о водоворотах). Вода в'йот туды, шытит вода. КАРГ.Ош. Чё у теб'я там шытит? — Так суп, наве'рно. НЯНД.Миш. Што' это за дрова, то'лько шыпят. ОНЕЖ.Трч. А сколько таракано'ф, они шыпят. КАРГ.Ош. Комар' один залетел, шыпел, шыпел. ВИН.Брк. Холодно, вот и шытит носом (о ребенке). КАРГ.Нкл.*

Различия грамматического плана могут быть таковы: **1.** Различия в управлении. **А.** Различия в формах падежей, которыми управляет глагол. **Б.** Различия в проявлении категории переходности / непереходности. **В.** Различия в сочетаемости с инфинитивом. **2.** Различия в проявлении категории возвратности / невозвратности.

Различия в управлении отмечены у глаголов **шипеть** и **рычать**. **А.** В ЛЯ глагол **шипеть** не способен управлять формой твор.п., в говорах отмечен случай подобного управления (*Холодно, вот и шытит носом. КАРГ.Нкл.*). Глагол **рычать** не обладает способностью управлять в ЛЯ формами дат. п., род. п., вин. п.: **кому, кого-чего, кого-что**. В говорах подобное управление возможно в случае употребления глагола в собственно диалектных значениях.

Б. Различия по переходности / непереходности характеризуют глаголы **греметь, рычать** и **тявкать** (являются переходными в собственно диалектных значениях).

В. Различие в сочетаемости с инфинитивом отмечено у глагола **рычать** в значении “Приглашать, звать”. *Нацеди' ч'яшку да поста'фь, што'п охолонула, а то' фсё рычат' пить. Она рыц'яла ч'яй пить меня. КАРГ.Нкл.*

Различие, связанное с категорией возвратности / невозвратности, заключающееся в том, что значение, свойственное невозвратному глаголу ЛЯ, не имеющему возвратной соотносительной формы, может передаваться возвратной формой в говорах, зафиксировано у глагола **трещать** в значении “Издавать треск” (4:410) = **трещаться**. *По про'секе кто-то треши'ы'цце. ВЕЛЬ.Лхд.*

ЛСГ представлены комплексные различия разных видов

А. Различия в широте значения и лексической сочетаемости отмечены у глаголов **бренчать, верещать, визжать, выть, греметь, петь, рычать, трещать, тявкать, урчать**.

При более широком значении в говорах (“Издавать гремящие, щелкающие и прочие прерывистые звуки: стучать, постукивать, греметь, гудеть, дребезжать, звенеть, трещать, тарыхтеть”), чем в ЛЯ (“Издавать звуки, подобные ровному глухому звуку; тихо звенеть, звякать” 1:115), глагол **бренчать** характеризуется и более широкой сочетаемостью: производителями действия являются неодушевленные предметы, круг которых достаточно широк. *Только зубы бренчат, а зубы таки здоровенны. ПРИМ.33. Как бежали белы, только стена бренчит. Кто бренчит идет? ХОЛМ. ПМ. На поткоске только косы бренчат. МЕЗ.Дрг. Фсе на йом бренчит. КАРГ.Нкл. Дош пошол, только лисьйо бренчит. МЕЗ.Кмж. Мясо крошат, наворачивают, только шьчэки бреньчат. ЛЕШ.Юр. Только рельсы стукуют, колёса бренчат. КОТЛ.Збл. Стёкла только бреньчат. ЛЕШ.Вжг.*

При более широком значении в говорах (“Издавать разного рода пронзительные звуки – визжать, кричать, плакать с взвизгиванием, пищать”), чем в ЛЯ (“Издавать визгливые, скрипящие звуки” 1:150), глагол **верещать** характеризуется и более широкой лексической сочетаемостью: производителями действия являются не только одушевленные предметы (насекомые, птицы, животные, люди), но и неодушевленные. *Ох, он ы верещид жэ коды, зверещал ребёнок, што ж йому зделалось? УСТЬ.Снк. Только там котята верещиа под ногами. В-Т.Грк. Котята верещят. КАРГ.Лки. Курици верещят к морозу. ОНЕЖ.Тмц. Верещиа тожо (кузнечики). ПИН.Влт. К стужэ петух верещит, сыра погода. ОНЕЖ.Трч. Комар верещит. КАРГ.Нкл. Я не люблю гусей-то, пошто верещят! ВЕЛЬ.Сдр. Не верещишы, пить захотела, видно (коза). В-Т.УВ. Играть-то было любёхонько, гармонии верещиа. КРАСН.ВУ. А у меня верещиыт на зубах мука. КОН.Влц. Верещиыт каг бутто (мотоцикл). ХОЛМ.Звз. Ф каблучёк средней накладыт сыромётину да скрипит – форсисто да верещит. В-Т.Тми. Верес йесь, положи на огнице ветку, дак он верещит. ВИН.Мрж. Ворота верещиа-от на крюках. Двери-то што верещиа, надо поттесать. В-Т.Грк. Вот она там ы верещиыт – горит фсе. ВЕЛЬ.Сдр. / В сочет. с только. Только зыпка верещиаала, как я кацл. ВЕЛЬ.Сдр. Деру, только ногти верещят. КОН.Твр. Да только зубы верещиаат. ВЕЛЬ.Лхд. Лапти носиш, только лапти верещиаат. КОН.Влц. Собственно диалектные значения:*

Экспресс. Быстро и громко говорить, болтать, трещать. Я-то што? Верещиу, верещиу, да ницево не подуцйеця от меня. КОН.Твр. Шаманиха хоть верещяла. ВЕЛЬ.Сдр. Груня верещиыт. ПИН.Ср. Игряют ручьками, верещят, воркуют. КОН.Влц.

Глагол **греметь** имеет в ЛЯ значение “Издавать громкие, раскатистые звуки” (1:345, 346), в говорах его значение шире: “Издавать

различные громкие звуки: шум, гул, крик, лай, раскатистые звуки”. Круг субъектов действия также шире: *Погода-то гремит. Северо дуйот, гремит погодушка. Будильник гремел у девок, скозила. Зарас сё гремид бетончик со спиртом. ПРИМ.33. Гремит-то шолоник-от (ветер). ПИН.Шрд. Он гремит, зводень, хлѣицѣт. ПРИМ.Пил. Вот как закрываю, только окольница (рама) гремит. ВИН.Зст. Пяты опять запели, пол гремит. ХОЛМ.Члм. Или самолёт гремит какой? Гремит машина. ВЕЛЬ.Лхд. Гремит, не знаю што. КАРГ.Нкл. У Татьяны тожо таки йесь пьянушки, новой раз зачнут ругаця, греметь. ПРИМ.33. Собака-то гремит. ОНЕЖ.Хчл. Будѣ тебе греметь-то! КАРГ.Ош. Она-то на их гремит. МЕЗ.Дрг. Пойѣду боронить, плацю, гремлю. ПИН.Квр. Краковяк вокруг ходят, хоть я гремлю: не надо йолы (радиолю). МЕЗ.Лмп.*

При более широком значении в говорах (“Производить звуки, напоминающие треск, звон, стук, гул, хруст”), чем в ЛЯ (“Производить резкий, сухой и дробный шум, стук, напоминающий треск” 4:410), глагол **трещать** характеризуется и более широкой лексической сочетаемостью. Субъектами действия являются самые разнообразные классы предметов: те, которые способны указанные звуки производить (барабан, сено, трактор), и те, которые этой способностью не обладают и в качестве субъектов действия в ЛЯ никогда не выступают. *Трескало – барабан, ходили по деревне трешишали. ЛЕШ.Тгл. Смитали сухое сено – О, фтору смену работали, трактора, машина мимо трецит: фу! ХОЛМ.Члм. Прядут, только пресьница (прялка) трешишит. ШЕНК.УП. Бегут по лесу(кони), только земля трецит. ЛЕШ.Вжг. Што-то трешит самовар, трешит, хлюпат – ой, не налила. УСТЬ.Снк. Коровы побежали, только колокола трецит. ВИН.Брк. Мох-то трешишит. ПИН.Квр. О гармонь. Ныне танцы и шаркотня, а раньше за рекой гармонь трецит. КРАСН.ВУ. На гумнах только гармонь трешишит. ПЛЕС.Црк. О еде. Раньше ко мне налетит, только трешишит фсе, тарелочка брякат. МЕЗ.Длг. Ой, мы давай это мясо, только трешишит, едим. В-Т.ЧР.*

Значение глагол **петь** в говорах более широкое “Издавать различного вида звуки: звенеть, скрипеть, трещать, дребезжать, тарыхтеть, гудеть и т.д.”, чем в ЛЯ — “Издавать протяжные звуки (о различного рода предметах)” (3:117). Круг субъектов действия – неодушевленные предметы – в говорах обширен. *И дуга украиэна и колокольца, колькольцы поют. КОН.Влц. Я тут на оконьце побрызгала – они затпереть (взад-вперед) – только двери поют. Анюха пляшот, только пол поют. Босиком ходили, только пяты поют. Только ножок поют (о железную банку) ВИЛ.Пвл. Он начал рамы ломать у тѣщи, рамы-то так и поют. ВИН.Тпс. Только стена поют, фсе бьюца и бьюца.*

КРАСН.ВУ. Тут стукнул в угол, ра́за три стукнул, ико́ны-то то́лько пою́т. ПИН.Влт. Развешиваем, то́лько слёги (жерди) пою́т. КОН.Клм. А она́ горло-то дерёт, да бух – то́лько сундук пою́т. ШЕНК.УП. Моло́тят, батогы пою́т. КОТЛ.Фдт. Учю́йет, што́ дви́жок пою́т. ВЕЛЬ.Сдр. У меня́ де́фки-то фсе́ сса́ли (сосали), то́лько ро́к (ро́жок – соска) пою́т. ШЕНК.Шгв. Вот как ката́йеца, то́лько ру́ки пою́т о заборку. ОНЕЖ.Прн. Лягнё́ копы́том, литя́т калы́ги-то, лиш то́лько голова́ пою́. НЯНД.Стп.

Живые существа (петух, курица, кузнечик, перепёлка, муха, жук, комар, овод, кошка, способные кукарекать, кудахтать, трещать, щелкать, свистеть, жужжать, мурлыкать) являются субъектами действия в говорах. Семантическое пространство всех указанных глаголов покрывает глагол **петь**. *А петух и днём и ночью пою́. ПЛЕС.При. Кукарекает или пою́т. Как двена́дцать часо́ф – так он сто́йот. ВИЛ.Пвл. Ку́ра (курица) пою́т, беду́ накли́чет. ПРИМ.33. Кузне́чики пою́т – по́года хоро́шая бу́дет, по-на́шему ве́дро, дождя́, значит, не бу́дет. ВИН.Уй. То слы́хала перепёлка пою́т, ба́ют. КРАСН.ВУ. На́д голо́вой фсю́ ночь пели́ му́хи, заснуть́ не могла́. ОНЕЖ.УК. Так жу́к так пёл порато́. ОНЕЖ.Врз. Ово́т пою́т. ШЕНК.Шгв. Песни пою́т ко́шка. ВИН.Брк.*

При более широком значении “Издавать разнообразные (низкие дробные) звуки”, чем в ЛЯ (“Издавать громкие, низкого тона, угрожающие звуки” 3:747), глагол **рычать** характеризуется и более широкой лексической сочетаемостью. Субъектами действия в говорах является не только ограниченный круг животных (собака, медведь, лев, тигр), возможный в ЛЯ, но и птицы, пресноводные, сам человек, неодушевленные предметы. *Рычи́т соба́ка-то. КАРГ.Влс. Слы́шыли, ме́дведь рычи́т. В-Т.Ври. У Па́нюшки ко́ни рыча́т. Как ста́нет замерза́ть (сова́), так они́ рыча́т на о́зере фся́кими голо́сами. КАРГ.Нкл. Пету́хи пою́т, тиля́та рыча́т. Коро́вы-то рыча́т: йе́сь неце́во. УСТЬ.Стр. Коро́вушка у меня́ рыче́ха, рычи́т везь де́нь. УСТЬ.Флн. Бы́к не мы́ркаю́д нико́гда, бы́к рыци́д, бу́де (пожа́луй). УСТЬ.Снк. Не зна́ю, што́ с ко́том слу́щилось: фсе́ рыци́т он. ПРИМ.33. Ле́беди рыча́т фся́кими голо́сами. Как назва́ть ту́ птицу́, и́деш в ле́с, она́ рыци́т: тры́-тры́. КОН.Клм. Э́ко рыци́т (ворон). ВИЛ.Пвл. Поле́ница опсы́палась, а кури́ца рыци́т: «Не́бо па́ло, не́бо па́ло». Севодня́ кури́цы-то зары́цали ф се́мь, так они́ рыча́ть ре́ско бу́дут. Рыча́т они́ (лягу́шки) в боло́те. Конё́к (кузнечик) тако́й, бо́гушкоф конё́к, так и рыци́т фсе́. До́ма хо́ть молчи́т, а та́м (в я́слях) фсе́ рыци́т, фсе́ урка́йет (ребёно́к). КАРГ.Лдн. А ф клубе́ гармо́нь рычи́т. ПЛЕС.При. Она́ здоро́во грызе́ца, то́лько зу́бы рыча́т. ПРИМ.33.*

При оттенке значения 1 глагола **выть** в ЛЯ “Производить, издавать звуки, похожие на вой” (1:288), в говорах имеется значение “Производить, издавать громкие звуки”. Субъектами действия глагола **выть** в ЛЯ являются неодушевленные предметы (ветер, сирена), в говорах – одушевленные и неодушевленные. *Гуси воют, гужают. ШЕНК.ВП. Он (филин) войет не так, как ворона каркат. ВИЛ.Пвл. Воют и воют, а куда воют! (о мухах). ВИН.Слц. Вода убыла, войет. ОНЕЖ.Лмц. Ветер сильной, только волосы воют. ПИН.Пкш. Я бежу, только шышки воют. ЛЕШ.Рдм.*

У глагола **гремять** в говорах зафиксировано более широкое значение «Издавать различные громкие звуки: шум, гул, крик, и т.п.», чем в ЛЯ – «Издавать громкие, раскатистые звуки (1:345-346). Глагол при этом характеризуется свободной лексической сочетаемостью. *Или самолёт гремит какой? Будильник гремел у девок, скоцила. Северо дуйот, гремит погодушка. ПРИМ.ЗЗ. Гремит машина. ВЕЛЬ.Лхд. Вот как закрываю, только окольница (рама) гремит. ВИН.Зст. Пяты опять зафели, пол гремит. ХОЛМ.Члм. Погода-то гремит. Гремит-то шолоник-от (ветер). ПИН.Щрд. Он гремит зводень, хлѣшишт. ПРИМ.Пил. Придут с роботы – только пироги гремят. КАРГ.Лки.*

При более широком значении “Издавать громкие отрывистые звуки”, чем в ЛЯ (“Отрывисто лаять (о собаке, лисице) 4:435”), глагол **тявкать** в говорах характеризуется и более широкой лексической сочетаемостью: субъектом действия может быть не только живое существо, но и неодушевленный предмет. *Собака тяфкайт. ПРИМ.Ннк. Где она (чайка) тяфкат-то, одна другую прикликайт. КОН.Хмл. Радио фсе тяфкают. ЛЕН.Схд.*

Б. Различия в широте значения, лексической сочетаемости, категории переходности / непереходности отмечены у глагола **лаять**. При более широком значении в говорах (“Издавать разнообразные звуки”), чем в ЛЯ (“Издавать лай (о собаке, лисице и некоторых других животных) 2:166”), глагол характеризуется и более широкой лексической сочетаемостью (с. 219). Будучи непереходным в указанном значении в ЛЯ, в диалектных системах является переходным. *Куніц она ходила, белок хватала, сухарей лаяла. МЕЗ.Рч. Да, охотничья, белку лайет, птицу лайет. ХОЛМ.Кзм. Та и диць лайет, эту тетёру. ЛЕШ.Рдм. Што это у вас пѣс лайет фсех, йего на вяску надо. ЛЕШ.Смл.*

Многие глаголы звучания способны обозначить действия, для названия которых в ЛЯ имеются иные глаголы. Например, глагол **рычать** в говорах “покрывает” семантическое пространство, занимаемое в ЛЯ другими глаголами: бляеть, кудахтать, каркать, квакать, стрекотать, мяукать, реветь и под.; глагол **лаять** – гавкать, каркать, квакать, тявкать и под. При идентичном круге субъектов действия глагола **пищать** в ЛЯ

и говорах в значении «Издавать писк» отмечаем способность глагола в диалектных системах передавать значения чирикать, стрекотать, жужжать, скулить, мяукать.

в говорах

воробей пищит
кузнечик пищит
пчела пищит
собачата пищат
кошка пищит
телята пищат

в ЛЯ

чирикает
стрекочет
жужжит
скулят
мяучит
мычат

Субъектами действия глагола могут быть неодоушевленные предметы, способные производить пискливые звуки. Круг их в говорах шире, чем в ЛЯ: двери, телефон, самолет, каменца (печь), опара. *Двери пищят изо фсей силы и не закрываюцца. ПЛЕС.При. Даже и не пишиыт (о телефоне). ПИН.Трф. Пищит где-то самолёт. МЕЗ.Мсв. Большэ каменца не пищит. МЕЗ.Длг. Она́ (опара) не пицала там. МЕЗ.Дрг.* Глагол в говорах «покрывает» большее семантическое пространство, чем слово ЛЯ: скрипеть, звонить, гудеть, шипеть, пыхтеть.

Таким образом, глаголы звучания, функционирующие в ЛЯ и в архангельских говорах, не являются идентичными лексемами, имея различия как семантического, так и грамматического планов. В ЛСГ «Глаголы звучания» широко представлены комплексные различия.

Список районов и населённых пунктов Архангельской области и их сокращения.

В-Т	ВЕРХНЕ-ТОЕМСКИЙ	ВИН	ВИНОГРАДОВСКИЙ
<i>Ври</i>	<i>Вершина</i>	<i>Брк</i>	<i>Борок</i>
<i>Грк</i>	<i>Горка</i>	<i>Зст</i>	<i>Заостровье</i>
<i>Сфт</i>	<i>Сефтра</i>	<i>Мрж</i>	<i>Моржегорское</i>
<i>Тми</i>	<i>Тимошино</i>	<i>Слц</i>	<i>Сельцо</i>
<i>УВ</i>	<i>Усть-Вья</i>	<i>Тпс</i>	<i>Топса</i>
<i>ЧР</i>	<i>Чёрный Ручей</i>	<i>Уй</i>	<i>Уйта</i>
ВЕЛЬ	ВЕЛЬСКИЙ	КАРГ	КАРГОПОЛЬСКИЙ
<i>Длм</i>	<i>Долматово</i>	<i>Влс</i>	<i>Волосово</i>
<i>Лхд</i>	<i>Лиходеево</i>	<i>Лки</i>	<i>Лёкимозеро</i>
<i>Пки</i>	<i>Пакшеньга</i>	<i>Лдн</i>	<i>Лядина</i>
<i>Пжм</i>	<i>Пежм</i>	<i>Нкл</i>	<i>Нокола</i>
<i>Сдр</i>	<i>Судрома</i>	<i>Оз</i>	<i>Озёрко</i>
ВИЛ	ВИЛЕГОДСКИЙ	<i>Ош</i>	<i>Ошевенское</i>
<i>Пвл</i>	<i>Павловское</i>	<i>Ух</i>	<i>Ухта</i>
<i>Трп</i>	<i>Тырпасовская</i>	КОН	КОНОШСКИЙ
		<i>Влц</i>	<i>Вельци</i>

<i>Клм</i>	<i>Климовская</i>	<i>Прн</i>	<i>Пурнема</i>
<i>Твр</i>	<i>Тавреньга</i>	<i>Тмц</i>	<i>Тамица</i>
<i>Хмл</i>	<i>Хмельники</i>	<i>Трч</i>	<i>Турчасово</i>
КОТЛ	КОТЛАССКИЙ	<i>УК</i>	<i>Усть-Кожя</i>
<i>Збл</i>	<i>Заболотье</i>	<i>Хчл</i>	<i>Хачела</i>
<i>Фдт</i>	<i>Федотовская</i>	ПИН	ПИНЕЖСКИЙ
КРАСН	КРАСНОБОРСКИЙ	<i>Влд</i>	<i>Валдокурье</i>
<i>ВУ</i>	<i>Верхняя Уфтюга</i>	<i>Влт</i>	<i>Вальтео</i>
<i>Тлг</i>	<i>Телегово</i>	<i>Врк</i>	<i>Веркол</i>
ЛЕН	ЛЕНСКИЙ	<i>Квр</i>	<i>Кеврола</i>
<i>Схд</i>	<i>Суходл</i>	<i>Нхч</i>	<i>Нюхча</i>
ЛЕШ	ЛЕШУКОНСКИЙ	<i>Пки</i>	<i>Покшеньга</i>
<i>Блц</i>	<i>Белощелье</i>	<i>Ср</i>	<i>Сура</i>
<i>Вжг</i>	<i>Вожгора</i>	<i>Трф</i>	<i>Труфаново</i>
<i>Клч</i>	<i>Кельчемгора</i>	<i>Шрд</i>	<i>Шардонемь</i>
<i>Кнс</i>	<i>Койнас</i>	ПЛЕС	ПЛЕСЕЦКИЙ
<i>Лбс</i>	<i>Лебское</i>	<i>Кнв</i>	<i>Конёво</i>
<i>Ол</i>	<i>Олема</i>	<i>Прш</i>	<i>Першлахта</i>
<i>Плц</i>	<i>Палащелье</i>	<i>Црк</i>	<i>Церковное</i>
<i>Рдм</i>	<i>Родома</i>	ПРИМ	ПРИМОРСКИЙ
<i>Смл</i>	<i>Смоленец</i>	<i>ЗЗ</i>	<i>Зимняя Золотица</i>
<i>Тгл</i>	<i>Тиглява</i>	<i>Ннк</i>	<i>Нёнокса</i>
<i>УК</i>	<i>Усть-Кыма</i>	<i>Пшл</i>	<i>Пушлахта</i>
<i>Юр</i>	<i>Юрома</i>	УСТЬ	УСТЬЯНСКИЙ
МЕЗ	МЕЗЕНСКИЙ	<i>Снк</i>	<i>Синики</i>
<i>Длг</i>	<i>Долгощелье</i>	<i>Стр</i>	<i>Строевская</i>
<i>Дрг</i>	<i>Дорогорское</i>	<i>Флн</i>	<i>Филинская</i>
<i>Кмж</i>	<i>Кимжа</i>	ХОЛМ	ХОЛМОГОРСКИЙ
<i>Лмп</i>	<i>Лампожня</i>	<i>Звз</i>	<i>Звоз</i>
<i>Мсв</i>	<i>Мосеево</i>	<i>Кзм</i>	<i>Кузомень</i>
<i>Сн</i>	<i>Сояна</i>	<i>ПМ</i>	<i>Плёсо-Мякурье</i>
<i>Цлг</i>	<i>Целегора</i>	<i>Ркл</i>	<i>Ракула</i>
НЯНД	НЯНДОМСКИЙ	<i>Члм</i>	<i>Чёлмохта</i>
<i>Ми</i>	<i>Моша</i>	ШЕНК	ШЕНКУРСКИЙ
<i>Стп</i>	<i>Ступино</i>	<i>ВП</i>	<i>Верхопаденьга</i>
ОНЕЖ	ОНЕЖСКИЙ	<i>УП</i>	<i>Усть-Паденьга</i>
<i>Врз</i>	<i>Ворзгоры</i>	<i>Шгв</i>	<i>Шеговары</i>
<i>Лмц</i>	<i>Лямца</i>		

Актуализационная парадигма сложных предложений, выражающих причинно-следственные отношения

© *Е. Н. Виноградова, 2001*

Актуализационная парадигма (АП), являясь частью коммуникативной парадигмы, представляет собой «ряд предложений одинаковой синтаксической структуры, различающихся в плане реализации отношений предцирования, т. е. порядком слов и интонацией» [Всеволодова, Дементьева 1997, 58]. Представляется, что для сложного предложения¹ (СП) это определение можно было бы переформулировать следующим образом: ряд предложений одинаковой синтаксической структуры, которая понимается очень широко – как СП вообще, различающихся в плане реализации отношений предцирования, т. е. порядком следования частей СП и интонацией. Отметим, что 2 класса коммуникативной парадигмы (трансформационная² и АП) суть явления разного рода [Всеволодова 2000]. Так, в состав АП попадают предложения, не способные взаимозаменяться в одном и том же тексте, члены трансформационной парадигмы в меньшей степени отличаются друг от друга, в этом случае налицо скорее семантическое различие, а не структурное, как в АП. Ср. с мнением [Золотова, Ониненко, Сидорова 1998, 380]: «Совокупность возможных видоизменений предложений одного состава, но с перемещенным порядком компонентов в литературе иногда называют коммуникативной или актуальной парадигмой предложения. Однако вопрос о потенциях актуального членения той или иной семантико-синтаксической структуры не может решаться механическим путем экспериментирования с отдельно взятым предложением. В составе такой "парадигмы" окажутся предложения, не способные войти в один и тот же текст. Актуальное членение (АЧ) – произведение семантико-синтаксической структуры предложения и текста». Поэтому при рассмотрении АП необходимо четко представлять, в каком тексте может встретиться тот или иной член актуализационной парадигмы; понимать, какие коммуникативные задачи он решает³; и, наоборот,

---

¹ Мы имеем в виду сложноподчиненные предложения (СПП) расчлененной структуры. Для СПП нерасчлененной структуры, такое определение должно быть несколько другим в связи с невозможностью перестановки частей СП.

² См., например, [Савосина 2000, 66-74], [Виноградова 2001, 88-93].

³ Под решением коммуникативной задачи обычно понимают «реализацию коммуникативного намерения говорящего, под которым понимается практическое действие

уметь (и обучать) строить предложения и тексты в соответствии со стоящими коммуникативными задачами. В данной статье мы постараемся сформулировать коммуникативное задание⁴ для каждой из модификаций в АП.

Итак, темо-рематическая организация предложения является фактором объективным, она определяется дискурсом. При рассмотрении текстов, которые наиболее релевантны при обучении русскому языку инофонов, т. е. с развитием от темы к реме и от данного к новому⁵, тематический компонент в большинстве случаев будет данным, т. е. о нем будет идти речь ранее, а рематический компонент будет новым. Пропозиция причинной или следственной части определяется исключительно контекстом. С учетом такого понимания организации текста, представляется возможным рассматривать АП как набор отдельных предложений.

Для АП чрезвычайно важен еще один параметр, связанный с эксплицированностью / неэксплицированностью логической пропозиции. Действительно, рассматриваемая нами парадигма является парадигмой сложной, полипропозитивной, но, тем не менее, единой смысловой ситуации, состоящей из двух событийных пропозиций и одной логической, устанавливающей отношения обусловленности. Так, в предложении *Так как визиты первых и даже двадцатых лиц случаются относительно редко, то уважительным поводом для приема могут служить национальные праздники* (Сулопаров); событийными пропозициями являются следующие: (1) *визиты первых и даже двадцатых лиц случаются относительно редко*; (2) *уважительным поводом для приема могут служить национальные праздники*. Логическая пропозиция устанавливает отношения каузации между событийными пропозициями. Эксплицированность / неэксплицированность логической пропозиции является одним из параметров, по которому отличаются члены АП. Логическая пропозиция не всегда эксплицируется, и тогда ситуации рассматриваются как равноправные. Слушающий сам устанавливает отношения между ними. Выраженность же логической пропозиции связана с понижением статуса маркированной пропозиции, так как она становится придаточным предложением. Таким образом, маркированная ситуация «расплачивается» за свою смысловую оформленность синтаксической независимостью. Перейдем к рассмотрению собственно АП СП, выражающего причинно-следственные отношения (ПСО).

посредством языка, в результате чего и возникает речевое произведение» [Савосина 1998, 142].

⁴ Коммуникативное задание может быть сформулировано как собственно задача или в виде латентного вопроса.

⁵ См. [Бухарин 1986], [Крылова 1992].

1. АП при порядке: следствие в теме, причина в реме. Схематически этот порядок может быть представлен так: C2⁶ (Т) — C1 (Р).

1.1. Если автор не эксплицирует логическую пропозицию, то он может воспользоваться средствами бессоюзного предложения:

Многие сегодня опоздали на работу² // на улицах были зады¹.

Коммуникативное задание здесь можно связать с нежеланием выражать отношения, связывающие событийные пропозиции. Говорящий предоставляет слушающему возможность самостоятельно установить отношения между ситуациями на основе жизненного опыта. Важно, что ситуации представлены как «равноправные», т. е. обе имеют одинаковый статус частей бессоюзного предложения, из которых ни одна не является главной.

1.2. Логическая пропозиция эксплицирована.

1.2.1. нейтральная структура: *Многие сегодня опоздали на работу³, из-за того что на улицах были зады¹.*

Следственный компонент в теме является данным, а причинный компонент в реме новым⁷, именно ради него совершается высказывание. Другими словами, в тексте, где можно встретить данное предложение речь уже шла о следственном событии, в то время как информация о причине C2 является новой. Предложение отвечает на латентный вопрос: *Почему произошло C2?*

В данном случае эксплицированы все пропозиции данной смысловой ситуации, т. е. такое предложение можно считать изоморфным, следовательно, с предложений такого типа предпочтительнее начинать обучение иностранных учащихся.

1.2.2. Возможность большей части причинных союзов выступать в расчлененном виде определяет целый ряд возможностей актуализации.

1.2.2.1. Актуализация причинного компонента: *Многие сегодня опоздали на работу из-за того³, // что на улицах были зады¹.*

При употреблении расчлененного союза в контактном варианте отпредложная часть причинного союза перемещается в первое (следственное) предложение и попадает в фокус темы, принимая на себя входящее фразовое ударение, дополнительно актуализируя тем самым причинный компонент в реме.

Коммуникативное задание здесь можно сформулировать следующим образом: подчеркните, выделите причинный компонент. Отметим, что при этом системно употребление модифицирующих частиц.

---

⁶ Вслед за [Шувалова 1990] мы называем порождающую (в нашем случае причинную) ситуацию C1, а порождаемую (следственную) – C2.

⁷ Отметим, что это не единственное понимание АЧ СП. Например, в [СРЯ 2001, 813-815] актуальное членение СПП рассматривается как многоуровневая, многоярусная структура.

1.2.2.2. актуализация следственного компонента: *Из-за тогд^б многие се-годня опоздали на работу // что на улицах были заносы. Многие сегодня из-за тогд^б опоздали на работу, // что на улицах были сильные заносы.*

Находящаяся в теме отпредложная часть расчлененного причинного союза выносится в начало (собственно инициальная позиция является самой сильной) или в середину следственного предложения. Здесь дополнительно усиливается фокус темы, каковым здесь и является предложный компонент. Таким образом, средствами причинного союза интонационно сильнее актуализируется следственный компонент⁸.

Коммуникативное задание: подчеркните следственный компонент. Отметим, что это единственный способ усилить следственный компонент. Это оказывается возможным лишь при нахождении его в теме и средствами расчлененного причинного союза.

Примечание. При такой коммуникативной структуре возможен еще один способ, где происходит расчленение именной причинной группы, вероятно, данное предложение трудно назвать сложным в полном смысле этого слова. Однако, что касается его коммуникативной структуры, то она похожа на переходный вариант между простым и сложным предложением. Здесь актуализируется причинный компонент.

Из-за чего многие сегодня опоздали на работу, так это сильные заносы на улицах.

Таким образом, АП СП, выражающего ПСО, при расположении компонентов С2 (Т) — С1 (Р), состоит из четырех членов:

1. немаркированная логическая пропозиция – бессоюзное предложение: *Многие сегодня опоздали на работу // на улицах были заносы;*

2. маркированная логическая пропозиция – нейтральный вариант – СПП с придаточным причины с нерасчлененным причинным союзом: *Многие сегодня опоздали на работу, из-за того что на улицах были заносы;*

3. маркированная логическая пропозиция – актуализированный причинный компонент – СПП с придаточным причины с расчлененным причинным союзом в контактном расположении: *Многие сегодня опоздали на работу из-за тогд^б, // что на улицах были заносы;*

4. маркированная логическая пропозиция – актуализированный следственный компонент – СПП с придаточным причины с расчлененным причинным союзом в дистантном расположении: *Из-за тогд^б многие сегодня опоздали на работу // что на улицах были заносы.*

2. АП при порядке: причина в теме, следствие в реме. Схематически этот порядок может быть представлен так: С1 (Т) – С2 (Р). Латентный вопрос в такого вида высказываниях: *Что произошло вследствие, в результате С1?*

2.1. Логическая пропозиция не маркирована.

---

⁸ Ср. с мнением авторов [Русский язык 2000, 47], которые считают, что в таких случаях усиливается значение причины.

На улицах были заносы³ // многие сегодня опоздали на работу¹.

Коммуникативное задание: не выражайте ни причинных, ни следственных отношений между ситуациями.

2.2. Логическая пропозиция маркирована – нейтральные варианты.

2.2.1. Маркировано следствие:

2.2.1.1. неспециализированным средством:

На улицах были заносы, и многие сегодня опоздали на работу.

Следствие маркировано сочинительным союзом **и**. Коммуникативное задание: представьте последовательность событий. Отметим, что при обратной структуре употребление сложносочиненного предложения невозможно.

2.2.1.2. специализированным средством.

Следственный компонент может маркироваться следственными **что** и **это**-союзами. Коммуникативное задание: выразите отношения следствия.

На улицах были заносы³, из-за чего/из-за этого³ многие сегодня опоздали на работу¹.

2.2.2. маркирована причина.

Коммуникативное задание: маркируйте причинный компонент. Отметим, что здесь существуют некоторые ограничения на употребление союзов.

Так как¹ на улицах были заносы³, многие сегодня опоздали на работу¹.

2.3. Актуализация компонентов.

Из-за того³, / что³ улицах были заносы³, // многие сегодня опоздали на работу¹.

В данном случае создается комплексная или двойная тема, и актуализируется причинный компонент в теме. Коммуникативное задание: подчеркните, усильте причинный компонент.

Таким образом, АП СП, выражающего ПСО, при порядке С1 (Т) – С2 (Р) состоит из пяти членов:

1. немаркированные отношения – бессоюзное предложение: *На улицах были заносы³ // многие сегодня опоздали на работу¹;*

2. следствие, маркированное неспециализированным союзом, – сложносочиненное предложение: *На улицах были заносы³, и многие сегодня опоздали на работу¹;*

3. следствие, маркированное специализированным союзом, – сложноподчиненное предложение с придаточным следствия: *На улицах были заносы³, поэтому³ многие сегодня опоздали на работу¹;*

4. маркированная причина: *Из-за того что³(=так как) на улицах были заносы³, многие сегодня опоздали на работу¹;*

5. актуализированный причинный компонент в теме – СПП с расчлененным причинным союзом: *Из-за того, / что* улицах были заносы, // многие сегодня опоздали на работу.

3. Парентеза.

У автора есть также возможность вывести отношения предцирования на уровень квазипростого предложения, в котором АЧ будет совпадать с АЧ простого предложения. Это обеспечивается возможностью парентетической вставки. Латентный вопрос: *Что произошло?* Соответственно, данной информацией будет та, которая содержится до вставки, а новой – после вставки. Таким образом, представляется, что вставка находится на границе синтагматического членения.

3.1. Парентеза причинной части. *Многие сегодня, потому что на улицах были заносы, опоздали на работу.*

Причинная часть в предложениях такого типа произносится с ударной интонацией, эта информация не важна в данном высказывании. Коммуникативное задание: ситуация причины Вам не важна, основное внимание на предложение-следствие, Вы лишь упоминаете о причине.

Чаще всего предложение-вставка находится внутри главного предложения и может оформляться как запятыми, так и скобками, возможна также позиция после главного предложения: *Многие сегодня опоздали на работу (потому что на улицах были заносы)*. Отметим лишь, что в отличие от парентезы следственной части, причинная часть часто может уходить в парентезу и без союза, т. е. при невыраженных смысловых отношениях.

Многие сегодня, (на улицах были заносы), опоздали на работу.

3.2. Парентеза следственной части.

Аналогичным образом возможно выйти на отношения предцирования простого предложения и при парентезе следственного предложения.

На улицах сегодня, поэтому многие опоздали на работу, были заносы.

Коммуникативное задание: ситуация следствия Вам не важна, основное внимание на предложение-причину, Вы лишь упоминаете о следствии.

4. Парцелляция⁹.

В настоящее время среди лингвистов нет согласия относительно того, что представляет собой парцелляция сложносочиненных и бессоюзных предложений¹⁰. Думается, что на данном этапе достаточно слож-

⁹ Часто парцелляцию называют рематической сегментацией по аналогии с тематической сегментацией – именной темой [Бао Хун 2000, 200-201].

¹⁰ См., например: [Ванников 1979, 261-262] считает сегментированной конструкцией любое сочетание предложений в тексте, где последующий элемент начинается союзом, а

но четко ответить на вопрос, что представляют собой такие структуры – соединение самостоятельных предложений или парцелляцию. Мы не будем братья за решение данного вопроса в связи с тем, что для нас не оказывается принципиально важным разграничение этих двух структур. Видится, что они выполняют одну и ту же функцию – предоставление двух рематических позиций, а именно: и С1, и С2 в таком случае оказываются в реме. Таким образом, термин парцелляция используется нами во многом условно.

4.1. Следствие. Причина.

4.1.1. Как и в других случаях, смысловые отношения, связывающие эти ситуации, могут быть выражены и не выражены. *Многие сегодня опоздали на работу. Потому что на улицах были заносы.*

Отметим, что при парцелляции нерасчлененный союз **потому что** свободно выступает в парцеллированной части. Это часто вызывает вопросы учащих при такой формулировке правила, как **«потому что не может стоять в начале предложения»**, в то время как в учебных текстах такое встречается довольно часто, см. в [Попова, Юрков 1999, 199]: *... я люблю валяться с книжкой в пустой квартире – для меня это идеальный способ расслабиться. Потому что с этой работой я не могу быть один.* Представляется, что удобнее объяснять такие употребления как системные через формулировку коммуникативного задания, реализуемого автором.

Представляется, что коммуникативным заданием здесь может быть такое: представьте ситуации как новые, выразите отношения, связывающие две ситуации.

4.1.2. Смысловые отношения не выражены¹¹: *Многие сегодня опоздали на работу. На улицах были заносы.*

[Фигуровский 1961, 18] рассматривает их как сочетание самостоятельных предложений. [Бородаченко 1973, 14-25], [Котюрова 1977, 140-160] считают, что в данном случае союзы употребляются в особой функции – как показатели смысловых отношений между отдельными самостоятельными предложениями текста. Выдвигается также ряд параметров разграничения парцелляции и самостоятельных предложений. [Рогова 1975, 15-20] предлагает относить к рематическим сегментированным конструкциям только контактно расположенные и семантически одноплановые предикативные единицы; [Рыбакова 1978, 88-93] не считает парцеллированными сложными предложениями такие построения, в которых союз выражает определенные смысловые отношения некоторого предложения не к одному, а к целой группе предшествующих предложений. [Сковородников 1981, 126-127] предлагает разграничение «на основе вероятностно-статистического исследования»; [Федосюк 1994, 88] относит к рематическим сегментированным конструкциям лишь те союзные сочетания предложений, «вторые компоненты которых обладают экспрессивной и/или разговорной окрашенностью и в силу этого, в частности, оказываются нетипичными для письменной научной или деловой речи».

¹¹ Человек может сам соединять данные предложения на основе накопленного опыта. «... важной чертой, общей для большинства случаев использования языка, является применение к тексту или к отдельному высказыванию предварительно накопленных

4.2. Причина. Следствие.

4.2.1. При обратном порядке коммуникативные задачи останутся теми же. Повторим, что порядок следования частей здесь определяется исключительно текстом. В одном тексте он будет причина-следствие, в другом следствие — причина. Это обуславливается развитием информации в тексте. При порядке «Причина. Следствие» возможны следующие варианты:

На улицах были заносы. Так что многие сегодня опоздали на работу.

Отношения эксплицированы. Отметим, что невозможно парцеллировать следственную часть, если логическая пропозиция выражена в причинной части. Это своего рода запрет на парцелляцию Ср.: **Так как на улицах были заносы. Многие сегодня опоздали на работу.*

4.2.2. При задании эксплицировать лишь последовательность событий можно использовать такую структуру:

На улицах были заносы. И многие сегодня опоздали на работу.

4.2.3. При отказе от выражения смысловых отношений можно использовать следующий вариант.

На улицах были заносы. Многие сегодня опоздали на работу.

Напомним еще раз о специфичности актуализационной парадигмы – о том, что члены ее не могут заменять друг друга в одном тексте, в связи с чем, она не может изучаться изолированно, вне текста. Тем не менее, представляется, что методика нуждается в специализированных лингводидактических описаниях этого явления, которые позволили бы переосмыслить принципы обучения СП инофонов.

Л и т е р а т у р а

1. *Бао Хун.* Сложноподчиненное предложение в тексте // Сложное предложение: традиционные вопросы теории и описания и новые аспекты его изучения. Материалы научной конференции. Выпуск 1. М., 2000.
2. *Бородаченко О. А.* Межфразовые связи в различных стилях письменного языка // Математическая лингвистика. Вып.1. Киев: Изд-во Киевского университета, 1973.
3. *Бухарин В. И.* Коммуникативный синтаксис в преподавании русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1986.
4. *Ванников Ю. В.* Синтаксис речи и синтаксические особенности русской речи М.: РЯ, 1979.

знаний для выведения умозаключений» [Чарняк 1983, 173]. В когнитивной лингвистике для обозначения этого явления используется термин «инференция» – получение выводных данных в процессе обработки информации и/или языка и само выводное знание, умозаключение [Кубрякова, Демьянков, Панкрац, Лузина 1996, 33-35]. Другими словами инференция – механизм восстановления скрытой информации [Петрова 1988, 123]. Человек на основании непосредственно наблюдаемого может благодаря языку делать выводы о том, что непосредственно не наблюдает [Лурия 1981].

5. *Виноградова Е. Н.* К вопросу о трансформационной парадигме сложного предложения (на материале предложений, выражающих ПСО) // *Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Под ред. В. В. Красных, А. И. Изотов.* М.: МАКС Пресс, 2001. Вып.19.
6. *Всеволодова М. В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: Учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000.
7. *Всеволодова М. В., Дементьева О. Ю.* Проблемы синтаксической парадигматики: коммуникативная парадигма предложений (на материале двусоставных глагольных предложений, включающих имя локума). М.: Крон-пресс, 1997.
8. *Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
9. *Котюрова М. П.* О понятии связности и средствах ее выражения в русской научной речи // *Язык и стиль научной литературы. Теоретические и прикладные проблемы.* М., 1977.
10. *Крылова О. А.* Коммуникативный синтаксис русского языка. М.: Изд-во РУДН, 1992.
11. *Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г.* Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
12. *Лурия А. Р.* Язык и сознание. — М., 1981.
13. *Петрова С. Н.* Когнитивная парадигма и семантика понимания // *Мышление, когнитивные науки, искусственный интеллект.* М., 1988.
14. *Попова Т. И., Юрков Е. Е.* Поговорим? Пособие по разг. практике. СПб: Златоуст, 1999.
15. *Рогова К. А.* Синтаксические особенности публицистической речи — Л.: Изд-во ЛГУ, 1975.
16. *Русский язык. Синтаксис сложноподчиненного предложения / М. Н. Аникина, Н. В. Кутукова, Л. Н. Ольхова и др. / Под ред. Аникиной М. Н.* М.: Русский язык, 2000.
17. *Рыбакова Г. Н.* Роль семантического критерия при появлении речевых вариантов сложного предложения (парцелированный – однофразовый) и их квалификации как единиц текста // *Проблемы грамматической семантики.* Ростов-на-Дону, 1978.
18. *Савосина Л. М.* Актуализационная парадигма предложения. Типы коммуникативных задач и средства их решения (на материале биноминативных предложений, выражающих отношения характеристики) // *Вопросы языкознания.* 1998, № 3.
19. *Савосина Л. М.* Трансформационная парадигма предложений и ее соотносительность с актуализационной парадигмой // *Вопросы языкознания.* 2000, № 1.
20. *Сковородников А. П.* Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка: Опыт семантического описания. Томск, 1981.
21. *Современный русский язык. Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис // Под ред. Л. А. Новикова.* СПб: Лань, 2001.
22. *Федосюк М. Ю.* Функционирование в устной речи структурных схем сложноподчиненного предложения // *Современная устная научная речь: синтаксические особенности / Под ред. О. А. Лаптевой, т.2.* М.: НТЦ «Консерватория», 1994.
23. *Фигуровский И. А.* Синтаксис целого текста и ученические письменные работы. М.: Учпедгиз, 1961.
24. *Чарняк Ю.* Умозаключения и знания // *Новое в зарубежной лингвистике.* Вып. XII. М., 1983.
25. *Шувалова С. А.* Смысловые отношения в сложном предложении и способы их выражения. М.: Изд-во Моск. Унив., 1990.

О синтаксических стилистических приемах

© кандидат филологических наук Н. В. Митева, 2001

В современной лингвистике проблемы синтаксиса приобрели значительную актуальность с точки зрения их экспрессивных возможностей. Эта тенденция связана с рядом объективных причин, среди которых можно выделить такие, как интенсивное изучение структуры текста, языковой личности как субъекта речевой деятельности, взаимоотношения адресанта и адресата и другие.

В текстах, обладающих высокой степенью воздейственности, практически все элементы языка могут приобретать стилистическую маркированность, то есть реализовать заложенную в них возможность нести дополнительную информацию как когнитивного, так и эмоционального плана. Отмечается, что в этом отношении не является исключением и синтаксическая структура предложения, где участие ССП реализует целый ряд важных прагматических функций, ССП, «актуализированные благодаря определенному выбору, тоже могут служить средством, помощью которого писатель передает свое видение мира, и, возможно, даже наиболее эффективным средством» (Халлидей, 1978).

ССП, являясь одним из видов стилистических приемов (далее СП), сочетает в себе основные характерные для любого СП признаки и в то же время обладает своей собственной спецификой.

В стилистике понятие стилистического приема трактуется как сознательная и намеренная интенсификация характерного структурного и/или семантического свойства языковой единицы (нейтральной или маркированной), которое приобретает обобщенный характер и преобразуется в порождающую модель (Galperin, 1971). Стилистические приемы функционируют в тексте в качестве маркированных языковых единиц. Они всегда несут в себе дополнительную информацию эмотивного или логического плана. Большинство СП реализуют два значения:

- 1) значение, зафиксированное за данной языковой единицей в языке как в системе;
- 2) новое значение, которое возникает в контексте функционирования данной единицы.

Относительно природы СП считается, что СП образуется в контексте благодаря возникающим между стилистически маркированными и немаркированными единицами синтагматическим отношениями (Мо-

роховский, 1984). Таким образом, в основе СП лежат синтагматические отношения, также характерные для ССП.

Дифференцируемые на основе синтагматических отношений, ССП представляют собой разнопорядковые величины. Так, например, отношения тождественности лежат в основе параллельных синтаксических конструкций и синонимических повторов, отношения полной, в том числе лексической, идентичности одного или нескольких начальных элементов смежных единиц типичны для анафоры, стилистические приемы градация и антиклимакс базируются на отношениях неравенства, антитеза – на контрасте (Скребнев, 2000).

В соответствии с другой точкой зрения, под стилистическим синтаксическим приемом понимаются: 1) способы комбинации моделей предложения в пределах сверхфразового единства, абзаца, текста; 2) транспозиция модели предложения в определенном контексте (Мороховский, 1984). На этом основании ССП подразделяются на группы: 1) основанные на формальных и смысловых взаимодействиях нескольких синтаксических конструкций или моделей предложения; 2) основанные на транспозиции значения синтаксической структуры или моделей предложения; 3) основанные на транспозиции значения способов связи между компонентами предложений или предложениями (Мороховский, 1984).

ССП также рассматриваются как составная часть стилистических стратегий понимания.

Под стилистическими стратегиями понимаются разнообразные стилистические приемы и средства создания образности, которые прежде всего способствуют повышению эффективности дискурса и процесса коммуникации. Стилистические стратегии дают возможность коммуниканту производить выбор между альтернативными способами выражения примерно одного и того же содержания с учетом типа текста и контекстуальной информации. Для адекватного понимания текстовой информации важно стратегическое использование стилистических маркеров. Активная роль стилистических стратегий в процессе понимания вытекает из того, что от характера кодирования в значительной степени зависит, насколько хорошо запомнится то или иное событие.

При этом следует обратить внимание на тот факт, что сами по себе стилистические стратегии не ведут к поступлению семантического представления, но облегчают и ускоряют этот процесс. Так, стилистические стратегии могут привлекать внимание адресата к важным понятиям, к наиболее релевантным с точки зрения автора фрагментам текста; они могут выступать в качестве стимулов локальной и глобальной связ-

ности, придавать текстовой информации структурную организованность. Чтобы сделать текстовую информацию понятной и доступной для адресата, коммуникант должен из широкого арсенала средств выражения естественного языка выбрать наиболее эффективные и релевантные стимулы, которые потребуют наименьших когнитивных усилий для обработки текста и дальнейшего усвоения фактического материала адресатом. ССП, являясь составной частью стилистических стратегий понимания, играют в этом процессе немаловажную роль.

Можно утверждать, что ССП в рамках текста обладают определенной информативной способностью: участвовать в обеспечении прогрессии текстовой информации, фокусировать внимание на наиболее важных фрагментах информации, ограничивать основную информацию от второстепенной (фоновой), ускорять или замедлять потоки информации, акцентировать логическое развертывание авторской аргументации, повышать информативность текста, оказывая определенное воздействие на адресанта.

Л и т е р а т у р а

1. Халлидей М. А. Место функциональной перспективы предложения в системе лингвистического описания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. М., 1978.
2. Galperin I. R. Stylistics. М., 1971.
3. Морховский А.Н., Воробьева О.П., Лихошерст Н.И., Тимошенко З.В. Стилистика английского языка. Киев, 1984.
4. Скребнев Ю.М. Основы стилистики английского языка. М., 2000.

Парентеза как часть когнитивного изучения языка

© Ж. В. Рассошенко, 2001

Одним из интереснейших событий в науке прошлого столетия явилось возникновение и последующее развитие когнитологии или когнитивной науки. Эта наука объединила в себе все те науки, которые тем или иным образом связаны с изучением и работой одного из самых сложных механизмов человеческого организма – его мозга. И, так как, этими проблемами занимались многие науки, то когнитивная наука сразу же приобрела междисциплинарный характер. Среди наук, занимающихся сходными проблемами, оказались психология, философия, математика, лингвистика и др.

Само слово «когнитивный» подразумевает ментальные процессы, происходящие в мозгу человека и, как следствие, способность познавать себя и окружающий мир посредством языка.

Когнитивная лингвистика в узком смысле – это набор четко очерченных семантических концепций, обычно связанных с именами конкретных ученых (в первую очередь Д.Лакоффа и Р.Лангакера).

Краткий словарь когнитивных терминов под общей редакцией Е.С. Кубряковой [4] определяет когнитивную лингвистику как «лингвистическое направление, в центре внимания которого находится язык, как общий когнитивный механизм, как когнитивный инструмент – система знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и в трансформировании информации.»

Люди говорят и слушают, пишут и читают. Таким образом существует две формы человеческой речи – устная и письменная. Задачей «когнитивной лингвистики является описание и объяснение внутренней когнитивной структуры и динамики говорящего- слушающего. Говорящий – слушающий рассматривается как система переработки информации, состоящая из конечного числа компонентов и соотносящая языковую информацию на различных уровнях.» [4].

Язык, являясь неотъемлемой частью познания, отражает взаимодействие между психологическими, коммуникативными и функциональными факторами.» [6].

«Как плод человеческого ума, язык и его структура до известной степени показывают, как работает ум» [3].

Люди, понимающие реальные или речевые события могут их осмысленно представить только если они имеют хотя бы общие знания о таких событиях. Кроме этих знаний, у слушателя может быть и другая когнитивная информация: свои собственные мнения или убеждения по

отношению к этим событиям, мотивации, интенции, цели или задачи, непосредственно связанные с обработкой соответствующей информации.

Понимание – это не только восприятие и последующая обработка данных, но и использование внутренней когнитивной информации.

Семантическая связность, обеспечивающая целостность текста или «когерентность» (coherence) вместе с понятием «когезии» образует текст. Связный текст или дискурс, являясь понятием более широким чем текст, – это и процесс языковой деятельности, и ее результат, т.е. сам текст.

В практических целях исследователи обычно разграничивают эти два понятия. « Указанное разграничение понятий связано с тем, что любое речевое произведение, как известно, может изучаться как результат, продукт и как процесс речевой деятельности. Предлагается употреблять понятие «текст», когда анализ речевого произведения проводится после его создания, т.е. как продукта. Соответственно, понятие «дискурс» предлагается употреблять для анализа речевого произведения как процесса в динамике его создания» [5] .

Анализ дискурса представляет собой междисциплинарный подход к анализу речевой деятельности.

Исследование в области текста направлены, в частности, и на изучение его структуры как целостной коммуникативной единицы, на поиски формальных показателей, осуществляющих целостность и связанность текста (структурную и смысловую).

Изучение взаимосвязи и взаимодействия синтаксического построения предложения и синтаксиса сверхфразового единства является одной из важнейших проблем в исследовании текста – сверхфразового единства.

Предложение, являясь линейной структурой, характеризуется определенными закономерностями организации семантических и коммуникативных отношений. Будучи структурной частью целого, предложение обнаруживает разного рода слова, конструкции, свидетельствующие о его связи с предшествующим сообщением (либо в рамках предложения, либо в рамках сверхфразового единства, текста).

К совокупности текстосвязующих средств (анафорических, катарфорических) выражающихся союзами, местоимениями, синтаксическим параллелизмом и, осуществляющих структурную и смысловую связь между предложениями сверхфразового единства, несомненно, относятся, несмотря на их «обособленность» и многие другие парентетические вносения.

В английском языке строение предложений, формирующих сверхфразовое единство (текст), далеко не всегда отвечает тем правилам

построения, которые предписывает нормативная грамматика. Предложения реальной живой речи очень часто обнаруживают разного рода «нарушения» стройности, плавности и чеканности «нормального» ритма и норм интонационного рисунка.

Сущность этого нарушения заключается в том, что в состав предложения «вторгаются» слова или синтаксические конструкции («парентетические внесения») и «нарушают», «разрушают» линейные синтаксические связи.

Парентетические внесения часто употребляются в текстах художественной литературы, литературы научного регистра, и политической речи.

Парентетические внесения были глубоко изучены учеными и суть их изложена в работах: Долговой О.В. Семиотика неплавной речи и Александровой О.В. Проблемы экспрессивного синтаксиса.

Сущность этого явления – «нарушения» состоит во вторжении в состав предложения слова или синтаксической конструкции, которую автор вышеупомянутых работ называют «парентетические внесения». Последние, «вторгаясь» в предложение нарушают линейные синтаксические связи.

С точки зрения строения парентетические внесения разделены на два типа:

– однословные внесения: *again, anyway, doubtless;*

– внесения-сочетания слов: *after all, at any rate, at best, quite independently;*

– внесения-предложения: *he said, he will observe, I believe.*

По общему содержанию внесения делятся на три категории:

– категория отсылки, которую говорящий использует, чтобы сослаться на какой-либо факт, на литературный источник: *hence, then, to my mind;*

– категория экземплификации, включающая слова и синтаксические конструкции, с помощью которых вводятся примеры, пояснения, уточнения: *for instance, suppose, we take for example;*

– категория делиберативности, куда относятся слова и синтаксические конструкции, выражающие сомнения, оценку, раздумья и т.д. *it seems, no doubt, no wonder.*

Данная классификация, несомненно, наиболее разработанная и полная в структурном и функционально-семантическом плане.

В настоящей статье предпринята попытка применения данной классификации парентез к анализу текстов политического дискурса.

Парентеза делиберации *I think*, употребленная дважды в следующем предложении, подчеркивает личное отношение автора к сказанному: *I think they will be talking about other reforms to the program and I think*

with that in mind, we'll see both occurring, mostly because many members, both Democrats and Republicans, think we should have at least a down payment on some reforms.

Следующая парентеза, выделенная с помощью парных тире, относится к категории экземплификации. С ее помощью автор подчеркивает какую именно страну он имеет в виду:

The administration seems to be buying into this same old idea that all diplomacy should be- particularly with China –should be behind closed doors.

Парентезы категории отсылки гораздо реже встречаются в политических текстах. А к наиболее употребимым следует отнести парентезы категории делиберации. Они выражают отношение автора к высказываемому.

Все приведенные выше примеры указывают на то, что парентезы выполняют связующую функцию, они делают текст более обозримым, наглядным, легче воспринимаемым. Парентетические внесения часто содержат информацию, которая относится либо к фоновым знаниям либо связано с содержанием всего текста, таким образом адресуя слушателя к уже известным ему событиям, выполняя таким образом не только текстосвязующую, но и когнитивную функцию.

Л и т е р а т у р а

1. *Александрова О.В.* Проблемы экспрессивного синтаксиса. М., 1984.
2. *Долгова О.В.* Семиотика неплавной речи. М., 1978.
3. *Кирицкая А.А. и др.* Фундаментальные направления современной американской лингвистики: сборник обзоров. М., 1997.
4. *Кубрякова Е.С. и др.* Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
5. *Кубрякова Е.С., Александрова О.В.* Виды пространств текста и дискурса // Категоризация мира: пространство и время. Материалы научной конференции. М., 1997. С. 15-26.
6. *Ченки А.* Современные когнитивные подходы к семантике: сходства и различия в теориях и целях // Вопросы языкознания. 1996, № 2. С. 68-78.

ЛИНГВОДИДАКТИКА

Некоторые проблемы преподавания видов глагола иностранным учащимся

© кандидат филологических наук А. А. Караванов, 2001

Категория глагольного вида традиционно является одной из самых трудных для иностранцев. Чтобы разобраться в причинах трудностей, стоящих перед иностранцами, необходимо исследование **обратной связи** в преподавании, иными словами – необходим анализ конкретных ошибок иностранцев.

Нам кажется, что ошибки, которые делают иностранцы при употреблении видов глагола, в целом можно свести к трем типам:

- 1) ошибки, связанные с интерференцией родного языка учащегося;
- 2) ошибки, связанные с «гиперкоррекцией»;
- 3) ошибки, связанные с характером интерпретации частных видовых значений.

Что касается интерференции, то эта проблема уже давно и хорошо изучена, ей уделялось достаточно много внимания, и поэтому ее мы здесь рассматривать не будем.

Поэтому переходим сразу ко второй проблеме – проблеме «гиперкоррекции». Приведем два случая из практики.

На одном из занятий мы предложили стажерам ответить на вопрос: какая разница между предложениями *Вы заказали обед?* и *Вы заказывали обед?* Стажеры ответили: надо говорить *заказали* – если есть результат, т. е. обед уже принесли, если он уже стоит на столе, и надо говорить *заказывали*, если нет результата, т. е. если обед еще не принесли.

Разумеется, это неправильный ответ, поскольку обе фразы в равной степени могут быть употреблены в ситуации, когда обед еще не принесли, т. е. когда как бы еще нет результата.

О чем свидетельствует данная ошибка? Она свидетельствует, с одной стороны, о том, что иностранцам уже известны основные значения видов (какими являются значение результата у совершенного вида (СВ) и значение процесса (недостигнутости результата) у несовершенного вида (НСВ)), и это, конечно же, является положительным фактом. С другой стороны, данная ошибка свидетельствует о том, что иностранцы переносят результативное значение СВ и процессное значение НСВ

на такие контексты, где противопоставление результата процессу отсутствует. Ведь результат и процесс – это аспектуальные значения, а в случаях типа *Вы заказали обед?* и *Вы заказывали обед?* мы имеем дело не с аспектуальными, а с модусными, субъективными значениями. Такой перенос известных, хорошо усвоенных видовых значений на контексты, где эти значения не выражаются, и является своего рода «гиперкоррекцией».

Другой пример. Студентам предложили ответить на вопрос, какая разница между высказываниями *Ну, расскажи!* и *Ну, рассказывай!* Студенты ответили, что следует употребить форму НСВ (*Ну, рассказывай!*) в том случае, когда мы ожидаем долгого рассказа, поскольку НСВ выражает значение процессности, длительности; и соответственно, мы должны употребить форму СВ (*Ну, расскажи!*), когда рассказ должен быть коротким. Естественно, что и в этом случае перенесение аспектуальных видовых значений (в частности, процессного значения НСВ) на контекст, для которого аспектуальное противопоставление видов неактуально, оказывается неоправданным и приводит к ошибке.

Вероятно, ошибки такого рода на определенном этапе изучения вида иностранцами неизбежны; в этих ошибках можно видеть и положительную сторону (а именно: то, что студенты хорошо усвоили важнейшие, основополагающие значения видов). Что же касается неоправданного перенесения аспектуальных значений на контексты, которым противопоставление аспектуальной семантики несвойственно, то надо подробно разбирать с учащимися каждый такой случай, и тогда со временем эти ошибки исчезнут.

И, наконец, третий тип ошибок – ошибки, связанные с характером интерпретации частных видовых значений.

Приведем еще один пример из практики. При составлении диалога стажер, предлагая своему собеседнику купить у него словарь, сказал: «Покупайте словарь!» Конечно, он допустил ошибку, поскольку в этой ситуации надо было сказать: *Купите словарь!* Фраза *Покупайте словарь!* естественна при выражении значения не ремы, а темы, например, в таком диалоге: – *Купите новый англо-русский словарь!* – *Но у меня уже есть один. – Этот намного лучше. Покупайте, покупайте, не пожалейте!*

При употреблении императива новая информация, **рема**, вводится совершенным видом, а уже известная информация, **тема**, как правило, выражается несовершенным видом. Когда мы поправили стажера и сказали ему, что здесь надо употребить СВ – *Купите!*, а не *Покупайте!*, он удивился и ответил, что по его мнению, надо было употребить форму НСВ потому, что в императиве именно НСВ выражает значение вежли-

вой просьбы. Таким образом, фраза *Купите словарь!*, вероятно, представлялась ему невежливой.

Разумеется, при выражении значения ремы употребление императива СВ является обязательным. Это правило русского языка. С другой стороны, этому правилу противоречит известный тезис о том, что значение вежливой просьбы выражается императивом несовершенного вида. Этот тезис достаточно широко распространен, хотя вряд ли его можно считать абсолютно бесспорным. Так, А. В. Бондарко, касаясь вопроса об употреблении видов в императиве, говорил, что тут сложно вывести какие-то общие правила и что с каждым императивом нужно работать «поштучно»¹. В. В. Гуревич в своем пособии по видам глагола для иностранцев², опираясь на положения концепции О. П. Рассудовой, убедительно показал, что основной оппозицией видов в сфере императива является оппозиция темы и ремы (а отнюдь не выражение значения вежливой или невежливой просьбы). Нам же важно показать, что в некоторых случаях тезис о выражении значения вежливой просьбы приводит к ошибкам в речи иностранцев³.

Вероятно, когда речь идет о контекстуальных значениях видов, следует исходить из того, что выразителем контекстуального значения является не только вид, а весь контекст в целом, включая ситуацию общения. Тонкие субъективные смыслы, выражаемые формами совершенного и несовершенного вида, во многих случаях бывает невозможно охватить каким-то единым обобщающим определением – типа «значение вежливой просьбы» и подобными. Видимо, для усвоения иностранцами контекстуальных видовых значений им следует запоминать не определение, а весь контекст, представляющий собой микроситуацию. Так, для усвоения основного правила употребления видов в императиве иностранцам следует запомнить не тезис о значении вежливой просьбы, а минидиалог типа: – *Возьмите конфету!* – *Спасибо, не хочу.* – *Берите, берите, не стесняйтесь!* При работе с контекстом очень важна наглядность, а стремление к обобщающим определениям приводит к тому, что это определение «зависает», перестает соотноситься с контекстом. Бы-

¹ Из лекции А. В. Бондарко, прочитанной на аспектологическом семинаре МГУ 23 января 1995 г.

² *Гуревич В. В.* Глагольный вид в русском языке: Пособие для изучающих русский язык. М., 1994.

³ Интересно, что тот же самый стажер в другом случае употребил форму вида в императиве совершенно правильно: желая, чтобы преподаватель спросил одну из стажерок, сделала ли она домашнее задание, он сказал: «Спросите, спросите ее!» Получается, что в тех случаях, когда учащийся задумывается над употреблением видов, пытается употребить их в соответствии с «теорией», он допускает ошибки; когда же он, напротив, употребляет виды спонтанно, интуитивно, опираясь только на собственный языковой опыт (т. е. поступая в данном случае так, как поступает русскоговорящий), он употребляет виды правильно.

вают случаи, когда обобщающее определение не то чтобы противоречит контексту, а просто ничего в нем не объясняет, существует как бы «само по себе». Вот пример из практики. При работе с магистрантами выяснилось, что на одном из занятий их научили правилу употребления видов в императиве, согласно которому НСВ выражает значение непосредственного побуждения к действию. Но при этом магистранты ни привели никаких примеров, вероятно, считая, что главное – усвоить определение. Однако как это определение соотносится с реальной картиной употребления видов в императиве?

Возьмем тот же минидialog: – *Возьмите конфету!* – *Спасибо, не хочу.* – *Берите, берите, не стесняйтесь!* Действительно, можно сказать, что НСВ выражает здесь непосредственное побуждение к действию. Однако ведь и форма СВ (*Возьмите конфету!*) тоже выражает непосредственное побуждение к действию. Вернее будет сказать, что побуждение к действию выражает здесь сам императив, поскольку основная функция этой формы как раз и состоит в выражении побуждения к действию. И еще: что значит **непосредственное** побуждение к действию? Ведь если есть **непосредственное** побуждение, то, очевидно, должно быть и какое-то «опосредованное» побуждение, иначе нет оппозиции, нет семантического противопоставления, и определение неизбежно «зависает».

Хотя в то же время мы понимаем, что в основе определения «непосредственное побуждение к действию» лежит правильное представление о данном контекстуальном значении вида, какая-то особенность этого контекстуального значения здесь очень верно схвачена, очень точно угадана. Однако это очевидно для русскоговорящего и неочевидно для иностранца. Если иностранцу сказать, что и НСВ, и СВ в императиве в равной мере могут выражать значение непосредственного побуждения к действию (а мы должны это сказать, потому что это действительно так), то данное определение теряет для него всякий смысл.

Таким образом, решение проблем, актуальных для практического преподавания видов глагола иностранцам, может быть эффективным не только в плане собственно преподавания; оно позволяет также в немалой степени прояснить реальную картину употребления видов глагола и уточнить современную аспектологическую теорию.

**К описанию некоторых свойств русских глаголов,
обозначающих положение тела в пространстве
(концепт пространства в лингвистике
и некоторые специфические особенности его реализации
в русском языке)**

© С. В. Федотова (Италия), 2001

Концепт пространства, его восприятие, определение и выражение является одним из основных и вечных вопросов, занимающих умы человечества. Человеческое сознание воспринимает действительность через восприятие пространства и выражает ее определенными языковыми средствами, специфическими для данного языкового коллектива, создавая то, что мы называем «языковой картиной мира» (о проблеме изучения языковой картины мира см. у Яковлевой 1994, Апресяна 1986, Постоваловой 1988, Цивьян 1990). С одной стороны, в языке находят отражение те черты внеязыковой действительности, которые представляются релевантными для носителей культуры, пользующихся этим языком; с другой стороны, овладевая языком, и, в частности, значением слов, носитель языка начинает видеть мир под углом зрения, подсказанным его родным языком, и сживается с концептуализацией мира, характерной для соответствующей культуры [11, с.7].

Общепризнанно сосуществование двух различных систем понятий – научных, используемых в математике, геометрии, физике, астрономии и др. науках, и понятий ненаучных, так называемых «наивных», существующих в сознании любого человека любого возраста с того момента, как он становится в состоянии выражать окружающую его действительность языковыми средствами и независимо от его знаний в той или иной области науки (ср. введение понятий временной и пространственной отдаленности в детское сознание на самом раннем этапе через фольклорно-сказочные произведения «... давным-давно, в тридевятом царстве, тридесятом государстве жил-был...»). Таким образом, научная модель мира и наивная оперируют как бы на разных (но все же сообщающихся) этапах человеческого сознания, которое по необходимости выбирает те или иные языковые средства для отражения фактов действительности. Сфера научного представления о мире, однако, более ограничена с той точки зрения, что она гораздо реже используется для отражения понятий общих для научных теорий и обыденного сознания, несмотря на то, что бурное развитие технического прогресса и популяризация научных достижений неизмеримо ее расширили.

Как для наивной, так и для научной картин мира категория пространства является одной из основных для осознания и восприятия действительности. Существует два понимания пространства, так называемое пространство по Ньютону и по Лейбницу. Пространство по Ньютону – это «нечто первичное, самодостаточное, независимое от материи и не определяемое материальными объектами, в нем находящимися...» Пространство по Лейбницу – «нечто относительное, зависящее от находящихся в нем объектов, определяемое порядком сосуществования вещей» [9, с. 228]. Принимая во внимание вышесказанное о научной и наивной картинах мира, можно представить себе, что языковые средства современного человека, используемые им для выражения концепта пространства, заполняют как бы перевернутый конус, где внизу располагаются языковые единицы для выражения универсального геометрического пространства, Ньютоновского, занимая самую узкую часть конуса. Выше находятся языковые единицы, используемые для выражения относительного пространства физического и умозрительного на уровне бытового сознания, гораздо большие по количеству, а главное, более наполненные в семантическом плане и зависящие от личного опыта и сознательных интенций отдельного индивидуума. Еще выше мы можем поместить языковые единицы для выражения художественного пространства литературы, еще более семантически наполненные в зависимости от пространственных представлений отдельного автора. О принципиальной разнородности художественного пространства литературы и пространства геометрического говорит М. Ю. Лотман в работе о художественном пространстве в прозе Н. В. Гоголя, ср.: «... понятие пространства не есть только геометрическое», «художественное пространство представляет собой модель мира данного автора, выраженную на языке его пространственных представлений» [7, с. 274, 252-253]. Таким образом создается особая пространственная терминология, наполненная вторичными смыслами, а «пространственная схема имеет тенденцию к превращению в абстрактный язык, способный выражать разные содержательные понятия» (7, с. 278). Естественно, резкого разграничения между тремя составляющими конуса нет и быть не может, скажем, что в приграничных зонах существует некий взаимообмен языковыми единицами, реже – взаимообмен их семантической наполненностью. Что касается лингвистики, то в лингвистических исследованиях пространство представляется, скорее, синкретично: оно совмещает в себе и черты физико-геометрического пространства (ньютоновского) и черты пространства, условно говоря, «семиотического» (лейбницевого) [12, с. 19].

В настоящей работе будут рассмотрены некоторые русские глаголы, выражающие специфику языкового отражения пространства в рус-

ском языке, а именно, глаголы, выражающие положение / местоположение тела в пространстве (называемые также позиционными глаголами): *стоять, сидеть, лежать, висеть*. Основной функцией этих глаголов является связывание субъекта или объекта с локусом, указывая при этом геометрическое положение тела в пространстве.

Глаголы *стоять, сидеть, лежать, висеть* могут употребляться для обозначения положения в пространстве как одушевлённых предметов, так и неодушевлённых. Для неодушевлённых предметов исключение составляет глагол *сидеть* в значении геометрического положения в пространстве (т. е. находиться в вертикальном или горизонтальном положении, согнув конечности под прямым, острым или тупым углом) употребляемый, однако, в других значениях. Глаголу *стоять* со значением находиться на несогнутых ногах / лапах в вертикальном или горизонтальном положении соответствует для неодушевлённых предметов значение находиться в вертикальном положении. Иногда, при употреблении с некоторыми существительными (многочисленную группу подобных существительных составляют названия животных) глагол *стоять* обозначает два различных геометрических положения: кот, тигр, медведь *стоят* в горизонтальном положении на четырёх лапах и в вертикальном положении на двух лапах. Глаголу *лежать* со значением вытянуться всем телом на чем-либо для одушевлённых существительных соответствует для неодушевлённых существительных значение находиться в горизонтальном положении широкой своей частью на какой-либо плоскости. Глагол *висеть* означает как для одушевлённых, так и для неодушевлённых существительных нахождение в подвешенном состоянии независимо от вертикального или горизонтального положения тела, ср.:

1. Кончался март. Моросил дождь. Голые тополя *стояли* в тумане (К. Паустовский).
2. Впрочем, к улице Горького я почему-то скоро привык и уже с трудом мог восстановить в памяти, где какие *стояли* церкви, колокольни, магазины, рестораны (В. Катаев).
3. В раскисших полях *стояла* дождевая вода (К. Паустовский).
4. На могиле ее король поставил памятник. Высокий слон из черного мрамора с золотой короной на голове *стоял*, печально опустив хобот, в густой траве, доходившей ему до колен. Под этой травой *лежала* Катюша Весницкая – молодая королева Сиама... (К. Паустовский).
5. Трамвайные часы *висят* над перекрёстком. Они напоминают бочонок – не правда ли? (Ю. Олеша).
6. Молодой месяц низко *висел* над лесом, и нежный его свет блестел в дождевых лужах (К. Паустовский).
7. Мы сделали большой круг и мимо Владимирского собора вышли к Николаевскому скверу – как раз к тому месту, где недавно я *висел* на ограде, кричал "ура" и махал фуражкой (К. Паустовский).

8. На скамье *сидела* компания: девушка, молодой человек и некий ученый старик (Ю. Олеша).
9. Все офицерское *сидело* на нем криво и косо. Даже брянские гимназисты дразнили его "штафиркой" (К. Паустовский).

Правильное употребление глаголов положения представляет собой немалые трудности при обучении русскому языку иностранных учащихся по многим причинам. Во-первых, во многих европейских языках для определения положения предмета в пространстве вместо глаголов положения используются абстрактные глаголы, соответствующие русским глаголам *быть*, *находиться* или же специфические глаголы. Во-вторых, русские глаголы положения могут иметь определённую специфику употребления с некоторыми группами существительных, трудно объяснимую по сравнению с логически последовательным стандартным их употреблением. В-третьих, эти глаголы могут выполнять функции, отличные от функции выражения положения тела в пространстве. Кроме того, глаголы положения имеют множество переносных значений. Всё вышеперечисленное является причиной того, что русские глаголы положения без особых трудностей понимаются и переводятся иностранными учащимися на их родной язык в случае наличия русского контекста, но редко и часто неправильно используются ими при самостоятельном создании ситуативного контекста на русском языке или при переводе на русский язык.

Попробуем провести сравнительный анализ несложных высказываний на русском языке с аналогичными высказываниями в итальянском языке, ср.: *Олег уже целый час стоит за дверью. E' un'ora che Oleg sta dietro la porta (стоять-stare). Швабра стоит в кладовке в углу. La scopa è nel ripostiglio, nell'angolo. (стоять-essere). Собака спокойно сидела у входа. Il cane se ne stava tranquillo all'ingresso (сидеть-stare). На лбу его сидела огромных размеров шишка. Sulla sua fronte c'era un bernoccolo di enormi dimensioni (сидеть-essere). Вася весь день лежит в постели. Vasya tutto il giorno sta a letto (лежать-stare a letto). Твоя книга лежит у меня на столе. Il tuo libro è sul mio tavolo (лежать-essere). Бабушкина картина висит в гостиной ее загородного дома. Il quadro di nonna si trova nel soggiorno della sua casa di campagna (висеть-trovarsi). Паук висел на длинной нити паутины. Il ragno era sospeso sul lungo filo della sua ragnatela (висеть-essere sospeso).*

Из данных примеров видно, что важным для русского языка является не просто указание на нахождение где-либо какого-либо тела, а указание именно на его геометрическое положение. Затем путем присоединения предложно-падежной конструкции указывается его местоположение относительно других предметов находящихся в окружающем пространстве (физическом или умозрительном). В. Г. Гак в своей работе «Русский язык в сопоставлении с французским», рассматривая

способы выражения положения тела в пространстве, уже отмечал, что глаголы *стоять, сидеть, лежать, висеть*, очень распространённые в русском языке, являются непосредственными синонимами французских глаголов *être, se trouver, être placé*, выражения *il y a*, но не имеют прямых параллелей во французском языке [5, с. 165]. То же самое можно отметить и применительно к итальянскому языку. Как видно из вышеприведённых примеров, в итальянском языке для передачи аналогичного смысла в аналогичных высказываниях используются преимущественно абстрактные глаголы *essere, stare, trovarsi* etc. Кроме абстрактных глаголов в итальянском языке для обозначения положения предмета могут использоваться и другие группы глаголов (например, специфические или локальные глаголы и конструкции: *circondare – окружать, dominare – возвышаться, crescere – расти* (о деревьях), *estendersi – простираться*) – как, впрочем, и в русском, с той разницей, что в том случае, когда положение тела в пространстве ясно из ситуации и итальянский язык предпочтёт абстрактный глагол, для русского языка характерен выбор все же позиционного глагола. Очевидно, что устойчивые предметные отношения объективной реальности отражаются по-разному в русском и итальянском языках и «геометрическое» видение предмета подсознательно превалирует в русском языке.

В. Г. Как уже отмечал, что в том случае, когда позиционные глаголы употребляются в избыточной функции, то есть обозначают положение, которое заранее ясно из ситуации, они утрачивают собственное значение, десемантизируются и выступают как функциональные эквиваленты глагола *быть* и других глаголов обозначающих состояние [5, с. 171]. С нашей точки зрения, в этих случаях можно отметить два типа десемантизации: полную и частичную. Оговоримся сразу, что под десемантизацией здесь понимается лишь отсутствие первичного значения геометрического положения тела в пространстве. Для одушевлённых существительных в большинстве случаев характерна частичная десемантизация. Сравним:

- (1) Он долго *стоял* и смотрел на заходящее солнце.
E' rimasto a lungo a guardare il tramonto.
- (2) *Сиди* спокойно, пожалуйста!
Stai fermo, per favore!

В данных высказываниях для русского эквивалента явно присутствует подсознательно важное указание именно на занимаемое субъектом геометрическое положение в пространстве, поскольку при возможной замене позиционного глагола смысл высказывания меняется, обозначая и в этом случае состояние субъекта, но уже в другом положении:

- (10a) Он долго *сидел* и смотрел на заходящее солнце.
- (11a) *Стои* (или *лежи*) спокойно, пожалуйста!

На итальянский язык вообще сложно перевести такие высказывания как: *стой спокойно, сиди спокойно* или *лежи спокойно* (в смысле не шевелись, не двигайся), обозначив при этом точное геометрическое положение тела. Носитель итальянского языка во всех трёх случаях скорее всего употребит одно и то же высказывание: *stai fermo*, никак не обозначив положения тела, передав лишь команду оставаться в неподвижном состоянии. Очевидно, чтобы получить полную десемантизацию при обозначении состояния, эквивалентом глагола *быть* должен являться не позиционный глагол или же позиционный глагол в утвердившемся переносном значении в сочетании с определенным существительным: *стоять на страже закона, порядка*. Здесь совершенно невозможно заменить употреблённый глагол ни на какой другой позиционный глагол, и он действительно имеет в этом случае только значение *быть*.

Наличие частичной десемантизации можно отметить и для случаев, когда позиционные глаголы дублируют глагол *быть*, выступая как связки в сложном сказуемом, обозначающем временное состояние субъекта (что является ещё одной их функцией), ср.:

(3) Он *лежит* больной.

E' a casa malato.

Полной десемантизации не происходит, так как выражение он *лежит* *больной* явно указывает на то, что болезнь серьезная, при которой человек вынужден оставаться в постели. Если у кого-то сломан палец, то про него не скажут он *лежит* *больной*, более подходит он *сидит* *дома* со сломанным пальцем. Пожалуй, высказывание он *лежит* *больной*, из-за присутствия позиционного глагола *лежать* становится более семантически наполненным по сравнению, например, с он *болеет*, давая понять, что болезнь достаточно серьезная. Однако выражение он *лежит* *в больнице* может в зависимости от ситуации вообще не иметь значения 'находиться в лежачем положении', которое обычно занимает больной; в больнице, например, можно лежать на обследовании, то есть просто находиться там, не будучи вынужденным конкретно лежать.

Как мы указали выше, полная десемантизация позиционных глаголов происходит при наличии переносного утвердившегося значения в сочетании с определенными лексемами при определенной падежной конструкции (ср.: *стоять на страже* + Р.п. – *стоять на страже закона, порядка*; *сидеть в девках* = *быть не замужем*).

Рассмотрим критерий динамичность / статичность. Выражение статичности тела является ещё одной функцией глаголов положения. В этом случае можно отметить наличие полной десемантизации, так как, противопоставляясь глаголам движения (*идти, ехать, двигаться*), они выражают не геометрическое положение предмета, а лишь его неподвижность, ср.:

(4) Поезд *идет* – поезд *стоит*.

(5) Работа *идет* – работа *стоит*.

(6) Тучи *плывут* (двигаются) – тучи *висят* над городом (неподвижно).

(7) Вода *течет* (в реке) – вода *стоит* (в пруду) (примеры из работы В. Г. Гака [5, с. 172]).

В этом случае полная десемантизация позиционного глагола происходит, когда мы имеем дело с неодушевленным предметом, если же речь идет об одушевленном субъекте полной десемантизации не происходит, ср.:

Человек *идет* – человек остановился и *стоит* (на ногах, а не сидит или лежит).

Больной *ходит* – больной *лежит* (в постели, хотя в постели можно и сидеть, но, по большей части, если человек болен, то в постели он лежит или полулежит).

Исключение составляет глагол *сидеть*. Полная десемантизация наблюдается при его употреблении не только с неодушевленными существительными (что происходит всегда), но и с одушевленными существительными, ср.:

(8) На носу у неё *сидел* противный прыщ (неодуш. сущ.).

(9) На блузке у неё *сидело* жирное пятно (неодуш. сущ.).

(10) Костюм *сидел* на нём просто отлично (неодуш. сущ.).

При этом глагол *сидеть* часто (но не всегда) приобретает некий негативный оттенок, подчёркивая отрицательное отношение говорящего к факту. Рассмотрим случаи его употребления с одушевленными существительными.

(11) Она уже целый месяц *сидит* дома с больным ребенком.

(12) Весь день сегодня *сижусь* дома, жду звонка.

(13) В инкубаторе я *просидел* четыре месяца (Д. Хармс).

Выражения *сидеть дома*, *сидеть в тюрьме*, *сидеть в сумасшедшем доме*, *сидеть на чём-либо месте*, *сидеть без работы*, *сидеть в девках*, *сидеть в воде* (долго купаться) являются для одушевленных существительных примером, предполагающим отсутствие, даже подсознательное, «геометрического» видения положения тела:

(14) Интересно, кто сейчас *сидит* на моём месте? Кто-нибудь да *сидит*... Молодой врач вроде меня (М. Булгаков).

(15) Пошел в речку. *Сидел*, *сидел* в воде у краюшка, не стынет, потому жарко, и вода теплая (Вяч. Шишков).

Близкие же по значению *сидеть без дела* и *сидеть сложа руки* предполагают такое подсознательное видение, так как если человек не находится в сидячем положении, вместо *ну, что ты сидишь, без дела, займись чем-нибудь!* скорее скажут *ну, что ты болтаешься без дела (ходишь туда-сюда), займись чем-нибудь!*

Ещё одной функцией позиционных глаголов является использование их как знаков предикации при обозначении явлений природы, смены времен года и частей суток, воздействий окружающей среды на чув-

ства человека (звуки, запахи, холод, тепло, темнота, свет и т.п.), [5, с. 172]. При этом также происходит полная их десемантизация, ср.:

(16) Тонкий туман брызг *висит* кисеей во всю громадную высоту потрясенных обрывов (В. Катаев).

(17) Томная ночная жара неподвижно *висела* в бездыханном воздухе улиц, заросших акациями (В. Катаев).

(18) Роскошная августовская ночь *висела* над миром (В. Катаев).

(19) За окнами *стояла* тишь. Ни одного звука войны не доносилось (А. Бек).

(20) Пользуясь случаем, рыбаки переговаривались, свесивши руки и чубы за борт. Гам *стоял*, как на привозе (В. Катаев).

(21) Серое асфальтовое небо *стояло* над садами (В. Катаев).

(22) Здесь, в городе, все еще *стояло* густое, роскошное лето (В. Катаев).

(23) В ложбине все еще *лежал* густой туман.

(24) Ночь *стояла* поздняя, глухая, ни единой звезды не было над головой (К. Паустовский).

(25) Вторую неделю *стояла* страшная жара.

Интересно употребление позиционных глаголов с существительными, обозначающими атмосферные явления. Например, с существительным *туман* могут употребляться три позиционных глагола: *стоять*, *сидеть*, *лежать*: туман *стоял*, *лежал*, *висел*. Выбор позиционного глагола зависит в данном случае от положения наблюдателя. Выражение туман *стоял стеной* может быть употреблено, когда наблюдатель находится как бы «внутри» тумана, туман *лежал*, когда наблюдатель находится «над» туманом (32), а туман *висел*, когда наблюдатель находится «под» туманом, например, в момент, когда туман опускается (25). С существительным *жара* могут сочетаться глаголы *стоять* (34) и *висеть* (26). Возможное употребление двух позиционных глаголов можно отметить для существительных *дым* и *запах*:

(26) *Стоял* слабый запах гари. Всё вокруг было затянуто струящейся мгlistой пеленой (А. Бек).

(35а) Нежный запах цветущих акаций *висел* в неподвижном воздухе (В. Катаев).

(27) В сенях не выводилась осенняя грязь, а в комнате столбом *стоял* мажорочный дым (В. Катаев).

(36а) Табачный дым неподвижно *висел* над столом, все давно ушли (В. Каверин).

Для существительного *дождь* характерно употребление глагола движения *идти*: *дожди идут*; однако может быть употреблен и глагол *стоять*:

(28) В то лето *стояли* проливные дожди.

Полная или частичная десемантизация соотносятся с грамматическим значением позиционных глаголов. С грамматической точки зрения все четыре позиционных глагола (*стоять*, *сидеть*, *лежать* и *висеть*) являются глаголами несовершенного вида. Основным значением глаго-

лов несовершенного вида является актуально-длительное значение, хотя далеко не все глаголы имеют его. Позиционные глаголы входят в группу глаголов, имеющих это значение; они описывают процесс или состояние, длящиеся в момент наблюдения. Кроме того они могут иметь и неактуальное, постоянно-непрерывное значение, ср.:

(29) Он *стоит* и смотрит на меня.

(30) Замок *стоял* в узкой долине, со всех сторон окруженной горами.

(31) Она *лежит* и читает.

(32) Этот небольшой город *лежит* к югу от границы.

Поэтому естественно употребление позиционных глаголов в тех случаях, когда необходимостью является обозначение постоянных свойств или соотношений, когда ситуация либо вообще не локализована во времени, либо ограничена временем существования своих участников [6, с. 65, 66], ср.:

(33) Лаккадивы *лежат* к западу от Мальдивских островов.

Вернёмся к первичной функции позиционных глаголов, функции обозначения местоположения предмета с указанием его геометрического положения. При сочетании глаголов положения с определёнными существительными наблюдается следующее явление: они могут дублировать друг друга, то есть называть одно и то же положение тела в пространстве. А для некоторых групп существительных, наоборот, может быть характерно употребление лишь одного позиционного глагола, обозначающего два различных положения тела в пространстве. В случае, когда позиционные глаголы дублируют друг друга, называя одно и то же положение тела, на выбор позиционного глагола может влиять размер предмета. Далеко не все существительные обладают такой способностью, например, *книга*, даже самая маленькая, если она находится своей широкой частью на какой-либо плоскости, то она всегда *лежит*, если она опирается на плоскость узкой частью с любой стороны, то она всегда *стоит*. По другому ведёт себя, например, существительное *гриб*. По отношению к этому существительному можно использовать два глагола, даже если он занимает в пространстве одно и то же геометрическое положение. Большой гриб на высокой ножке (подберезовик, подосиновик, мухомор) обычно *стоит*, а крепкий, толстенький боровик или масленок – *сидит*, хотя в общем употреблении обоих глаголов довольно частотно:

(34) Под огромной елью *стоял*, красуясь, гордый ярко-красный мухомор.

(35) Из травы торчат десятка два белых, разных размеров. – Вы нарочно натыкали, – смеется Марья Михайловна. – Попробуйте, сорвите. Я нагибаюсь, пробую, гриб *сидит* прочно (Вяч. Шишков).

На выбор позиционного глагола в данном случае может влиять и положение наблюдателя. В обычной ситуации, когда пропорциональное соотношении между грибом и человеком реальное, могут использовать-

ся оба глагола, а в фольклорно-сказочной ситуации, когда пропорции могут не соответствовать реальности или когда речь идет о ядерном грибе (когда существительное *гриб* используется в переносном значении) предпочтение отдается глаголу *стоять*.

Интересно употребление глагола *сидеть* и по отношению к птицам. Здесь наблюдается обратное явление: глагол *сидеть* может обозначать два различных положения птицы в пространстве и это зависит от размера птицы. Длинноногие птицы, такие как цапля, журавль, аист обычно *стоят*; в определенной ситуации, например, в гнезде, могут *сидеть*. Крупные, но коротконогие домашние птицы (курица, утка, гусь, индюк) тоже могут *стоять* или же *сидеть*, выбор глагола зависит от конкретного положения, занимаемого птицей. Маленькие же птички (воробей, трясогузка, синица) обычно *сидят* не только в гнезде, когда они занимают естественное сидячее положение, высиживая птенцов, но и, например, на дороге, когда они занимают вовсе не сидячее положение.

По отношению к птице (любой), если она *сидит* на ветке или на плече (скажем, попугай) или на руке (голубь, сокол) употребляется всегда глагол *сидеть*, не зависимо от того, занимает ли она действительно сидячее положение или же стоит, ср.:

(36) На плече у матроса *сидел* белый с жёлтым хохолком попугай.

(37) Коршун или ворон, не знаю, большая птица с горбатым клювом *сидит* на платане, раскинув острые крылья (В. Каверин).

Редко по отношению к птицам может употребляться глагол *висеть*, конкретно для тех птиц, которые обладают способностью как бы зависать в воздухе неподвижно, мелко перебирая крыльями (например, жаворонок).

Назовем еще одну группу существительных, для которой характерно присоединение одного позиционного глагола для выражения двух разных типов геометрического положения в пространстве. В эту группу входят некоторые существительные, обозначающие предметы сервировки стола, такие как *тарелка*, *блюдо* и другие, достаточно низкие и плоские, для того, чтобы оправдать употребление позиционного глагола, обозначающего горизонтальное положение предмета (ср., например, стаканы, рюмки, фужеры, следуя общему правилу, *стоят* на столе; вилки, ложки, ножи – *лежат* на столе), однако, разного вида тарелки и блюда всегда *стоят* на столе, *стоят* они и, например, в сушилке, занимая при этом вертикальное положение. Можно сказать, что таким образом ведут себя существительные, обозначающие низкий и достаточно плоский по форме предмет, служащий ёмкостью для какого-либо вещества, ср.: *пепельница стоит на столе*.

Интересно также, что, когда мы называем целое блюдо (кушанье и ёмкость, в которой оно находится), которое подаётся к столу, мы употребляем глагол *стоять*: торт *стоит* на столе, пирог *стоит*, блины,

салаты *стоят*. А когда мы называем отдельно блюдо и отдельно ёмкость, то употребляется глагол *лежать*: на блюде *лежал* огромный жареный поросёнок, салаты *лежали* в больших хрустальных салатницах, кусочек торта *лежит* на тарелке.

Итак, мы рассмотрели несколько частных случаев сочетаемости позиционных глаголов с некоторыми существительными. В этой связи можно отметить, что позиционные глаголы, сочетаясь с некоторыми существительными (не абстрактными и не в переносном значении) могут дублировать друг друга, то есть называть одно и то же положение тела в пространстве. А для некоторых групп существительных, наоборот, может быть характерно употребление лишь одного позиционного глагола, выражающего два различных положения тела в пространстве.

Итак, глаголы положения в русском языке представляют собой совершенно особую группу глаголов, отражающих особое «геометрическое» видение расположения предметов в пространстве, свойственное носителям русского языка. Уже одно это предполагает немалые трудности при выборе соответствующего глагола при порождении речевого акта у изучающих русский язык. Помимо множества функций, свойственных позиционным глаголам, им присуща различная степень «десемантизации», то есть большая или меньшая удалённость от основного значения выражения положения тела в пространстве. Кроме того, при употреблении позиционных глаголов с некоторыми группами существительных наблюдаются такие явления, как использование двух различных позиционных глаголов при обозначении одного и того же положения тела в пространстве и, наоборот, использование одного и того же глагола для обозначения двух различных положений тела в пространстве. В связи с этим обучение правильному употреблению глаголов положения должно включать знакомство как с различными их функциями и значениями, так и с их возможным нестандартным употреблением с определёнными группами лексем.

Л и т е р а т у р а

1. *Апресян Ю. Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 28, 1986.
2. *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.
3. *Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001.
4. *Виноградов В. В.* Русский язык. М., 1986.
5. *Гак В. Г.* Русский язык в сопоставлении с французским. М., 1975.
6. *Зализняк А. А., Шмелёв А. Д.* Введение в русскую аспектологию. М., 2000.
7. *Лотман Ю. М.* Художественное пространство в прозе Гоголя // Ю.М. Лотман. В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1988.

8. *Постовалова В. И.* Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1988.
9. *Топоров В. Н.* Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983.
10. *Цивьян Т. В.* Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990.
11. *Шмелёв А. Д.* Могут ли слова быть ключом к пониманию культуры? (Предисловие) // Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001.
12. *Яковлева Е. С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.

РЕЦЕНЗИИ

Слово и фразеологизм в русском литературном языке и народных говорах¹

© кандидат филологических наук В. А. Кузьменкова, 2001

Вышел в свет сборник научных трудов “Слово и фразеологизм в русском литературном языке и народных говорах”, посвященный памяти Н. И. Лаврова (1949–1990) – яркого представителя фразеологической школы профессора В. П. Жукова, “очарованного странника русской фразеологии”, по словам А. В. Жукова. Н. И. Лавров посвятил свою жизнь собиранию “родниковых” русских слов. Особенно интересны и актуальны его разыскания в области внутренней формы фразеологизма, его семантики. Этому посвящена книга Н. И. Лаврова “Смысловая структура диалектной фразеологической единицы”, увидевшая свет в 1992 году.

В рецензируемом сборнике можно выделить статьи по двум основным направлениям: по вопросам диалектологии и по общим и частным проблемам фразеологии. В сборнике представлены также статьи по словообразованию, переводу, ономастике. Многие статьи сборника имеют практическую направленность и могут быть использованы в практике преподавания русского языка как иностранным учащимся, так и учащимся российских школ и гимназий. Таковы, например, статьи Т. В. Шмелевой, Ю. П. Князева и др.

Вопросы фразеологии обсуждаются в работах А. В. Жукова, В. М. Мокиенко, Татар Бела, С. И. Берневеги, О. Ю. Машиной, Г. В. Токаревой, Л. К. Чистогановой и Н. В. Ждановой. Особый интерес вызывает статья А. В. Жукова “О лексико-фразеологическом словаре русского языка”, в которой он представил развернутую концепцию лексико-фразеологического словаря русского языка (в дальнейшем – Словаря). А. В. Жуков формулирует основные задачи Словаря, представляет его состав, принципы описания фразеологизмов в Словаре, а также излагает структуру словарной статьи и дает образцы словарных статей. Одной из основных задач словаря А. В. Жуков считает указание на роль и место переходных фразеологических явлений в единой системе языковых уровней, так как фразеологизмы переходного типа в силу своей объективно сложной природы находят неоднозначное и наиболее противоречивое отражение в теоретической и практической лексикографии и фразеологии. В

---

¹ Слово и фразеологизм в русском литературном языке и народных говорах: межвузовский сборник научных трудов / Отв.ред А. В. Жуков. – Великий Новгород: НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2001. – 196 с.

качестве основного теоретического принципа Словаря А. В. Жуков выдвигает принцип ядерно-периферийных (полевых) отношений языковых единиц.

В. М. Мокиенко (Санкт-Петербург) в статье под названием “Из истории восточнославянских фразеологических регионализмов ([и] *конь [еще] не валялся*)” исследует историю достаточно популярного фразеологизма в сопоставлении с другими славянскими языками, погружаясь в диалектные и исторические источники и привлекая этнографические факты. В статье О. Ю. Машиной (Новгород) “Фразеологическое значение в языке и речи” находит подтверждение мысль о том, что фразеологизм – это “лексико-семантический” или “семантико-синтаксический” комплекс (см. работы В. П. Жукова, В. М. Мокиенко, В. Н. Телии и др.).

С. И. Берневега (Сыктывкар) в статье “Функции фразеологизмов в текстах газетной рекламы” показывает, что фразеологизмы, используемые в текстах, полифункциональны. Основными их функциями являются эстетическая, контактная и экспрессивная. Материалы данной статьи имеют практическую ценность, так как могут быть использованы при обучении русскому деловому языку. Г. В. Токарев (Тула) в статье “Отражение концепта “труд” в лексике и фразеологии советского периода” пишет о том, что советизмы и теоретический аппарат, их описывающий, вновь становятся объектом лингвистических исследований. На примере концепта “труд” автор показывает, какие изменения претерпевает понимание труда в разные отрезки времени. Трудовые советизмы показывают эволюцию языкового сознания нации. В статье Н. М. Харловой (Шадринск) рассматривается вопрос о том, как реализуют залоговые отношения глагольные компоненты в составе фразеологизмов модели “V + N₄ / N₂”. Автор делает вывод, что в данной модели реализуются преимущественно формы действительного залога. Это объясняется тем, что основной пласт среди исследуемых структур составляют фразеологизмы, обозначающие действие, исходящее от носителя и направленное на объект. Автор статьи “Афоризмы, их функционирование и восприятие” В. И. Кодухов (Ишим) сравнивает пословицы и афоризмы, находит в них некие общие черты и то, что их различает. Он рассматривает функционирование афоризмов в различных текстах: в художественной, научной и публицистической литературе. В. И. Кодухов считает, что афоризмы, будучи не раз повторенными, становятся нормой – литературной и разговорной, кодифицируется не только форма (с лексемными вариантами), но и типовое значение. Изучение афоризмов, их семантики должно быть функциональным.

Среди авторов сборника имеется также представитель зарубежной фразеологии – Татар Бела из Будапешта. Его статья под названием “Функционирование религиозной фразеологии в художественной литературе современного русского языка” посвящена семантическим особенностям и происхождению библейских фразеологизмов. Рассматривая их с точки

зрения семантики, автор делит их на моносемантические и полисемантические, а с морфологической точки зрения – на субстантивные, глагольные, адverbиальные, местоименные, модальные, междометные. Статья проиллюстрирована многочисленными примерами из произведений разных писателей (А. П. Чехова, И. А. Бунина, В. Я. Шишкова, А. М. Горького, В. М. Шукшина, М. А. Булгакова и др.), что делает выводы автора об использовании библейских фразеологизмов в художественных текстах очень убедительными.

В последние десятилетия многие лингвисты занимаются сопоставительными исследованиями фразеологических оборотов (см. работы В. М. Мокиенко, Г. С. Свешниковой, Ю. А. Долгополова, Е. Ф. Арсентьевой, Э. М. Солодухо), Л. К. Чистоганова и Н. В. Жданова (Новгород) посвятили свои исследования межъязыковой синонимии фразеологизмов русского и английского языков. Исследования показывают возможность независимого возникновения сходных или близких по значению фразеологизмов в языках разных групп. Авторы считают, что независимое формирование многих фразеологических параллелей определяется в значительной степени действием универсалий, которые составляют две главные группы: лингвистические универсалии и универсалии человеческого существования.

Как известно, в Новгородском университете сбор и изучение диалектной лексики имеет давние традиции. Поэтому многие статьи сборника посвящены проблемам диалектологии. Основные и наиболее известные работы связаны с именами В. П. Строговой, А. В. Клевцовой, А. В. Никитина, В. С. Жекулина, Л. П. Михайловой, В. Л. Васильева, Л. Я. Петровой. В статье “История изучения диалектной лексики на территории Новгородской области” В.Л. Васильев (Новгород) пишет, что “интерес к новгородской диалектной лексике возник одновременно с зарождением русской диалектологии и диалектной лексикографии вообще”. Автор напоминает, что первая развернутая характеристика новгородских говоров принадлежит В. И. Далю. В. Л. Васильев прослеживает лексикографическую деятельность в XIX веке, отмечает важное событие в русской диалектологии – создание в 1903 году Московской диалектологической комиссии (МДК), дальнейшая деятельность которой состояла в сборе и систематизации диалектных явлений и в составлении карты русских говоров. В 1949 году вышел первый в русской диалектологии атлас – “Лингвистический атлас района озера Селигер”. Важнейшим событием в Новгородской диалектологии было издание в 1992-1995 гг. Новгородского областного словаря (НОС). Среди работ по новгородской диалектной фразеологии наиболее заметной остается книга Н.И. Лаврова “Смысловая структура диалектной фразеологической единицы” (Новгород, 1992).

А. С. Герд (Санкт-Петербург) в статье “К реконструкции древнерусских диалектных зон: Западноновгородская диалектная зона”, построенной на материале Новгородского областного словаря Т.1-6 (А – Н), дает список

слов, известных только в Западноновгородской диалектной зоне. Задачей статьи А. С. Герда считается “постулирование одного общего факта – наличия достаточно большого пласта лексики, по-видимому, не известной в говорах к востоку от Ильменя, Ловати и Волхова”. Большинство из приведенных слов, по мнению автора, представляют собой “словообразовательные экспрессивные инновации от праславянских и восточнославянских основ, но в то же время все они четко вписываются именно в западноновгородский ареал”.

Статья А. В. Клевцовой (Новгород) “Имя прилагательное в сказуемом” построена также на материале Новгородского областного словаря, в создании которого она принимала самое активное и живое участие. Предметом рассмотрения в данной статье являются качественные прилагательные положительной степени, так как они продуктивны в сказуемом. Статья содержит большое число тщательно документированных примеров: после каждого из них указан район, где записано предложение, номер выпуска словаря и страница, где зафиксировано предложение. Проанализированный диалектный материал дает возможность автору сделать вывод о широком распространении в сказуемом полных прилагательных в именительном падеже, о непродуктивности кратких и малочисленности полных прилагательных в творительном падеже. Проведенное сопоставление данных литературного языка и диалекта свидетельствуют, по мнению автора, “о неравномерном развитии одного и того же явления в различных языковых сферах, в частности, о более быстром в сравнении с литературным языком распространении в диалекте предикативных полных прилагательных в именительном падеже”.

Л. Я. Костючук (Псков) в статье “Полнота отражения диалектного материала и воссоздание языковой картины мира” (на материале сведений для лексического атласа народных говоров) показывает, что иногда по разным причинам не удается собрать лексический материал в полном объеме, и тогда на соответствующей карте, к сожалению, остаются лакуны. Автор статьи пишет о том, как членами кафедры русского языка Псковского пединститута была заполнена одна из лакун, отражающая значительный участок материальной культуры русского народа: были получены редкие этнографические сведения об одном из видов русской одежды – сарафане, которые не были получены в год обследования Печерского района. О словах, связанных с материальной культурой, пишет также Л. Я. Петрова (Новгород) в статье “Из севернорусской лексики материальной культуры (мостины, мостинка). Она проводит исследования, опираясь на материалы словарных картотек областных и сводных диалектных словарей, на материалы словаря В. И. Даля. Автор статьи рассматривает существующие точки зрения (см. работы О.Н. Трубачева, А. С. Герда) на происхождение этих наименований. Л. Я. Петрова приходит к выводу, что зона древнего псковско-

новгородско-тверского единства, по всей вероятности, и явилась местом “рождения” рассмотренных наименований корзинок.

О создании Новгородского словаря пословиц и поговорок пишет С. В. Рогозина (Новгород) в статье “К вопросу о региональном словаре пословиц и поговорок”. Такой словарь может быть полезен не только лингвистам и фольклористам, но и всем другим читателям, которые интересуются культурой народа и его бытом. С. В. Рогозина намечает в статье ряд вопросов, которые необходимо решить при создании словаря такого рода, в частности, определить способ исследования паремиологической семантики и тип ее толкования в словаре. Автор считает, что оптимальным может быть синтез семантического и семантико-прагматического способов исследования значений паремиологических единиц.

Привлекают внимание и вызывают несомненный интерес работы, связанные с исследованием синтаксических структур, пограничных с фразеологизмами, – описательных предикатов. Эту тему в сборнике обсуждают Г. В. Макович (Челябинск) и В. Г. Дидковская (Новгород). В работах, посвященных описательным предикатам, неоднократно отмечалось, что описательные предикаты (ОП) – это особая синтаксическая единица, отличающаяся по своим качествам и от свободных словосочетаний, и от фразеологизмов (см. работы П. А. Леканта, В. Н. Телии, М. В. Всеволодовой, Т. В. Шмелевой, Г. В. Макович, В. Г. Дидковской, В. А. Кузьменковой и др.). Довольно часто обсуждается проблема номинации в ОП (см., например, работы В. Н. Телии). Эту проблему в статье “Когнитивные механизмы порождения описательных предикатов” исследует Г. В. Макович. Она считает, что “ОП строятся на логической и образной метафоре” и что “образные” ОП не следует противопоставлять “безобразным”, так как “общими являются принципы номинации, лежащие в их основе”. Однако сам факт наличия “образных” и “безобразных” ОП, который невозможно проигнорировать, содержит элемент противопоставления или, по крайней мере, указания на то, что в способе их номинации содержатся некоторые различия. В статье В. Г. Дидковской (Новгород) “Особенности субъектного актанта при предикате, выраженном фразеологическими сочетаниями (ФС)” доказывается мысль о том, что “в анализируемых структурах связь с субъектом-подлежащим осуществляется иначе и создает иную структурную модель, чем в предложениях с другими типами сказуемого”. Правда, нам кажется спорным, что в одном ряду исследуются такие структуры, как “вести борьбу”, “принимать участие”, “оказывать помощь”, для обозначения которых принят термин “описательный предикат”, и такие структуры, как “оставлять в покое”, “держат слово”, которые, на наш взгляд, имеют другую природу. В. Г. Дидковская причисляет оба типа структур к фразеологическим сочетаниям.

Не менее интересны другие работы в сборнике, которые касаются самых разнообразных проблем. Так, например, в статье В. Г. Руделева обсу-

ждается динамическая концепция частей речи, которая разработана в русле Тамбовской лингвистической школы и суть которой сводится “к необходимости установления частеречной системы оппозиций и корреляций, измерения информационной мощи каждого члена оппозиции – на основе установленных нейтрализаций частей речи в слабых позициях”. В. Г. Руделев считает, что в трудах представителей иных направлений и школ встречаются лишь отдельные аналогии данной динамической теории. По его мнению, с теорией Л. В. Щербы обсуждаемую теорию сближает приоритет значения над формой, а определяющий динамическую теорию признак – нейтрализация – почерпнут в теории фонем Н. С. Трубецкого. В. Г. Руделев допускает, что в динамическую теорию частей речи русского языка могут вноситься коррективы, но главное условие при этом – “на первом месте при описании частеречных классов должна стоять семантика...”.

Статья Ю. П. Князева (Новгород) называется “Слова с префиксом СО- в современном русском языке”. Автор констатирует тот факт, что слова, образованные с помощью продуктивного префикса СО-, занимают особое положение в словообразовательной системе русского языка, и приводит обоснование этого утверждения. Он подробно останавливается на семантике префикса СО-, иллюстрируя все положения статьи убедительными примерами. И, наконец, снабжает статью историческим комментарием. Материал статьи так и просится в практику преподавания не только русским, но и иностранным учащимся, например, в учебник по функциональной грамматике. В этом плане представляет интерес также статья А. В. Дубко (Новгород) “Возвратные глаголы с взаимным значением в языке художественных произведений”. Автор рассматривает языковые средства, участвующие в выражении взаимного значения: анафорическое взаимное местоимение *друг друга*, сочетание *один другому*, прилагательные *взаимный*, *обоюдный* и образуемые с их участием сложные слова, существительные *взаимопомощь*, *взаимодействие*, отглагольные наречия типа *наперебой*, *наперегонки*, глаголы *враждовать*, *спорить*, *дружить*, *беседовать*, *воевать*, связанные с речью, с беседой, с общением между людьми, а также так называемые возвратные глаголы. А. В. Дубко приходит к интересному выводу: группа собственно-возвратных глаголов сократилась по сравнению с более ранним состоянием русского языка и продолжает сокращаться. Для описания взаимных действий используются другие языковые средства, а не глаголы с возвратным значением.

В русле семантических исследований написана статья Л. В. Емельяновой (Новгород) “О зависимости синтаксического устройства сочетаемостных конструкций от семантики их компонентов”. В статье прослеживается мысль о том, что русский язык очень чутко реагирует на изменение тех или иных сторон экстралингвистической ситуации и “для каждой семантически новой обстановки старается подобрать свое синтак-

сическое выражение”. Данный факт автор иллюстрирует на примере сочетаемых конструкций префиксальных глаголов движения с предложно-падежными конструкциями, обозначающими начальную и конечную точки перемещения. В статье Л. Е. Кругликовой “Качественные наименования лица, вошедшие в русский литературный язык во второй половине XX века” (Новгород) исследуются слова и фразеологизмы со значением качественной оценки лица, появившиеся в последние десятилетия и не получившие лексикографического описания или помещенные в словарях новых слов, а также в недавно вышедших толковых словарях. Анализу подвергались и окказионализмы. Автор приходит к выводу, что для русского языка второй половины XX века характерно увеличение доли лексем с переносным значением. Число словообразовательных дериватов, которые обладают наименьшей экспрессивностью, с течением времени уменьшается, число же более экспрессивных семантических дериватов возрастает. Этот факт подтверждает гипотезу о действии в современной русской лексике тенденции к повышению экспрессивности, выдвинутую Д. Н. Шмелевым.

Т. Г. Аркадьева и В. Н. Проничев (Санкт-Петербург) назвали свою статью “Об агентивных субъектных значениях синтаксем”. В статье подчеркивается, что в двусоставных высказываниях канонического типа синтаксема со значением субъекта является главной в структурно-семантической схеме. Все конкретные субъектные значения синтаксем “определяются той смысловой ролью, которая предназначена им в структурно-семантической схеме высказывания, обозначающего типовую ситуацию, знаком которой является предикат. Семантика предиката обуславливает частное значение смысловой роли субъекта”.

О важности изучения словообразования пишет Е. В. Огольцева (Новгород) в статье “Аспекты изучения потенциальности словообразовательной модели”. Автор разделяет позицию Е. А. Земской, которая в 70-е годы писала: “При изучении словообразования... необходимо изучать не только то, что реально существует, но и то, что возможно, но лексически не представлено”. Е. В. Огольцева указывает на перспективу изучения словообразовательной модели, которая состоит в создании типологии словообразовательных моделей в зависимости от их регулярности, продуктивности, потенциальности, окказиональности.

Л. К. Чистоганова (Новгород) в статье “К проблеме лексического аспекта перевода” рассуждает о проблемах перевода. Она пишет, что при переводе широкое распространение получили так называемые лексико-грамматические переводческие трансформации: перестановки, замены, добавления, опущения. Автор считает, что особое место занимает прием семантических компенсаций, состоящий в том, что переводчик стремится не к эквивалентности тех или иных лексических и/или грамматических единиц, взятых в отрыве от контекста, а к эквивалентности обоих текстов: текста на исходном языке и текста как результата перевода. Автор анализи-

рует проблемы перевода научно-естественных, технических и художественных текстов, обращается к некоторым переводам англоязычных текстов на русский язык и уделяет особое внимание семантике и прагматике языковых знаков.

А. Н. Зеленов (Новгород) посвятил свою статью 110-летию со дня смерти Д. Д. Минаева и озаглавил ее “Король рифмы”. В статье отмечается, что Д. Д. Минаев всегда с удивительной оперативностью откликался на важные события и явления общественной и культурной жизни России. Д. Д. Минаев как автор каламбурных стихов не знал себе равных; он оказал влияние на развитие последующей сатирической поэзии. Несомненна и эстетическая функция каламбуров Д. Д. Минаева: остроумная игра слов доставляет эстетическое наслаждение. К сожалению, долгое время не было издано не только собрания его сочинений, но даже сборника каламбурных стихотворений. И только в 1998 году в альманахе “Говор” (г. Сыктывкар) вышли в свет “Каламбуры Дмитрия Минаева”. Составителем сборника каламбуров и автором вступительной статьи и примечаний к сборнику является А. Н. Зеленов.

Несколько статей в сборнике посвящены исследованию текста. В. А. Сидоренков (Новгород) в статье “Текст в динамическом аспекте” характеризует текст как произведение речи, выделяя его основные системные свойства: 1) связность; 2) цельность; 3) интерпретируемость. Автор статьи отмечает, что исследование текста в динамическом аспекте создает основу для разработки антропоцентрической концепции, в которой результатом обучения является формирование обобщенных умений текстования и текстообразования.

В статье Т. С. Кусаиновой (Алма-Ата) “О роли памяти в организации лексического уровня текста (“Другие берега”) В. В. Набокова” утверждается, что особая роль слова “память” в тексте романа “Другие берега” состоит в том, что оно как ключевое слово и понятие создает направление в разных аспектах анализа лексической структуры текста. Это позволяет выделить лексему “память” как определяющую в лексической организации романа. Г. Н. Гиржева, В. И. Заика (Новгород) в статье “Словесный пейзаж в функциональном аспекте (на материале романа Б. Пастернака “Доктор Живаго”)” рассматривают роль пейзажа в художественном тексте. По мнению авторов, пейзаж в художественном прозаическом тексте имеет как минимум два аспекта: 1) как композиционный элемент, он является компонентом структуры текста и соотносится с отдельными его элементами; 2) пейзаж также может рассматриваться в аспекте референции. Оба эти аспекта позволяют установить функциональность пейзажа.

П. А. Семенов (Новгород) в статье “К вопросу о преобразовании генетико-стилистических категорий в собственно стилистические” касается проблемы формирования русского литературного языка как национально-го. Он рассматривает этапы преобразования и распада славянизмов как

особой генетико-стилистической категории и приходит к выводу, что использование славянизмов становится достоянием индивидуальных стилей отдельных авторов и уже не характеризует литературного языка в целом. “В литературном узусе на смену этой генетико-стилистической категории приходит собственно стилистическая”.

С. И. Автономова (Новгород) в статье “Особенности восприятия лексики пушкинской эпохи учащимися 9 класса” затрагивает проблему школьного образования и размышляет о том, насколько готовы наши школьники изучать творчество А. С. Пушкина и когда (в каком классе) стоит этим заниматься.

Заинтересованный читатель с удовольствием прочитает статью Т. В. Шмелевой “Новгородский ономастикон”. Работы этого ученого, как правило, сочетают в себе высокий теоретический уровень с конкретной практической направленностью. Многие статьи Т. В. Шмелевой демонстрируют образец того, какой вклад может внести филология в развитие общей культуры. Обсуждая имя города “Новгород”, автор сообщает немало интересных и малоизвестных фактов и делает вывод, что “... астионим Новгород одновременно уникален и универсален: он представляет собой реализацию общечеловеческой ойконимической модели и уникален своей судьбой”. Автор статьи пишет о топонимии (уличном ономастиконе) Новгорода и попутно замечает: “Новгороду нужен новый справочник, где бы новые названия не только соотносились со старыми, но и разъяснились, сопровождалось орфоэпическими и грамматическими комментариями; такая работа невозможна без историков и филологов”. По мнению Т. В. Шмелевой, “ономастикон городской среды будет неполным, если не будут описаны и менее массовые, но не менее значимые для горожан наименования всех объектов городской среды – гостиниц, парикмахерских..., кафе и ресторанов, а также предприятий”. Говоря об антропомиконе, автор предлагает лингвистам вести ономастический мониторинг, с тем, чтобы выявить “не только состав фамилий и имен новгородцев, но и изменение их вкусов, моды на имена, предпочитаемые принципы выбора имени для ребенка — по святцам, по семейной традиции, по моде...”. Как всегда, Т. В. Шмелева обращается к широкой аудитории: “и школьники, и студенты могли бы стать не только знатоками новгородской ономастики, но и активно участвовать в ее собирании, фиксации, даже публикации материалов”. Автор статьи призывает “объединить силы” в подготовке “ономастических портретов” различных мест Новгородского края. И, наконец, автор призывает создать словарь, который “мог бы и называться, как эта статья, — “Новгородский ономастикон””.

Рецензируемый сборник относится к классу таких научных трудов, которые требуют внимательного прочтения и глубокого изучения.